

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДЖОНЫМ

5 '89

151-6

СПАСЕННАЯ КРАСОТА

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

В глубине улицы им. Сакко и Ванцетти в Свердловске прохожего остановят резные деревянные дворцы. Настоящее резное чудо: живописный фронтон с уникальным растительным орнаментом, щедро украшенные наличники окон, балконы, террасы, ажурная беседка во дворе — все в духе древнерусской архитектуры. Напротив — дворец в стиле восточного палаццо. Это бывшие особняки купцов братьев Агафуровых, построенные в начале века. Сейчас в «древнерусском тереме» размещена Свердловская вечерняя художественная школа.

Совсем недавно здание было иным. Обвалившийся балкон, гниющие останки крыльца, содранные наличники. Дом оказался никому не нужным.

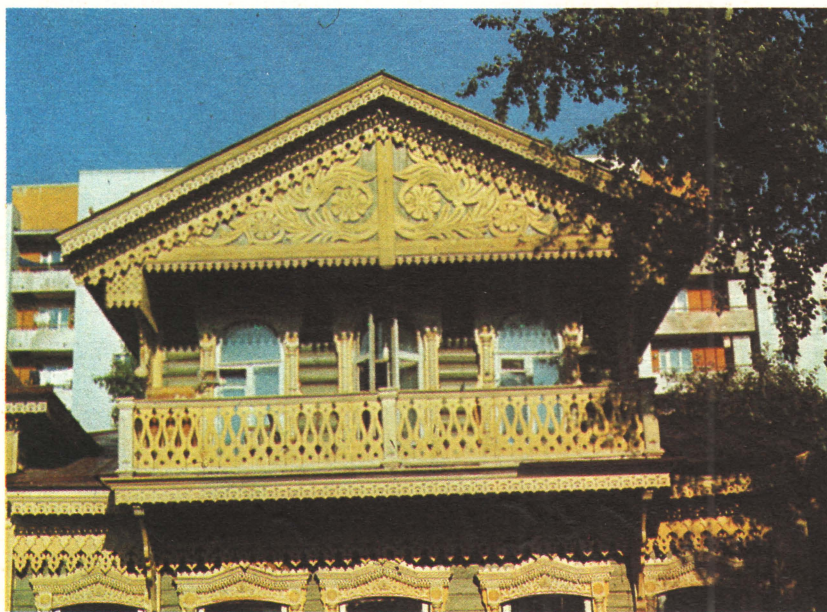
Будущие художники за небрежением и обветшалостью разглядели красоту. После занятий и в выходные дни взялись восстанавливать памятник на свой страх и риск — под руководством директора школы Льва Хабарова. Поменяли сгнивший нижний венец деревянного сруба, грозивший завалить здание, обновили ступени внутренней лестницы, перекрыли крышу, чтобы не заливали дожди.

В разгар «акции по спасению» пришла кому-то в голову идея: возобновить здесь молодежную экспериментальную художественную выставку. Первая такая выставка открылась на улице Сурикова, 31.

Школа обратилась к свердловским неформалам помочь выставке, помочь «бесхозному» зданию. И во первой общественной акции только что возникшего клуба любителей рок-музыки при ДК «Автомобилист» стал субботник в здании «художки». В первую субботу сентября ранним утром собрались человек сорок, принесли с собой магнитофон и под песни любимой рок-группы таскали доски, сгребали и жгли мусор, пили и строгают. То же повторилось и в воскресенье. Вот вам и «неудобные» подростки! Неудобны они, оказывается, для тех, кто хочет жить спокойно, не думая о времени и его проблемах.

И стал преобразовываться резной терем на улице Сакко и Ванцетти, 25. Посмотрите хотя бы на наличник. В центре его розетка-солнышко, пришедшая из глубины столетий языческой Руси, когда люди поклонялись солнцу. Утерянное деревянное кружево создано заново по старым рисункам. Ныне реставрация идет уже по всем правилам и полным ходом. Свердловский горисполком выделил 40 тысяч рублей на восстановление шедевра деревянного зодчества.

(окончание на 1-й стр. вкладки)

В НОМЕРЕ:

О. Лузянинов	ПОКЛОНИСЬ ПЕЧНОЙ ТРУБЕ	2
Н. Черных	«ПРИНЕСТЬ ХОТЬ ЧАСТИЧКУ ПОЛЬЗЫ»	6
В. Копылов	МОНЕТЫ МЕНДЕЛЕЕВА	7
А. Гольд	КАНУН РАЗЛУКИ. Стихи	8
В. Крапивин	ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман. Книга третья	
	НАСЛЕДНИКИ. Продолжение	9
А. Яковлев	КОММУНИСТ, РЕПОРТЕР, ПИСАТЕЛЬ	35
А. Виннингтон	ДИЛЕТАНТ. Зарубежный микродетектив	36
А. Чечулин	ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ СОЛДАТСКИХ МЕМУАРОВ	41
Я. Гельбл	НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР	42
	СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	43
В. Борейко	ПАСЫНОК РОССИИ	44
	ГОТОВИМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ!	46
В. Карелин	ЧЕЛОВЕК ПУТЕШЕСТВУЮЩИЙ	48
В. Борисов	ОЗЕРО СМОЛИНО — ЗДРАВНИЦА ИЛИ РЕЗЕРВАУА?	50
	СПАСИБО, РОДНИК!	51
С. Мешавкин	К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА	52
В. Зикунов	ДЕРЕВЯННЫЕ КОНИ	53
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»		
А. Стругацкий, Б. Стругацкий	ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ. Сценарий трехсерийного	
	фильма. Окончание	57
О. Ларионова:	В ОБЩЕСТВЕ — НОСТАЛЬГИЯ ПО ГЕРОЮ...	67
М. Марьяна	ИЗ ЗЕРНА ИРОНИИ!	71
А. Понизовкин	МИР ВАМ, ВРАЖДУЮЩИЕ БОГИ!	74
С. Соколкин	СТИХИ	77
	МИР НА ЛАДОНИ	78
В. Возчиков	РЫЦАРИ СВЕРДЛОВСКОГО ОРДЕНА	79

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК .
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЯОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы
и поэзии),
51-53-20 (науки и техники,
публицистики),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.02.89.
Подписано к печати 22.03.89.
НС 15059.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 12,6.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 494 000.
(2-й завод: 250 001—494 000).
Заказ 453.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620151, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фото
Олега Капорейко «Подснежник»,
фото Владимира Борисова
«Юный май».

© «Уральский следопыт», 1989 г.

Олег ЛУЗЯНИНОВ

ПОКЛОНИСЬ ПЕЧНОЙ ТРУБЕ

Кытлым — это старательский прииск на севере Свердловской области. Тут я родился, тут земля моих родителей, моих дедов.

...В доме моей тети есть кованный белой жестью «с изморозью» сундук. Крышка его изнутри оклеена конфетными фантиками восьмидесятилетней давности. На одних — портрет Льва Толстого с книгой в руке, придающей ему апостольский вид. Конфеты были выпущены фирмой Конради в Санкт-Петербурге в 1908 году. Вдвоем с тетей мы «расколупали» историю фантов.

В приiske Сосновка, недалеко от Кытлыма, у Василия Сидоровича и Ульяны Алексеевны Абатуровых в июле 1908 года родилась дочь, третья по счету. Да трое сыновей подрастают. Глава семейства от избытка чувств и сознания с лихвой исполненного долга весь вечер ходил из дома в дом, угощал старательскую братию «кумышкой». Домой вернулся за полночь, измученный славой, похмельный, расхристаный, с перепутанной «аввакумовской» бородой, с большой, щепного ремесла коробкой в обнимку.

Ввалился в парное тепло своей избушки, где вся семья спала вповалку на полу и только Ульяна сидела на железной кованой кровати, зыбая люльку «опеть с девкой».

Василий постоял чуток в потемках у порога и что есть мочи заорал хриплым басом:

— Двенадцать мальчиков! Огня!

— Экой ты дурак, Василей. Чего хазишь? Все спят. Ложись-ка. Вот я тебе рядком и место нагрела, ложись, мой баской.

Василий прямо в обнимку с коробкой пал на кровать и тут же захрапел. Ульяна, погода немножко, выпростала из его рук коробку, развязала рогожную мочалинку, открыла и ахнула: коробка почти полна шоколадных конфет и карамелей в красивых обертках!

Так отметили появление на свет девочки, которую окрестил батюшка из ямского старинного села Растесс, и нарекли рабу божию Еленой. Через девятнадцать лет она станет моей матерью.

События надвигались шквально. В глубинку хлынула осень 1918 года. Василий Абатуров с сыновьями — Геннадием, Феогеном и Александром — одними из первых записались в партизанский отряд.

Но невозможно было противостоять хорошо вооруженным белым отрядам, и верхотурский уком постановил эвакуировать партизан и их семьи в Тамбовскую губернию. Абатуровы почти все имущество «вторкали» в тот сундук, где нашлось место и журналам «Нива», «Родина», библиотечке изданий Каспари и другой прекрасной чепухе.

Возвращались в Сосновку в двадцатом году. По дороге Василий заболел тифом, и его сняли санитары с поезда уже в родной Пермской губернии. Ульяна глядела невидящим взглядом на новонезнакомое лицо мужа, слушала и не могла расслышать, что говорил в бреду на прощанье богатырь, которому, казалось, износу не будет. Санитар пытался снять с отекавшего пальца широкое обручальное кольцо червонного золота, чтобы отдать Ульяне, и никак не мог.

— Полно тебе! Отступись, не с мясом же! — остановила его Ульяна. Крестила носилки с Василием и не знала, как сказать: «Сохрани, господи» или «Упокой, господи». И надежды никакой, и живого покойником не назовешь.

Первый год ждала, что объявится в родной Сосновке,

заорет на радостях с порога: «Двенадцать мальчиков! Огня!» В заботах да хлопотах быстро угасает надежда. Занавесила свою надежду и Ульяна.

Сосновка так и не дожидая до своего расцвета. Теперь там пять-шесть домишек без окон, без дверей, как заблудившиеся на лесной поляне странствующие слепцы, не знающие, как выйти к людям.

Теперь вся жизнь теплилась в Кытлыме, в «Клондайке а ля русс». Удивительное местечко — Кытлым! Тут горы со снежными папахами до самой середины лета. Леса еще не до предела истреблены планово-преступным «лесопользованием». Можно найти грибы, кедровые шишки, ягоду-нелюдишку княженику, малину, голубику и самую что ни на есть ягоду всех ягод — горьковатую бруснику. Ее кустик может плодоносить много десятков лет.

Отец мой был непоседа, и мы все время куда-то переезжали, где-то обустривались, и опять ехали на поезде, на лошадах, парходах, тащились с чемоданами, сумками, узлами, узелками и даже со своим никелированным чайником. И хотя мы бегали «по кругу», мне казалось, что меня далеко и навсегда увозят от родимого местечка.

Лучше всех меня понимала тетя Настюша и очень часто забирала погостить хоть на часть лета в Кытлым.

Лето 1937 года. Я снова в гостях у тети Настюши. Удивительно теплое и прозрачное, солнечное лето было в тридцать седьмом, и лесные пожары не заставили долго ждать. Занялся огонь под Конжаковским камнем, горела вековая, нетронутая тайга. Кытлымских старателей, мужиков из окрестных поселков Южного, Северного, Серебрянки, Катышора нарядили тушить. Горе-пожарники с утра до вечера бегали по лесу с топорами, пилами, лопатами, баграми от одного очага к другому, хлестали длинными березовыми ветками горящую сухую траву, хвою, мох, но порыв ветра, как бы зловеще похихатывая, кидал на это же место горящие вершины деревьев, валил их целиком и тогда уж — дай бог ноги!

Все уповали на Ильин день, 2 августа: «Если будет дождь — быть ему шесть недель». И верно — пролился дождь, с громами и молниями, с очевидным торжеством грозного пророка, репетирующего светопредставление. Схлестнулись две стихии — огонь и вода. Одной пришлось уступить. И снова солнце, и теперь уж совсем оглушительный крик воробьев.

Глядя из-под ладони на ровные ряды умытых белых домиков поселка Южный — это всего в двух километрах от нас, — я сказал тете:

— Как там красиво! Улицы — как по ниточке! Когда вырасту, приеду сюда насовсем и буду жить.

— Дурашечка, там знаешь кто живет? Выселенцы, — почти шепотом пояснила тетя.

Через год я опять приехал в гости, и на исходе лета мне довелось поработать на покосе у дяди Феогена Васильевича. Помощницей-поденщицей была недалекая соседка дяди Феогена — Анна Николаевна Гусева. Огневая баба, порох! В начале тридцатых годов она состояла в женсовете прииска.

Мне Анна Николаевна запомнилась рассказами в покосном шалаше под комаринный звон в долгие вечера, когда гудит с непривычки спина и не знаешь, как уложить

перетруженные без сноровки руки со свеженькими водянистыми мозолями.

— Помню, привезли в Кытлым переселенцев обозом. А уж конец октября, мороз, снежище — во! По самое некуда! Привезли, быстрехонько созвали нас, выдвинженцев, женсоветовских бабешок. Мол, куда их лучше везти на поселение? А тут везде хорошо, как у тети Дуни в пазухе! Порешили: одних под гору Косьву, тут рядом в двух верстах, других на речку Серебрянку, поближе к электростанции, к дровам для нее. Это двенадцать километров, и все лесом! А ни тут, ни там даже шалашика нету. Выгрузились они прямо на снег. У кого есть перина, подушки — самое богатство. Только я больше всего помню деревенские одеяла из лоскутьев да грубошерстяные одеялишки, с какими вербованные от барака к бараку по свету бегают.

Выгрузились. Дак не помирать же, ногой не дрыгнув. Мужики, этта, быстрехонько взялись заготавливать сушилки, разводить костры, а у многих толку нету, ведь хлебоборобы спокон веку! Я бегаю, значит, от одних к другим, показываю, наставляю, как надо развести костер, соорудить нодью, как построить вот хоть этакий шалаш из жердей, пихтового да елового лапника. Пошло дело! Потом, утром, на отогретой земле от кострищ выкопали ямы, накатали сверху бревешек, закидали лапником, землей, потом снегом, съездили, выпросили у старателей печки-буржуйки! Живи — не хочу, мать вашу вдребезги! И обзвали эту гиблую землю баским курортным словом — Южный. Так и осталось название навовсе. А дома построили через год. Да уж какие дома! Не дома, а домишки, так себе, козы загоны: кухня и комнатка, хоть вас трое, хоть восьмеро. И комендатуру с комендантом поставили прежде всего. С наганом! Что ты! Не подходи близко. Из общественных надобностей прежде всего понадобилось кладбище, потому как вши, тиф... А школу да магазин — это уж когда было!

А серебрянским, говорят, еще слаще житуха досталась, там снега падают выше пуна.

И тех, и других приставили на лесоповал. Серебрянские готовили метровник для электростанции, а южновские пилили «квартирник» для кытлымского начальства. В общем, для тех, кто рылом почище. А какие оне, к лешему, вальщики! Пилы-то небось в руках не бывало. Дерево надо знать, с которой стороны подрубить, да прежде отоптать снег кругом, а если надо, и вагой спровадить падающую лесину, чтоб легла, как баба — лаптям к часовне!

Я слушал, проживая все это своей хлипкой, впечатлительной душонкой вместе с выселенцами, привезенными из Смоленской, Воронежской, Тульской, Калининской, Рязанской областей, откуда-то из «хохлов» да из вятских земель. «Если б знал товарищ Сталин, что делается за его спиной, — думал я. — Если бы ему докладывали, он не допустил бы такого. А ну как умрет товарищ Сталин, тогда что? Уж лучше бы я вместо него умер!»

— Почему же их не оставили в Кытлыме, пока дома не построили? — попытывался я.

— Ох ты, какой баской! Не к теще на блины приехали. Нам коротко было сказано: это классово чуждый элемент. Будьте бдительны, товарищи. Мы, старатели, известное дело, тоже не сладко жили, когда платину мыли, когда голосом выли, но концы с концами все же сводили. Я нет-нет да и суну конфеток-подушечек емям для робятёшок. А чтобы приютить кого хоть на время — оборони бог! «Емя не только Урал, емя Магадану мало!»

Анна Николаевна умерла рано, вскоре после войны. Так и вижу ее на том покосе: ростом — «метр с шапкой», громкоголосая, стремительная, хохотунья с шуткой-прибауткой, ноги коротенькие, чуть кривенькие, кажется, что она не идет, а кадрили пляшет.

Больше не довелось вернуться сюда. Дядю Феогена насмерть придавило породой на старательской делянке, корову «тащили на себе» еще года три и отступились.

Осенью сели за парты в двухэтажной деревянной школе. Я пошел в 6-й класс, и моим соседом оказался

парень на редкость добродушный, всегда приветливо улыбающийся, Коля Бараночников. Теперь трудно нарисовать точный портрет, кажется, все сравнения и эпитеты давно разобраны и уже затерты. Но вот недавно попала детская книжка, где изображено восходящее улыбающееся солнце — как оно похоже на Колю Бараночникова! Коля легко мог и расплакаться оттого, например, что не сумел хорошо ответить «бестолковой учительнице», и так же неожиданно останавливал «юнии», и глаза его опять топились в лучезарной улыбке.

К

Каждый по-своему помнит 22 июня... Я помню ярчайшее солнце и холодный ветер с горных вершин, где снег пролежит до конца августа. Чем-то встревоженные люди бегут в дражные отвалы, где со времен гражданской войны лежит в воде на боку железное чудовище — драга, построенная когда-то французским концессионером Дюпарком.

Оказалось, что ищут утопленников. Беременная женщина привязала к себе длинным льняным полотенцем с кружевами и вышивкой двоих детей своих, а третьего — мальчика — взяла за руку и бросилась в воду дражного разреза. Мальчик вырвался в последний момент, а женщина закричала: «Спасите!» Ей на помощь кинулась тоже беременная женщина, подала деревянные грабли, но из-под ног осыпалась земля, гравий, и она, упав в воду, даже не крикнула и не вынырнула.

Я прибежал, когда уже всех достали «кошкой» и делали им искусственное дыхание. В один день четыре гроба, а в них шесть душ!

Потрясенные, подавленные, расходились по домам, но около клуба стали задерживаться у репродуктора на столбе. Торжественно и тревожно говорил Молотов. Война с Германией...

То, что казалось страшной бедой час тому назад, сразу «обесценилось». Черная беда накрывала с головой всю страну, весь народ с его горестями и радостями, с правдами и кривдами.

Очень скоро спецпереселенцам сменили название, теперь они — спецкадры. Сомневались, что их пошлют воевать, брали в основном в трудоварию, так сказать, в обоз. Но в сорок третьем им сказали: «Да что, вы хуже других, что ли, товарищи!» И встали в строй, в вечный строй Виктор Калинин, Николай Усков, Василий Пименов, Павел Гашенко — да разве всех перечтешь! Вся поросль погибла в боях, а некоторые — на их дорогой отцовской земле.

В переселенческих поселках остались женщины, дети, старики и каеки. Вот и пошла в ход поговорочка: «Голь на выдумки хитра». Переселенцы неожиданно для всех начали создавать продовольственное изобилие — всерьез занялись огородничеством, животноводством, лесными заготовками «подножного корма» — грибов, ягод, орехов, лекарственных трав. «Надо же, какие верткие!»

Двухэтажный брусчатый барак, в котором мы жили на втором этаже, стоял напротив большого и тоже брусчатого магазина, где со старателями торговали на боны, а с прочими — «на совзнаки», то есть на обычные, уже не очень хрустящие купюры, и только по карточкам — война! Я был «иждивенец» по табели военного времени — 200 граммов ржаного ситного, с пикантной горчинкой хлеба, а крупы, жиров, сахара, мяса в месяц столько, что все это можно было удержать на мизинчике.

Как тогда спасал нас базарчик у магазина! Тут было молоко парное и молоко «вчерашнее», и молоко топленое с желтыми комочками масла, с пенкой толстой и румяной, варенец, ряженка, простокваша, творог, овощи, картошка, грибы сушеные, соленые, маринованные, ягоды: малина сушеная, брусника моченая, клюква мороженая — остановись, мгновенье! Глядя на это изобилие, щемило под ложечкой, кружилась голова, в ней вертелась завистливая мысль, короткая, как шелчок — вот гады! Но это не ругательство, не оскорбление, а восторг хорошей и своевременной предприимчивостью вчерашних крестьян, из кото-

рых вроде бы дочиста вытрясли «кулацкое нутро», ан нет, видно, синдром неистребимый. Да ладно, пушай их побалуются, после войны разберемся...

Наша семья была, так сказать, пролетарская, не развращенная частнособственническими инстинктами: ни тебе своего дома, ни огорода, ни скотинки, да и на работу-то мы были «лысенские», как говорила тетя Настюша. Чтобы летом запасти кедровых орехов, грибов насолить, насытить — что вы! Война вот-вот кончится! Радио-то слушаете?

А она, проклятушая, все не кончается. Вот уж и писем от отца нет около года. Ржев, Клин, Вязьма... Он был там. Маму отослали на заготовку дров для электростанции. Где-то она там пурхается в сугробах?.. Обстоятельства подарили нам с братом Евгением и сестрой Тамарой полную независимость и свободу действий — в кои-то веки! Проедем на базаре лишние подушки, отцовские хромовые сапоги. Отец, подвыпивши, говорил как-то, что, мол, такую «колодку» носят в России только двое: он и Ягода. Так что сапоги были расторопно променяны на румяные пенки — разве такие сапоги наденешь! От греха подальше... Помню, как в пятом классе, еще в Тагиле, учительница пришла на урок бледная. «Ребята, откройте учебник истории на такой-то странице. Открыли? Блюхер и Егоров оказались врагами народа. Сегодня же дома я прошу заклеймить эти портреты бумажкой». Ах так! И я смело нарисовал Егорову очки, козлиную бороденку, а мой сосед по парте придумал Блюхеру длинные, развесистые уши, растянул ему рот до ушей и подписал: «Блюхер дурак, народу враг!»

Наконец проели все, даже рубахи и штаны, из которых выросли. А Левитан читал сводки все еще гробовым голосом, не подавая скорой надежды.

Выдался случай побывать на Южном. Валька Павлов праздновал день рождения. Первый раз я увидел его в белой рубахе и даже при галстуке. Его мама, теперь уже вдова, поставила на стол большое эмалированное блюдо с домашним печеньем, стаканы, кружки и пол-литровые банки с фруктовым чаем, который раньше мы ели просто так, всухомятку.

Никто не смел первым взять из тарелки печенье, хотя хозяйка и именинник угощали:

— Берите, берите печенье!

Но как-то уж засело в голове, что чужого нынче есть нельзя. Пример подал сам хозяин. Он, как грейдером, взял горсть печенья и, держа ее где-то на коленях под столом, доставал по одной печенюшке и ел. Мы были скромней, брали не сразу, а по одной штучке. Но как, оказывается, трудно протягивать руку! И печенюшки такие мелкие! До войны даже тетя Настюша таких не стряпала, и никто так не мельчил! А мать Вальки (да простится мне провал в памяти, я не помню ее имени) сидела на железной узкой, как гроб господень, кровати, какие таскали за собой всю жизнь вербованные, поглядывала на нас и утирала нос, глаза уголком головного платка...

В Серебрянке я побывал зимой.

Учительница ботаники Мария Георгиевна Трифонова решила собрать драмкружок и поставить какой-нибудь скетч, чтобы выступить в клубах, которые в самых что ни на есть медвежьих углах. Скетч — на завтрак, а во втором отделении — концертные номера. Рита Удчина спляшет гопак в паре с девочкой, переодетой парнем, «ему» ведь только усы нарисовать сапожным кремом «Люкс», чтобы все было, как по правде. Нюра Старцева, как всегда, споет «Ой, не свиты, мисяченьку!» и «Дывлюсь я на небо». На высоких нотах за нее боязно, но сама она поет с отвагой и сознанием интернационального долга. «Четочничками» были всегда Вася Вацаев и Коля Гилев, но теперь они на фронте...

Ехали в Серебрянку на лошадях, запряженных в сани с плетеными из лозы коробами. Чуть дорога в гору — вылезай, помогай лошади, она ведь тоже «на диете».

В коробе оставался только баянист Андрей Васильевич Ноговицын, он был совсем слепой.

В клубе истоплена печь, но все равно холодно и неуютно. На сцене кафедра с гербом, стол и стулья для президиума. Над сценой висит лозунг, написанный зубным порошком на линиям сатине свекольного цвета: «Искусство принадлежит народу».

Зрителей — битком. Никто не раздевается и не садится на замороженные лавки. Какие встречаются интеллигентные лица! Мужчины или с бородой, или в одних усах, а то так до синевы выбриты. Женщины причесаны, а по-сему капюшоны, шарфы, платки и шали — долой! Пальто почему-то у всех демисезонные, с капюшонами и прямоугольными плечами... Так это же поляки! Я узнал «доктора медицины из Кракова», он приходил в Кытлым осенью 42-го: кто-то сильно заболел из начальства.

Положих поляков я видел в Нижнем Тагиле, на Никольском рынке в 1940 году, они продавали одежду, вилки, ножи, ложки и даже маленькие золотые наручные часы, каких мы и не видывали.

После концерта зрители попросили поиграть что-нибудь танцевальное. Андрей Васильевич покуражился только для приличия. Он уселся на табурет посредине сцены, не горюясь расстелил на коленях бордовый плюшевый коврик, который в шутку называл подгузником, долго нащупывал самые нужные пуговицы баяна и заиграл, по-божески калеча, старинный вальс «Березка», отбивая такт огромным подшитым серым валенком.

Боже, что тут началось! Элегантные кавалеры приглашают грациозных дам на тур вальса, и вот уже счастливые пары, одаривая друг друга и всех гостей бала улыбками, лучезарным блеском глаз, порхают на дощатом замытом пятячке пола, свободном от колченогих тесовых скамеек. Забыто, что ноет спина, «поскрипывают» суставы, что утром опять продираться по снежищу на лесоповал.

Поляки... Кто они, почему оказались тут? Многим из них так и не довелось снова увидеть Краков, Варшаву или свой хутор, вернее сказать, то, что осталось от них.

А «бал каторжан» в разгаре! Андрей Васильевич самозабвенно играет вальсы, польки, и уж в третий раз дана заявка на краковяк. Пока что он не подозревает, как война, голод опрокинут его душу в конце 44-го. «В один прекрасный день» его беременная жена придет к моей тете, скажет просто, без истерик и театральных затей:

— В общем, Андруша велел задавиться.

— То есть как?

— На веревке. Тогда, мол, детей, всю троицу, можно в детдом сдать. Кучно.

— А ты что?

— Не знаю. Пришла посоветоваться.

— Конечно, давай. Теперь тебе самое время в душегубы попасть. Только я твоим детям все время буду напоминать, как их предала родная матушка, чтоб на могилу к тебе — ни ногой!

Так сладко и уютно, такой просветленной слезой плачут не часто.

Жива она и по сей день. Андрушу похоронила недавно, ухаживала за ним, «лежачим», лет семь-восемь. Ах, бабы, бабы, кто лучше вас умеет так незаметно утопить горсточку зла в море добра!

Кончилась война. Легкое слово сказано! Поредевшие переселенцы пошарили в памяти, позагигали заскорузлые, потрескавшиеся пальцы: эти в штрафных ротах для беглых сгинули, эти в 37-м, в 38-м увезены в глухонемую бесконечную ночь, эти в трудармии доходягами околевали и зарыты в братской траншее, эти оставили после себя треугольники-писемышки с номером полевой почты, штампом «проверено цензурой», заверением, что завтра пойдут в бой и отомстят фашистам за Родину, за Сталина...

После загибания пальцев остались солдатские и прочие вдовы, повзрослевшие не по годам дети, потухшие старики и старухи да скособоченные, скрюченные и ковыляющие калеки. Всем разрешили вернуться на родину, в свои края, где были их сады, огороды и дома. Но в

тех. местах почти везде прошла война, оставляя после себя пепелища с печными трубами, которым хочется и должно поклоняться, как надгробиям. Большинству выселенцев некуда было уезжать, только все равно очертя голову уехали.

Все-таки дошло мое заклинание до товарища Сталина. Что бы мы без него делали!

В самом начале пятидесятых годов в Кытлыме появились немцы Поволжья и крымские татары.

Поселили их в доме, где в начале 30-х годов квартировал красноармейский дивизион. А малосемейных и одиночек да еще «досрочников» — в комнатках деревянного общежития. До войны здесь жили нормальные комсомольцы и молодежь, а теперь — «чо попало». Старухи называют дом по старой памяти «комсомольской». Здесь, в общей кухне, — большая плита, которую затапливала техничка по утрам и вечерам. По периметру кожуха-зонта над плитой натянута проволока, на ней развешивали на ночь мокрые портянки, ватные штаны, «робы» и стоптанные, «смертельно усталые» кирзовые сапоги.

Времецко идет, а свежие поселенцы и не думают уезжать, кто-то их держит. Значит, опять водят вождя за нос?

После того как оплакали отца и заступника всех народов, вышел нашей «орде» приказ: определить вид на жительство в Средней Азии. «Зря не пошлют. В Москве умных людей, как у нас дров...»

П амять, память... В какое ты мне наказание?!

Вот сейчас вспомнил, как несколько лет тому назад ехал в «Жигулях» с незнакомыми людьми по дороге Кытлым — Павда — Старая Ляля — провозжал их до «столбовой» дороги. Не доезжая до Старой Ляли, по ошибке свернули вправо и через километр-полтора оказались в заброшенном леспромхозовском поселке с роскошным названием Парча. Пока мужики готовили еду, я обошел поселок, где не было улиц: рубленые бревенчатые дома-общаги, дома-бараки, уничтожающие человеческое достоинство, ставились anarchично, строились с прицелом на вербованную сволочь, а то и вовсе бросовую, убудочную в социальном плане публику. Здравый смысл планировки соблюдался лишь на случай пожара: ведь у каждого барака есть своя балансовая стоимость, социальное благо надо беречь!

Поселок уже давненько, похоже, вымерший. Место выбрано на крутом, не очень высоком берегу реки с каким-то леденцовым названием Ляля. Тишина здесь особенная, как в доме, где есть покойник. Жутковато шуршат хвойные деревья, журчат, спотыкаясь о валуны, река. Мелкие птицы, безголосые и какие-то напуганные впрок на целый век. Молча лазают по стволам, как мыши, поползни. За ними шпионят-шныряют крохотные гайчики. Но временами хлестнет в самые поджилки истеричный крик птицы-кедровки, или роньжи, как ее называют, — этой бесшумной в полете весталки самого лешего...

Бревенчатые бараки почти сгнили, остались только стены с незрячими теперь прямоугольниками оконных и дверных проемов. Крыши вместе с потолками обвалились или увезены рачителями, печи и полы разобраны. Уже на изумрудно-замшелых гнилушках нижних венцов сруб кой-где растет брусничка, древнейший полукустарничек, вечнозеленый и неувядаемый.

Теперь стало известно, что в одном из этих барачков, а затем и в другом, «улучшенной планировки», обитала с конца апреля 1931 года семья Твардовских — Трифона Гордеевича, его супруги Марии Митрофановны, их сыновей: Константина, Ивана, Павлика, Васеньки, дочерей Анны и Маши. Александр, будущий поэт, был уже «отрезанный ломоть» и два года как жил отдельно от семьи в Смоленске. Сюда, в Парчу, он прислал два письма, полных тоски, отчаяния, сострадания, душевного смятения, недомолвок, сознавая, что ничем не может облегчить

участь униженного положения своих родных. Письма, естественно, поступали сперва на досмотр коменданту, блюстителю нравственности и гражданского послушания спецпереселенцев.

Пора ехать. Прощай, Парча! Еще раз оглядываю «пепелище». Сразу уйти трудно, как с кладбища, от свежей могилы близкого человека, заваленной запоздалыми венками, цветами, добрыми и ласковыми словами.

Сразу за последним полуразрушенным барачком-призраком — вырубка, поросшая сорной лесной порослью, вражьей силой строевого леса — козьей ивой, ольхой, деревом осиной. Тут еще не сравнялись с землей могильные холмики умерших в начале 30-х от тифа, дизентерии, чахотки, смертельной дозы ностальгии, только что не погребенных заживо. Забытая земля ошетижилась жестким, вечно отбивающим поклоны мятликом, медоносными будьями кипрея да угодливой мать-и-мачехой. Тоскливое, несурзное место выбрано для погоста. Коменданту видней, где кого закопать.

Александр Твардовский по воспоминаниям матери написал стихотворение:

*...Но непременно вспоминает мать,
Чуть речь зайдет
Про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать —
Уж очень было кладбище немилое...*

Как щедра судьба! Мария Митрофановна умерла все-таки на родной Смоленщине.

Н е знаю, в радость или в тягость, но сохранилась фотокарточка нашего седьмого класса Кытлымской школы. Значит, 42-й год. На снимке очень немногие в пионерских галстуках с металлическими значками-зажимами. Спецпереселенцев в пионеры не принимали.

Вглядываюсь в лица одноклассников — многие судьбы растеряны в памяти, но вот одна, другая...

...Юра К. Много пил. Как-то жена вытурила его, пьяного, за дверь, во двор, чтобы «прохладил», отрезвел. Задремала, уснула... Очнувшись только рано утром: Юра лежал у крыльца, свернувшись калачиком — так теплее. Прожил тридцать с небольшим...

А это Евсей Казанцев. Ушел из жизни мальчиком; здесь, на фото, его последние дни. Отец его ушел на фронт, и Евся остался с матерью сам-шестой. Придумал, что некрасив, его никто никогда не полюбит. Поддержать, переубедить было некому. Повесился.

Женя С. Веселый парень и собой недурен. И был любим, и был женат. Затянула пьянка. Заперся в доме, близкие заглядывали в окна, просили, требовали, чтобы открыл дверь. Только больше распался, угрожал «порешить» себя. И застрелился...

Паша Хворых. На этой фотке тоже доживает последние дни. Порок сердца. Мы вместе с ним в конце лета собирали справки, написали заявления и отослали в морскую школу, откуда выходят юнги. Так Паша и умер в мечтах о неведомой бирюзовой волне.

Салих Садыков. Татарин. Почему-то очень стыдился своей национальности и называл национальную принадлежность совсем оскорбительным и увечным словом — наимен. Из восьмого класса он призван в армию и погиб в бою очень скоро.

Рита Удачина. Это она плясала гопак в Серебрянке с тем «кусатым девушкой». Когда я подросток, плясал с ней в паре. В последний раз встреча была в районном центре Ис, где я учился в горном техникуме. Рита прибежала ко мне на квартиру и с порога потребовала:

— Атласные штаны у тебя целы? Собирайся в клуб Артема, там олимпиада. Надо выступать!

— Но нет сапог.

— У кого-нибудь займем, сплясать дадут, не лопнут.

Риту я больше не встречал, но все время знал, что она гибнет, спивается с круга. Так и сгинула в должности сучкоруба на родном лесоучастке.

На фото с ней рядом Витька П. Слышал, что он на ринге потерял над собой контроль, не видел и не слышал судью, вошел в раж и убил своего спортивного противника. Наказали как следует. На снимке он совсем не случайно оказался рядом с Лизой Ратовой, «графиней Де-Лафер», как он прозвал ее вслух, чтобы в шутку спрятать самое первое чувство.

А это Валька Павлов, у которого мы на дне рождения ели печенье. Он трудно и честно работает в леспромхозе. У него пять дочерей и охапка внуков!

Рядом с ним Коля Бараночников. Так и хочется сказать: «Здравствуй, горькая ты «арихметика!» Говорят, он стал талантливым математиком...

У Нюры Старцевой бантик на темечке. Она любила выступать в концертах, правда, избыток отваги не компенсировал вокальных данных, но теперь я не представляю «культурной» жизни тех лет без Ани.

Среди нас — пионервожатая. Неужели это возможно, чтобы она могла напрочь провалиться в памяти? Ни имени, ни фамилии, но голос — звонкий, команды волевые, у нее стоишь в строю, как штакетина! И один эпизод помнится: наш класс шел в кино, когда подходили к клубу, пионервожатая собрала нас в кучку и как-то заговорщицки сказала:

— Ребята, в кино мы увидим на экране товарища Ленина, а потом нашего дорогого вождя и друга ребят — товарища Сталина. В этом месте — я подскажу когда — мы дружно поаплодируем, похлопаем, ага?

Слава Б. Стал, пожалуй, самым удачливым из нас — горный инженер, партийный работник низового звена, «на ком едут», есть машина, жена, коттедж. Только нет в жизни хоть мало-мальского результата, вроде как перескочил сразу из детства на пенсию по льготной сетке.

Аркаша тоже был партработником. Квартира — блеск! Поменял на Прибалтику. Это, говорят, нынче престижно.

Толя вспоминается теперь как миссионер. Его просветительская миссия в том, что он первый приобщил нас к шедеврам зарубежной литературы, притащив в класс «Декамерон»...

Я часто глядявваюсь в этот коллективный портрет 7-го класса и с горечью сознаю, что среди нас нет ни одного, про кого можно было бы сказать, как наградить: вот этот — личность! Какие мы все земляно-серые, ужасающе средние, вечно периферийные!

Как ничтожен, беспомощен, безлик человек, если в нем еще в детстве обрушена личность. Такой пойдет в жизнь просто рабсидой, не принесет Отечеству ни силы, ни славы, ни гордости. «Все прогрессы реакционны, если рушится человек»...

Родина складывается из тех ручейков-родинок, где нам дарована природой жизнь. Как горько сознавать, что кованный сапог истории прошагал по родничкам без разбора и пощады, без самой малой осторожности, смутив хрустальную воду источника, вкусней которой нет и не может быть на свете, особенно когда пьешь ее в знойный день через соломинку, приправ голым ребячьим пузом к прохладной земле Родины.

Давно не был в Кытлыме. Не тянет, а надо бы ехать. Ведь в этой глухомани моя родина, которую, повзрослев, нельзя переизбрать, забыть, замуровать в глухонемой памяти. Ее надо любить или тащить, как крест.

Наталья ЧЕРНЫХ,
научный сотрудник
Дома-музея
М. Е. Салтыкова-Щедрина

«Принесить хоть частичку пользы»

В Вятку М. Е. Салтыков-Щедрин был сослан в 22-летнем возрасте — как автор повестей, обнаруживших «вредный образ мыслей». Ссылка определила единственно возможное для Салтыкова поле деятельности — государственную службу. Один из примеров такой его деятельности — участие в организации вятских сельскохозяйственных выставок.

До недавнего времени считалось, что Михаил Евграфович был организатором выставок 1850 и 1854 годов. Но вот известный щедриновед В. Н. Баскаков сообщил о найденной в Пушкинском доме рукописи статьи-отчета Салтыкова о выставке 1849 года. Дело об организации этой выставки хранится в Кировском государственном архиве. И самым неожиданным документом в нем оказался рукописный текст статьи-отчета о сельскохозяйственной выставке 1849 года за подписью... В. Е. Круковского, председателя вятской палаты казенного имущества.

Для чего нужно было М. Е. Салтыкову писать отчет, когда с этим справился Круковский, пока неизвестно, но ясно одно: Салтыков к этому времени досконально изучил состояние хозяйства огромной губернии, и несомненная польза выставок его очень заинтересовала.

В 1850 году вятский губернатор, уже назначивший было организатором новой сельскохозяйственной выставки чиновника Селиванова (впоследствии известного писателя обличительного направления), вдруг меняет свое решение в пользу Салтыкова.

Вятская сельскохозяйственная выставка 1850 года, по признанию министерства государственных имуществ, была «одною из наиболее изобильных, благоустроенных и поучительных во всей империи».

Отчет о выставке, напечатанный в «Вятских губернских ведомостях» и в «Журнале министерства государственных имуществ», стал единственной вятской публикацией писателя. Салтыков поднимал в нем вопросы важные не только для Вятской губернии: низкий уровень культуры обработки земли; отсутствие надежных путей сообщения, от состояния которых зависит развитие торговли, промышленности, ремесел, а значит и благосостояние целых регионов страны; беспросветная нужда крестьян северных, неплодородных областей России...

Талант умного и дальновидного организатора Салтыков проявил при распределении наград выставки. Особое внимание обратил на предметы полеводства, так как «земледелие в Вятской губернии составляет основную статью поселянского быта», и потому еще, что сельская промышленность губернии находится «почти в младенческом состоянии».

Главную награду выставки — большую золотую медаль — получил крестьянин Уржумского уезда Макар Максимовых — «за образцы хлебов с принадлежавшей ему образцовой усадьбы». Было учтено то, что усадьба, где

применялись прогрессивные методы ведения хозяйства, «служит прекрасным примером для крестьян».

Серебряную медаль большого размера вручили крестьянину Сарапульского уезда Никите Санину, который изменил и улучшил известную американскую веялку, от чего «устройство машины не потерпело, а между тем ценность (стоимость.— *Ред.*) ее уменьшилась».

Малой серебряной медалью был отмечен за юфтовые кожи крестьянин Слободского уезда Ипполит Галицкий.

«Блистательным, но, к сожалению, единственным исключением из массы безобразных вещей» названы в отчете Салтыкова железные изделия ремесленной школы, находящейся в слободе Кукарке. Желая поощрить выделку железных вещей в Вятской губернии, комитет присудил мастеру Кукарской ремесленной школы Петру Шишкину также малую серебряную медаль.

Организация выставки 1850 года и отчет, написанный М. Е. Салтыковым, свидетельствуют о глубоком интересе ссыльного писателя к судьбе вятского мужика и искреннем желании хотя бы в рамках порученного ему дела способствовать прогрессивным изменениям в губернии.

Следующая выставка сельских произведений 1854 года, организатором которой также был Салтыков, показала, что стремления эти не были напрасны. В отчете выставки, написанном профессором Казанского университета М. Я. Киттары, отмечены «отрадные изменения», «бесспорно быстрый шаг» в развитии главных отраслей сельского хозяйства за прошедшие четыре года.

В непосредственном общении с простыми вятскими поселянами узнавал будущий «прокурор русской общественной жизни» цену крестьянскому хлебу, видел хитроумные изобретения безграмотного, но дотошного русского мужика.

Сразу после Вятки Салтыков напишет знаменитые «Губернские очерки», которые поразят современников горячим сочувствием автора к простому народу, и тема мужика станет одной из ведущих в творчестве великого сатирика и публициста.

г. Киров

Монеты Менделеева

Виктор КОПЫЛОВ,
краевед

Несколько лет тому назад тюменская областная газета опубликовала мою статью о восстании на броненосце «Потемкин». Среди упомянутых в ней был руководитель Красного Креста республики, член РСДРП с 1904 года Леон Христофорович Попов. Он скончался в Ишиме в 1919 году. Там и похоронен.

Одним из откликов на статью стало письмо сына Л. Х. Попова Андрея Леоновича Попова, живущего в Москве. Завязалась переписка, последовали встречи.

А. Л. Попов — кандидат наук, бывший чекист, страстный краевед, увлеченный коллекционер. В 1946 году после окончания ВПШ при ЦК КПСС он поступил на работу во Всесоюзный научно-исследовательский химико-фармацевтический институт, который возглавляла профессор Анна Николаевна Адова, человек широчайшей эрудиции, глубоких знаний в области химии, фармацевтики и медицины. Оказалось, что Анна Николаевна — внучатая племянница Д. И. Менделеева по материнской линии и племянница Ф. Э. Дзержинского — по отцу.

В одном из разговоров А. Л. Попов рассказал ей о своих успехах в коллекционировании, в том числе — в

нумизматике. И Анна Николаевна подарила ему несколько монет, которые собрал Д. И. Менделеев.

По словам А. Л. Попова, монеты хранились в кожаном мешочке с завязками, заменявшем в прошлом столетии кошелек. К сожалению, мешочек позднее был утрачен. А монеты хранились в коллекции А. Л. Попова ровно 40 лет.

Ко времени нашей с ним встречи у меня вышла из печати небольшая книжка о зауральской поездке Д. И. Менделеева в 1899 году. Я ее с удовольствием подарил Андрею Леоновичу. А в ответ стал обладателем щедрого подарка — набора менделеевских монет!

Их тринадцать. С точки зрения опытного нумизмата монеты не имеют какой-либо исключительности. Ценность их в том, что они принадлежали нашему великому земляку и доставляли ему, как коллекционеру, маленькую человеческую радость, столь ценимую деятельными людьми с постоянным дефицитом свободного времени. Наиболее старая — двухкопеечная елизаветинская монета, отчеканенная в 1737 году, а самая последняя, датированная 1903 годом, внесена в коллекцию ее обладателем за четыре года до своей кончины.

В собрании монеты 1770, 1817, 1831, 1837 и 1840 годов. Обращает внимание группировка дат выпуска, совпавших с годами проживания ученого в Сибири до отъезда его в Петербург. На многих монетах стоят знаки уральского («Е. м.» — Екатеринбургский монетный) и алтайского («С. м.» — Сузунский монетный) дворов. Можно полагать, что Д. И. Менделеев, всю жизнь испытывавший мучительную ностальгию по родным сибирским краям, избирательно откладывал лишь те монеты, которые напоминали ему о далеких Урале и Сибири.

Дмитрий Иванович никогда не говорит о себе как об опытным коллекционере, систематически пополняющем свое собрание. Однако в музее-квартире Д. И. Менделеева при Ленинградском университете до сих пор хранятся коллекции открыток с видами городов, в которых побывал ученый в многочисленных своих поездках по России и за рубеж, набор всевозможных материалов о Ермаке (каслинское литье, открытки, фотографии, картины и рисунки), зарубежные и отечественные издания книги П. П. Ершова «Конек-Горбунок» и многое другое. Цель этих собраний была довольно проста: сохранить в документах наиболее памятные события своей жизни. Так, в пятилетнем возрасте в 1839 году Д. И. Менделеев вместе с матерью присутствовал на открытии памятника Ермаку в Тобольске. Это событие настолько прочно удержалось в памяти впечатлительного мальчика, что он всю жизнь собирал материалы о Ермаке, а будучи в Тобольске в 1899 году сфотографировал этот памятник и поместил фотографию в своей книге. Есть повод считать, что и название ледокола «Ермак», который строил адмирал С. О. Макаров при поддержке Д. И. Менделеева, родилось не без влияния ученого. Собрание книг П. П. Ершова было составлено как память о любимом учителе, близком родственнике и земляке, с которым Д. И. Менделеев переписывался до конца дней автора «Конька-Горбунка» и которому способствовал в хлопотах по изданию книги.

Так пополнилось у меня, а вместе со мною — и у Тюмени, одно из немногих собраний сибирской менделеевианы.

г. Тюмень.

(Начало на 2-й стр. обложки)

Дворец, что напротив, построен в духе восточного палаццо, его украшают элементы мусульманской символики и славянского декора. В этом нет ничего удивительного. Население Урала пришлое, здесь, начиная с XVII века, тесно переплетаются интересы, обычаи и культура народов многих областей и национальностей России.

Яркая окраска выделяет отдельные архитектурные конструкции дворца. Белые наличники окон создают музыкальный ритм, «удлиняя» здание и в то же время делая его легким и нарядным. Будто серебром, сверкают светлой жемчужной затейливые башенки. Внутри лепнина, наборные паркетные полы, тяжелые резные двери. Свет, падая через цветные витражи, играет бликами на парадной лестнице.

Дворцу повезло: его сумели восстановить в прежнем виде. Финансировало работу управление «Уралтеплоизоляция». Спасибо ему за это. И все-таки, по правде говоря, хотелось бы видеть здесь хозяевами молодежь.

В этом старом уголке города решено создать Центр досуга, где, между прочим, разместятся мастерские старинных ремесел. Ведь какие у нас работали мастера: кузнецы, слесари, литейщики, создававшие высокохудожественные решетки, кронштейны крылец, башенки, затейливые растрески водостоков и печных труб. Возродить художественную ковку металла — одна из задач Центра досуга. Так же как и гончарное дело, керамику.

Предстоит восстановить способ изготовления изразцов, какие делались на екатеринбургском заводе из керамики по индивидуальным заказам, с уникальной росписью. Сейчас этот способ утрачен.

Изразцы украшали залы великолепного дома на ул. Сакко и Ванцетти, 28. Это монументальный двухэтажный сруб из необшитых бревен, на его фоне особенно выразительно резное кружево наличников, карнизов, решеток на крыше. Внутри еще угадываются лепные потолки залов в стиле барокко. Бывшие хозяева дома — контора «Тюменьнефтегаз» — начали «реставрацию» памятника с хищнического разорения былой красоты. Лепнина и изразцы оказались похищенными «в процессе подготовки площадей под ремонтные работы...»

После упорной борьбы дом № 28 также передан Центру досуга во главе с энтузиастом Л. Хабаровым. И теперь архитекторы, художники, строители возрождают былую красоту во всем ее прежнем объеме. Вообще Центр взял под свою опеку целый район старого города. Основная идея — восстановить в первоначальном виде старинную архитектуру и разместить здесь учреждения культуры.

...Красота спасет мир, сказал гений. Но сначала нам предстоит спасти самое красоту.

Фото Владимира Бакиштова

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ
РОМАН В ТРЕХ КНИГАХ

ДВА МЕЧА

Зеленый шар

Бывают вялые, тусклые фотографии, на которых даже свежий снег выглядит серым.

Такой вот пепельной фотографией виделось Егору все, что было вокруг. Целый месяц. Тоскливые и бесконечные четыре недели.

Хуже всего тогда было чувство неоправимости. Замораживающее, лишающее сил. И Егору самому казалось странным, что он движется, ест, ходит в школу, порой даже учит уроки. Он опять словно раздвоился — как в тот день, при первом понимании, какую кару ему готовит отец. Один Егор автоматически жил теперь нормальной жизнью, а второй замер в глухом отчаянии. В ощущении своей неискупимой вины.

...Это ощущение пришло не сразу. Первые дни была просто ярость. Беспомощная и неугасающая. Если бы можно было добраться до Копчика, до Хныка, до Чижа, он голыми руками растерзал бы их. С радостными слезами облегчения. Но эти три гада, подонка, фашиста сидели за крепкими решетками. Ждали, сволочи, следствия и суда. А что суд? Ну, посадят эту гниду Копчика на несколько лет. А Хныка и Чижа, может, и не посадят — они, мол, ничего не делали, только рядом стояли... Как бы ни случилось, а все трое будут ходить по земле, дышать, жить. А Венька?

Что будет с Венькой, никто не знал. Ни врачи, ни родители, ни Ваня.

...Когда Егор с вокзала прибежал к Ямшиковым, Ваня был один дома. Похудевший, молчаливый. Сумрачно и коротко рассказал, что третьего января Венька шел через пустырь у цирка, спешил на утренник второклассников, которым помогал ставить спектакль. И повстречал тех троих. Известно, что Копчик опять у него требовал деньги, а Венька сказал: «Ну-ка отойди ты наконец с дороги». И тогда Копчик припадочно заверещал, выхватил похожий на шило самодельный кинжал и ткнул Веньку в сердце. До сердца, к счастью, «пика» не достала, но порвала какой-то сосуд, Венька потерял много крови. А кроме того, он застудил легкие, потому что долго лежал в снегу. Те трое сразу убежали, а увидели Веньку случайные прохожие...

На ослабевшего, обескровленного Веньку нава-

Продолжение. Начало в № 11, 1988 г.

лилось жестокое воспаление легких. Он только два раза приходил в сознание. Сказал про Копчика и спрашивал, не сорвался ли спектакль...

При последних словах Ваня крупно глотнул, загоняя внутрь слезы, и стал смотреть за окно. И вот тогда Егор понял, что хочет убить Копчика, Хныка и Чижа...

И потянулись безнадежные, бесцветные часы и дни. Один раз Егор решился и позвонил Ямшиковым. Ваня тихо сказал, что состояние у Веньки прежнее и мама дежурит в больнице. Потом, в первый день после каникул, Егор отыскал Ваню в школе и спросил:

— Вань... ну что?

— Все то же пока, — глядя в сторону ответил полупшепотом Ваня. И вдруг попросил: — Ты меня пока не спрашивай. Если будет что-то новое, я сам скажу...

И вот тогда рухнуло на Егора тяжкое понимание: «Он же считает, что это я виноват!.. Все так считаю!»

«А разве не так? Кто первый раз натравил на Веньку Копчика?»

«Я — не первый! Сперва они сцепились у цирковой кассы!»

«Там — случайно. А ввязаться к Редактору Копчик стал после той драки, которая из-за тебя...»

Мысли эти стали неотступны. Даже во сне.

Впрочем, иногда они приносили облегчение. Егор видел, что Венька приходит к нему здоровый, улыбающийся и объясняет, что ничего опасного с ним не было и что врачи держали его в больнице из-за глупой предосторожности. И что Егор во всем этом деле вот ни на столечко не виноват, потому что Венька стукнулся не с Копчиком, а с какой-то незнакомой шпаной. И Егор слушал с нарастающим ликованием, и кругом почему-то был незнакомый город — белый и летний. Наверно, Севастополь... А потом Егор просыпался...

В классе о случае с Редактором говорили мало. А при Егоре Петрове замолкали совсем. Смотрели на него серьезно, задумчиво даже как-то, но старались не встречаться глазами. Егор воспринимал это как должное. Все, конечно, понимали, какая доля его вины и несчастий с Ямшиковым. Егор не услышал ни полслова упрека, но все держались по-дальше... Да не все ли равно? Страшнее того, что сам Егор испытывал и понимал, ничего быть не могло...

Хотя нет, могло. И было. Страх за Веньку. Мысль о том, что Веньки Ямшикова, Редактора, вот-вот совсем не станет на свете. И что никогда нельзя будет с ним ни о чем поговорить и даже просто пе-

Книга третья

НАСЛЕДНИКИ

(Путь в архипелаге)

Рис. Евгении Стерлиговой

реглянуться. И никогда Венька не обернется с быстрой улыбкой, как тот горнист на крыльце...

Впрочем, все это — страх, предчувствие неотвратимой беды, свинцовая вина — перемешивалось в душе Егора. Не разобраться, не освободиться, не вздохнуть...

И ни одному человеку ни о чем не расскажешь. Некому.

Михаилу звонить он боялся. Тот сразу начнет спрашивать: как и что?.. А может, не начнет. Может, наоборот, станет молчать с пониманием и тяжким осуждением. Или спросит в упор: «А как ты будешь жить, если Венька Ямщиков умрет?»

«А я не буду!» — вдруг понял Егор.

В самом деле! Есть способы, когда это быстро и не больно. Еще Боба Шкип рассказывал. И если Веньки не станет, Егор такой способ вспомнит. Обидно, конечно, когда в жизни появилось что-то хорошее: паруса, Михаил, дом в Среднекамске... Обидно, что не будет найдена кургановская рукопись. Но если Венька умрет, остальное все равно не имеет значения. И тогда...

По крайней мере, это будет справедливо. Будет искупление.

Егор думал о таком выходе без страха, почти что с облегчением. Даже с оттенком тайной гордости. И несколько дней жил в состоянии грустной успокоенности.

Потом позвонил Михаил.

Оказалось, что он звонил и раньше, несколько раз, но не мог застать Егора. А мать про эти звонки ничего не говорила.

— Это и понятно, — вздохнул Михаил. — Ей теперь не до наших с тобой дел, все за отца переживает. У него-то что?

— У кого? — недоуменно сказал Егор.

— У отца... У Виктора Романовича.

— А что у него?

— Ну... неприятности крупные, говорят...

— Понятия не имею... — До отцовских ли неприятностей Егору было?

Михаил не пожалел его, сказал раздраженно:

— Я смотрю, ты и в несчастьях своих ухитряешься оставаться эгоистом.

У Егора не хватило сил разозлиться. Он ответил устало:

— Нет. Эгоисты думают о себе, а я о Веньке.

Тогда Михаил тихо спросил:

— Что?.. Так плохо?

— Я даже не знаю толком... Ванька, брат его, молчит...

Он вспомнил, как все эти дни Ваня при случайных (будто бы случайных!) встречах отводил глаза и пожимал плечами. Или чуть заметно покачивал головой. Он был сейчас подросток, тонкошней, как Венька, бессловесный. И с таким лицом, словно его только что умыли после горького плача.

...Михаил сказал:

— Я не про Веньку. Про него я все знаю. Я про тебя...

— Что?

— Так плохо?

Тогда у Егора вырвалось:

— Да... Да!

— Егорушка... Только ты не надей каких-нибудь глупостей.

Всклипнув, он огрызнулся:

— Каких?

— Ты знаешь, каких... Головачев ничего не решил... своим поступком.

— Откуда ты все знаешь? — без досады, просто с отчаянной усталостью сказал Егор.

— Про Головачева? Или... про тебя?

— Про меня...

— Потому что сам пережил такое... Егор, смертью ничего не искупишь, это пустая затея. Что-то исправить можно, только если живешь.

— А если... нельзя?

— Это решить можно только тогда, когда жив и голова в порядке. А помирать надо не так...

— Ну-ну... — В Егоре шевельнулись остатки прежней готовности к спору. — Конечно, лучше, как Алабышев.

Михаил не отозвался на его беспомощную иронию. Сказал как про обыкновенное:

— Можно и проще. Как твой дед под Севастополем. Или твой отец... Анатолий Нечаев. Главное, чтобы не сдаваться.

«Значит... и как Венька!» — ахнул про себя Егор. И все вернулось на свои места. И отчаяние, и тоска.

Но Михаил словно протянул ему соломинку:

— В конце концов, почему ты решил, что Ямщиков безнадежен? Врачи же надеются. Я звонил, разговаривал...

— Да?!

...С той минуты он стал жить надеждой. Когда бесполезно мужество поступков, должно оставаться в человеке мужество надежды... Жить *spe iugus*. Опираясь на надежду... Так вроде бы писал в своей повести Наклонов... Или не в своей? Теперь все равно. Теперь ничего не важно, только бы Венька жил. Только бы сопротивлялся гибели...

По ночам, когда стихали на кухне тревожные, негромкие разговоры матери и отца, когда умолкал за окнами город, Егор лежал с открытыми глазами. Смотрел на светлую точку в зеркально-зеленом шаре. И молился.

Егор никогда не задумывался о боге и никогда в него не верил. И все его познания о религии сводились к двум фразам из Библии: одну он слышал от Курбаши, а о второй шел спор в классе, когда Венька сцепился с Розой. Но Венька тоже, конечно, не верил в бога. Ему главное всего была истина. Бог тут был ни при чем и он, разумеется, не мог сейчас помочь Веньке, потому что не существовал. И лучшим доказательством, что его нет, было то, что Копчик ранил Веньку. Какое божество это допустило бы? За что?

И Егор молился не богу, а елочному шару, который по-прежнему лежал в раструбе медного кувшина на подоконнике.

Егор молился без слов. Упершись глазами в блестящую точку, он все усилия души пытался свить в тугую нить и протянуть эту нить между собой и Венькой. Чтобы помочь ему... Может, есть на свете какие-то неоткрытые еще силовые поля, передача на расстояние энергии и жизненных сил. Пусть эти силы от Егора уйдут к Веньке! Вот через эту звездочку — незримой и сильной радиоволной... Зеленый шар, помоги... Переломи судьбу...

Но зеленый шар оказался более хрупким, чем судьба...

Сперва тот февральский (уже февральский!) день был не самым плохим. На перемене Егор стоял у окна и тупо смотрел на тополя в сером снегу, и вдруг подошла Бутакова. Спросила:

— Ты не знаешь, как состояние у Ямщикова?

Недоуменно и глухо, не оглянувшись, Егор сказал:

— Почему ты у меня спрашиваешь?..

— Ну, а у кого еще? Брат его молчит... Я думала, что ты должен знать. Все-таки вы же друзья...

Егор окаменел. Что это? Насмешка? Или она... всерьез?

— Ты не был в больнице? — спросила Светка.

— К нему не пускают, — тихо сказал Егор. Это была правда.

— Ну, а... — с мягкой настойчивостью начала Бутакова, и он с усилием проговорил:

— Да отцепись ты.

— Грубиян ты все-таки, Петенька...

И тогда вмешался Юрка Громов. Незаметно оказался рядом. Он сказал Светке высоким чистым голосом пятиклассника:

— Бутакова, зануда ты окаянная, отвяжись от человека! — И она (странное дело!) послушалась. А маленький Юрка положил Егору ладонь между лопаток и сказал уже тише, ласково так:

— Егор, да ты не изводишься. Медицина сейчас знаешь какая. Даже совсем безнадежных оживляют...

Егор не оглянулся на Юрку. Замер, боясь стряхнуть со спины его ладонь. И боясь еще, что Юрка увидит его стремительно намокшие глаза (последнее время слаб он, Егор, стал на это дело). Но Юрка, видимо, все понимал. Постоял еще две секунды, сильнее надавил ладонью — держись, мол, — и отошел.

А Егор остался у окна, и появилась у него догадка, что, может быть, не все его считают виноватым. Что ниточка странной симпатии между ним и Венькой, которая вдруг наметилась в декабре, не осталась в классе незамеченной. И может быть, правда кто-то считает, что они подружились. И теперь в молчании ребят — не отчуждение, а сочувствие... А то, что не подходят, — понятно. К Кошаку подходить не привыкли...

Ощущение Юркиной ладони (теплой даже сквозь пиджак и рубашку) было непривычным и словно лечащим. И надежда выросла, появилась в ней даже искорка радости...

А когда Егор пришел домой, он увидел, что шара нет.

Медное горлышко кувшина было пустым, а на ковре Егор заметил блестящую зеленую чешуйку. Он не хотел поверить. Закричал:

— Мама! Где шар?

Алина Михаевна сказала из кухни:

— Что ты так кричишь? Я вытирала пыль, раз-
била нечаянно.

— Что ты наделала?!

Алина Михаевна появилась в комнате:

— Что с тобой? Копеечный шарик... Что за исте-
рика?

— Для тебя копейный! Для тебя все копейное,
что не на чеки в «Березке» куплено!!

Мать повысила голос:

— Что ты орешь! — И вдруг сморщила лицо: —
Ты... человек без души. Скоро может все на оскол-
ки полететь, а ты... шарик... У отца такое на работе,
а тебя будто ничего не касается. Если бы ты знал,
в чем его обвиняют... Он такой им цех отгрохал,
а теперь из него преступника делают!

— За что? — машинально буркнул Егор.

— За все! За то, что хотел, чтобы людям лучше
было! За то, что добрый очень! Вот...

«Слабо верится», — подумал Егор.

— Я-то при чем? Я в его печалях не виноват.

— Но тебе на все наплевать!

Это была истинная правда. Разговоры о проис-
ках отцовских недругов Егор слышал постоянно,
однако никак они его не задевали. И теперь не-
счастье с зеленым шаром казалось не в пример
страшнее всех отцовских бед. Потому что это была
примета. Предвестие Венькиной судьбы.

Пытаясь умиловить судьбу, Егор выцарапал
из коврового ворса блестящую чешуйку и положил
на край медного горлышка. Но легонькое стекло
сорвалось и кануло в черноту кувшина. Егор лег
на тахту и накрыл голову твердой подушкой.

Он не удивился и даже не испугался, когда раз-
дался телефонный звонок и мать сказала из прихо-
жей.

— Горик, тебя... Какой-то мальчик...

Мальчик несомненно был Ваня. И Егор пони-
мал, что он сообщит. Будто во сне пошел к теле-
фону. Сказал обреченно:

— Я слушаю.

Звонил действительно Ваня.

— Егор! Веник спрашивал про того мальчика.
Что с ним теперь?

Первой была радостная, как вспышка, мысль:
«Значит, неправда! Значит — жив!» Потом страх:

— Спрашивал... когда?

— Сегодня. Мы с мамой у него были.

— Ванька! А он... как?

— Да ничего уже... Врач сказал, что это позади...

Ну, опасность всякая. Слабый только, придется еще
лежать...

— Ванька, правда?

— Ну, так врач сказал. Мне и маме...

Господи, неужели это возможно? Неужели конец
мукам?

— Ванька, а...

Хотя что спрашивать! Если Венька сам задает
вопросы, значит, и правда ожил. Каким-то мальчи-
ком интересуется...

— Вань, а какой мальчик? Про кого он спра-
шивает?

— Ну, тот, которого ты отвез в Среднекамск...

Надо же! Все эти дни Егор и не думал о Заглотыше.
Даже не спросил о нем у Михаила.

— Вань... Ну, ты скажи, что все в порядке! Он
живет у моего брата, у Михаила. Нормально...

Если даже это не так, то пусть. Потом Егор раз-
берется. Главное, чтобы Венька нисколько не вол-
новался.

— Вань! А что еще Венька говорил?

— Он много говорил. Про всякое... Ты приходи,
я вспомню и расскажу.

— Куда... приходиться?

— К нам. Куда еще?

Тогда Егор сказал... точнее выдавил, будто про-
ламываясь сквозь стену:

— Ваня... как мне приходиться-то... Я ведь... Ну,
я же когда-то... с Копчиком был... тоже...

Ваня сказал сразу и очень серьезно:

— Конечно. Копчик этого и не мог Венику про-
стить.

— Чего?

— Что ты от них ушел... Он тогда ведь не толь-
ко из-за денег полез. Он сказал: «Мы тебе никогда
не забудем, что ты Кошака отколдовал...» Егор, ты при-
ходи. Недавно папа про тебя вспоминал...

— Как? — выдохнул Егор.

— Говорит: «Предупреждал ведь нас Егор, что
за гад этот Копчик, а мы недооценили...» Веник хо-
тел тебе записку написать, а медсестра сказала, что
пока вредно... Приходи...

Егор зажмурился и кивнул. Потом сообразил,
что Ваня этого не видит, и хрипло сказал в трубку:

— Ага...

Оказалось, что Егор не соврал, когда сказал
Ване про Заглотыша. Тот в самом деле по-прежнему
обитал у Михаила. Именно он ответил на звонок
Егора. Негромким, но уверенным голоском:

— Квартира Гаймуратовых.

— Это ты... За... Витек, это ты?

— Ага.

— А где Михаил?

— Он на медкомиссии.

— А что такое? Опять спина?

— Ну... Он вообще... Он хочет увольняться
из милиции и в школу идти работать. Или в га-
зету...

— Вот так финт...

— Он говорит, что так лучше будет.

— Ему виднее... А ты-то как живешь?

— Хорошо.

— В школу ходишь?

— Хожу... У меня две пятерки по труду.

— Герой... Михаилу скажи, что с Венькой Ям-
щиковым все в порядке.

— Ага... Он уже знает.

— Все он всегда знает! — весело ругнулся Егор.
Появилась в прихожей Алина Михаевна.

— Опять по междугородному болтаешь!

— Тебе жалко?

— Между прочим, это денег стоит.

— Обеднеем из-за трех рублей?

— А ты знаешь цену этим рублям? Скоро сядем
без гроша, тогда поймешь...

— Витек, пока. Потом перезвоню... — Егор поло-
жил трубку. Настроение у него не испортилось. Раз-
говоры матери о грядущих несчастьях он всерьез
не принимал.

Но оказалось, что слова Алины Михаевны — не пустые. Отца исключили из партии и сняли с должности. Его обвиняли в том, что при строительстве экспериментального цеха он заполнял какие-то дутые отчеты и сметы, рапортовал о готовности, которой не было, приписками добывал премии для монтажников и для себя. Разбор тянулся долго и привел к такому вот концу.

Отец после собрания вернулся молчаливый, усохший какой-то, с почерневшим лицом. Алина Михаевна встретила его, вопреки своему характеру, спокойно. Даже мужественно:

— Ну и что? Не такое в жизни бывает. Переживем. Хорошо, что до суда не дошло.

— Еще не хватало! — вскинулся отец. Он сидел посреди кухни в пальто, с портфелем на коленях. Будто в автобусе. — До суда! Они хотели... А за что? Один я, что ли, такой? У каждого рыло в пуху. Пока меня доить можно было, для всех был хорош! А теперь — кто в кусты, а кто правдолюбца из себя строит. Рады, нашли козла отпущения... А цех-то все равно стоит! Кто его поставил? Пестухов?

— Ты успокойся, — сказала Алина Михаевна. — Хочешь коньяку?

— А?.. Хочу.

Егор в тот вечер только что вернулся от Ямщиковых. Со спокойной душой. Потому что Венька прислал ему записку, что чувствует себя нормально, только врачи заставляют лежать и говорят, что после больницы загонят еще в лесную школу долечивать легкие. И жаль, что в больнице опять карантин из-за гриппа и Егора не пустят. Но это ничего. Потом все равно увидятся...

Не было в записке ни слова о Копчике, ни слова о том, что он, Венька, знает о мыслях Егора. Но между строк читалось: «Егор, ты живи и ни о чем так ох не думай». И Егор почувствовал себя, почти как в тот предновогодний вечер.

Он долго сидел у Ямщиковых, играл с Ваней в шахматы, рассматривал глобус планеты «Находка» и слушал ее историю... Но когда вернулась с работы Венькина мама, торопливо поднялся. От виноватости все равно никуда не денешься... И все же ему было хорошо, и домой он пришел почти что с улыбкой. И тут — отец со своей бедой.

Нет, Егор не чувствовал жалости к отцу. В конце концов, тот сам виноват, что опять вяпался. И тревоги, что «останутся без хлеба», тоже у Егора не было. От голода в нашей стране еще никто не помер, а на шмотки Егору уже давно наплевать.

Но все же он испытывал какую-то неловкость перед отцом. Наверно, как раз из-за того, что не может сочувствовать ему. Он стоял на кухне у дверного косяка и стесненно смотрел, как отец суетливо опрокидывает в себя рюмку за рюмкой. Три подряд. И как потом жадно заедает коньяк цветной капустой.

Вдруг отец отложил вилку и прямо посмотрел на Егора. Тяжким измученным взглядом. Сказал медленно и отчетливо:

— Ну вот, братец. Теперь можешь менять фамилию. Самое время.

Егор не отвел взгляда. Только подобрался весь. И тихо ответил:

— Нет. Не время.

— Почему же?

— Поздно. Скажут, что дезертир.

Восемь строк

Егор ответил отцу с полным убеждением. В самом деле — поздно. Что скажут в школе, как возликует Классная Роза, если он однажды придет в школу не Петровым, а Нечаевым! «Что, когда папочка стал не нужен, ты решил отмежеваться? Нет, дорогой, фамилию свою можно изменить, а характер и сущность свою...»

А что она знает о его сущности?

И другие — что знают?

С этими мыслями Егор улегся спать, и вдруг его, уже дремлющего, толкнула новая тревога. Если он оставит прежнюю фамилию, не будет ли это изменой тому у отцу? Толику Нечаеву?

Но тревога увязла в навалившемся сне, и Егор лишь успел подумать, что надо бы про все это поговорить с Михаилом.

Спал он хорошо. И видел многомачтовый, мчащийся над сизой выпуклой поверхностью океана, парусник. Верхушки мачт разрывали облака, летили у самого зенита.

Проснулся Егор с улыбкой, но сразу ошетинился, когда мать громким шепотом сказала в дверь:

— Горик, опоздаешь в школу!

Да не опоздает он в школу! Потому что на первые два урока вообще не пойдет. Это физкультура, надо на лыжах бегать, а он что, нанимался? У него горло болит... Не надо никакого врача, и ни в какую поликлинику не пойдет, пусть его оставят в покое!.. И ничего ему в школе не будет, не надо паники...

На самом деле первыми уроками будут физика и русский. И Роза, конечно, заведется. Особенно теперь: «Кончилась, Петров, пора, когда тебе многое сходило с рук, сейчас ни за чью спину не спрячешься...» А возможно, и другую пластинку запустит: «Вы слышали, конечно, что готовится новая реформа школы! Имейте в виду, когда ее примут, всякому разгильдяйству придет полный конец...»

Впрочем, такие мысли скользнули и ушли. Егор опять стал думать о недавнем сне. Потянулся, улыбаясь. Хорошо-то как. Судьба смилостивилась, после месяца угрызений и тоскливого страха можно полежать вот так, спокойно.

Алина Михаевна сказала в дверь:

— Но к третьему уроку ты пойдешь?

— Пойду, пойду, — отозвался он с нарочитой сипловатостью.

— Я ухожу за продуктами. Завтрак на плите... Папу не тревожь, он спит.

«Пускай спит...» Егор опять потянулся. Посмотрел в темный потолок, как в небо. Вспомнил мачты в зените.

«И вижу мачты я, летящие в зените...»

«И вижу паруса белей, чем белый снег...»

Откуда это? Стихи, что ли? Чьи? «Когда Земля еще вся тайнами дышала...» Может быть, эти?

Но в стихах Толика про мачты нет! Значит, Егор сам сочинил? Вот потеха!.. А может, это у него наследственное? От Анатолия Нечаева? Может, в нем, в Егоре, поэт прячется?..

Хотя Толик вовсе не был поэтом...

А две строчки — никакие не стихи...

Было слышно, как осторожно закрылась дверь — мать ушла. И почти сразу закурлыкал телефон. Ко-му там с утра что-то надо?

Егор сердито протопал в прихожую. В трубке вкрадчиво осведомился:

— Простите, Виктора Романовича можно?

— Он спит! — бухнул Егор. Подумал и спросил: — Что-то срочное?

«А что у него сейчас может быть срочное?»

— Нет-нет, я попозже, извините... — Трубку положили.

Егор вернулся в постель. «Если можно попозже, чего звонит спозаранок, дубина?...»

«Звонит... зенит»... При чем тут зенит? Ах, да...

«И вижу мачты я, летящие в зените»...

«И колокол над палубой звонит там... звенит там...»

Для кого? Для меня?

«И рында для меня над палубой звенит там...»

Это что же? Значит, поэтическое дело — не такое уж трудное? Вот и четвертая строчка! Будто сама собой сказалась:

— И это мой корабль пришел ко мне во сне!

Уходя в школу, Егор заглянул в отцовский кабинет — дверь была приоткрыта. Отец спал на диване одетый, под пледом. Прижимался щекой к жесткой, обтянутой рельефной тканью подушке. Была видна его лысина, беспомощно торчали на виске клочки волос. Короткая жалость вдруг толкнула Егора. И тут же — воспоминание: вот подушка, в которую он, Гошка, утыкался лицом, когда отец укладывал его ничком на диван. Вспомнился запах и вкус пыльной материи, которую Гошка пропитывал слезами и слюной, грыз и мусолил в предчувствии нестерпимой боли.

К черту! Он будто захлопнул в себе дверь — и перед жалостью и перед памятью! И стал повторять строки о парусах.

Эти строки и в школе не отпускали Егора. И потому он остался равнодушным к настороженно-сочувствующим взглядам (знали, наверно, уже про отца; даже Класная Роза не прицепилась из-за прогула, чуткость проявляет). Тишина и отрешенность ограждали Егора от всего на свете. И в этой тишине... ага, в ней словно стучали иногда медные шестеренки хронометра!

— Петров, ты мечтать будешь или решать задачу? У кого еще последняя задача не решена?

«Еще не решена последняя задача... Хронометр мой стучит... как сердце... в тишине...»

Загадка еще не решена...

На перемене подлетел Ваня.

— Принес?

— Что? — растерялся Егор.

— Книгу, «Спартак». Помнишь, я говорил, что Веник его перечитать хочет, а ты сказал, что у тебя есть...

— Ой, Ванька... Какая же я скотина. Вылетело из головы.

— Ну, ничего. Мама ему послезавтра передачу понесет. Не забудь.

— Не забуду. Я ему письмо напишу... А в палату все еще не пускают?

— Ага. Карантин... А Веннику уже ходить разрешили... А ты можешь сегодня к нам прийти? Книгу

бы принес, и так... Мама спрашивала, чего не заходишь...

«Мама спрашивала»... Они жалеют его или правда не понимают его вины?

И вина эта снова подступила к сердцу. Как холод, когда по пологому днуходишь в непрогретую воду...

Конечно, это было уже не то, что в первые дни. Потому что Венька жив! Но холод еще не раз будет вот так подыматься в груди, никуда не денешься. Теперь Егор это понимал.

— Алло!.. Гай, это ты?

— Я, Егорушка, я...

— А ты чего... кислый такой?

— Да так. Заботы всякие...

— Ася? — прямо спросил Егор.

— Да нет, там все в порядке, — отозвался Михаил, но как-то вяло.

Егору хотелось ясности. И он знал, что излишняя деликатность иногда не на пользу дела. К тому же ощущение собственной вины толкало его мысли в одном направлении.

— Она тянет резину, потому что чувствует себя виноватой. Вот...

— Чего-чего? — сказал Михаил мягко, но злое ще.

— А я не боюсь, не стукнешь... Она думает, что виновата, потому что тогда, первый раз, вышла не за тебя. И теперь мается...

Михаил сказал просто, без досады, только устало:

— Чепуха, никто там не виноват. Или оба одинаково... И вообще не в том дело, у меня другие заботы, здесь.

— Ты правда увоился?

— Увольняюсь.

— Допекли?

— Нет. Просто на старости лет пришел к простому выводу.

— К какому это еще?

— Сколько можно перевоспитывать пацанов? Может, все-таки лучше с самого начала заниматься нормальным воспитанием? Так, чтобы потом переделывать их не надо было...

— В школу пойдешь?

— Может быть... Хотя, по правде говоря, страшно. Дамский коллектив, а там все вроде ваших классов роз...

— Если не в школу, то куда?

— В газету зовут. Если на журфак перейду в университете... Буду потрясать основы педагогики публицистической кувалдой.

— Тебе не привыкать.

— Ага... Директриса Зеленолужского детского дома грозилась на меня в суд подать. За «клевету»...

— Ну... и что?

— Не успела. Против самой начали следствие. За воровство и рукоприкладство. В местном районе истерика...

— Кстати, о педагогике, — сказал Егор. — Витек-то как?

— Да ничего... существует. Мать в письме попросила, чтобы еще у нас пожил. Ну и живет.

— Нормально?

— Да ничего, — опять сказал Михаил. — Только воруется помаленьку...

— Как? — опешил Егор.

— А ты чего хотел? Он этим с грудного возраста грешил. Думаешь, легко отвыкнуть?.. Ну, да учительница у него понимающая, не чета некоторым. Мало-помалу перевоспитываем с двух сторон...

Егор подавленно молчал.

— Не расстраивайся, — усмехнулся Михаил. — Вообще-то он хороший парнишка. По дому помогает, со мной нянчится, если захандрю. С сестрицей моей Галиной Юрьевной весьма подружился... Кстати, упомянутая Галина Юрьевна с интригующим видом задает тебе вопрос: держишь ли слово?.. Что у вас за тайна?

— А?.. — растерялся Егор. Потом сообразил: — Ой, про это... Да я и забыл. Скажи — держу.

Он и в самом деле не курил с того новогоднего вечера. В Среднекамске держался, а потом и вообще не вспоминал о сигаретах. Беда с Венькой словно отшибла все желания.

— Ч-черт, — с досадой сказал Егор. — Лучше бы она не напоминала. Опять захочется.

— О чем речь-то?

Егор не стал напускать туману, честно сказал, о чем речь.

— И не прикидывайся, будто ничего не знал. Ты всегда все про меня знаешь. Как в досе... — вредным голосом добавил он.

— Ты меня переоцениваешь, все я знать не могу... Так, кое-что. Потому что я за тебя беспокоюсь, балда ты...

— Сам... Значит, и про отца уже знаешь? — морщась, спросил Егор.

— Про... Виктора Романовича? Нет... Что с ним?

Егор сумрачно рассказал. Михаил, кажется, смутился.

— Откуда же я мог это знать... Хотя, честно говоря, ожидать следовало. Ты сам-то разве этого не понимал?

— Может, и понимал... А что я мог сделать?

— Не знаю... Главное, что ты будешь делать теперь.

— Не понял. Ты о чем?

— Я к тому, что труднее жить будет...

— А может, легче? — зло сказал Егор. И, кажется, попал в точку. Впервые переиграл в споре Михаила. Тот отозвался растерянно:

— Да... в чем-то ты прав.

Егор насупленно признался:

— Вчера отец сказал: «Можешь теперь менять фамилию».

— А ты?

Егор сказал и о своем ответе. И о своих сомнениях. И спросил напрямик, что об этом думает Гай.

Но тот ответил, что советы давать легко, а решать такие вопросы человек должен сам. И главное — не рубить с плеча.

— Мудр ты, как сто Сократов, — проворчал Егор. — А толку от твоей мудрости...

— От чужой мудрости всегда толку мало... если своей дефицит.

— Гран мерси за комплимент.

— Не обижайся... Егор, я вот про что. Тебе бы хватит терзаться всякими сомнениями, пора бы дело найти. Ну, посуди сам: чем ты сейчас занят? Нельзя же так... растительно существовать. Смысл-то надо какой-то приобретать в жизни. Ищи давай... самого себя.

— Ай-яй-яй. Сборник проповедей о смысле жизни. Том двадцать второй, глава семьдесят третья...

— Я знаю... что казенно выражаюсь... Но черт возьми, ты же понимаешь, о чем я!

— А я нашел... смысл, интерес и стержень, — вдруг брякнул Егор. Вдохновенно.

— М-м?

— Ага!

— Подробнее можешь?

— Могу... Завтра я иду на занятия литературной студии, руководимой писателем Наклоновым. Во мне прорезался талант.

— Че-во? — откровенно усомнился двоюродный братец.

— А что? Я, по-твоему, совсем бездарен?

— Стихи, что ли, сочинил? А ну, прочитай!

— Фиг! — испуганно сказал Егор. Потом пободрился. — Вот окрепнет талант, тогда... И заодно проблемы решатся...

— Какие?

— С фамилией. Стану печататься, можно будет двойную фамилию взять. Писателям разрешается. Петров-Нечаев...

Михаил не уловил ни горькой ноты, ни юмора. Ответил серьезно:

— Дитя ты еще...

— Ага... Миш! Капитан-лейтенант Егор Алабышев — правда выдуманный персонаж?

— Егор... В чем дело?

— Какое... дело?

— Ты зачем идешь в литературную студию?

— Надо.

— Егор...

— Пока, — с ноткой веселого злорадства сказал Егор. — Потом позвоню еще. — И положил трубку. Пошел в комнату и достал блокнот с «Крузенштерном» на корочке.

Те мысли, что перебил в Среднекамске телефонный звонок, те, что были забыты после несчастья с Венькой, теперь все чаще всплывали снова. Беспокойные. С предчувствием тайны и боя.

Еще не решена последняя загадка.

Тревожный счет ведет хронометр судовой.

Кремневый пистолет... На старой карте

складка

Легла меж островов отчетливой чертой...

Егор торопливо записал придуманные сегодня восемь строк под тем стихотворением: «Когда Земля еще вся тайнами дышала...» Его стихи были как продолжение стихов Толика.

Продолжение, но не конец...

Строчки звучали в сознании Егора под привычный уже мотив — слившихся из двух песен: одна из фильма, другая про архипелаг.

Егор перекинул в блокноте лист. На второй странице была схема. Со значками, именами и линиями. Егор взял карандаш.

Бастион. Капитан-лейтенант... От этого значка Егор провел наконец к имени Наклонова резкую черту.

Олег Валентинович! Крузенштерн — это Крузенштерн, лицо историческое. А откуда в вашей повести Егор Алабышев?

«Когда земля еще вся тайнами дышала...»

— Вот так,— скорбно произнесла Алина Михаевна.— Сделали подарочек к Восьмому марта...— Она посмотрела на Егора.

— В чем опять я виноват? — скучным голосом спросил он.

— Телефон отключили!

— Я, что ли, его отключил!

— Из-за твоих разговоров со Среднекамском! Потому что вовремя не оплатили счета!

— Здравствуй! Я, что ли, должен их оплачивать? Какими шишами?

— А я какими? Нынешними грошами? Ты хоть понимаешь, что скоро есть будет нечего?

Отца перевели в другой цех, на должность рядового инженера. Зарплата, конечно, стала не та. Но и не гроши же! Да и на сберкнижке у матери наверняка имелось кое-что. Но Алина Михаевна жила теперь в постоянном страхе перед нищенством. Говорила об этом каждый день, считала копейки. Егор подозревал, что и телефонные счета она не оплатила из-за непреодолимой боязни лишних трат. Сумма-то была пять или шесть рублей!

Егор сказал, что не разорились бы.

— Тебе легко рассуждать! Ты эти рубли не зарабатываешь и не экономишь!

— Зато ты экономишь! Так, что хоть из дому беги!

Алина Михаевна слезливо закричала о неблагодарности. В это время вернулся с завода отец. Спокойный, неразговорчивый, осунувшийся. Послушал перебранку, сказал, что телефон все равно отобрали бы, потому что номер «выбивал» на АТС завод. Теперь эту телефонную точку отдадут другому начальству.

Мать принялась ругаться пуще прежнего, и получилось, что опять почему-то виноват во всем Егор.

— Оставь ты парня в покое,— сказал отец. И ушел к себе. А через пять минут позвал из кабинета: — Егор, загляни-ка, если время есть.

Егор вошел.

За окнами было еще светло — день прибавлялся. Лампа не горела. Отец сидел на диване, откинувшись, глядя перед собой. Потом улыбнулся, будто сквозь боль. Но спросил бодро:

— Как дела-то? Давно мы с тобой не беседовали.

— Какие дела? — Егор прислонился к косяку.

— Ну, вообще... жизнь?

— По-всякому...

— За девочками еще не ухаживаешь? — с натушной шутовщиной спросил Виктор Романович. Егор видел, как он пытается придумать тему для беседы.

— Обхожусь пока без этого,— сказал Егор и почему-то вспомнил Бутакову.— Наверно, не созрел еще.

— М-да... Прямолинейные вы люди, нынешнее поколение.

— Эпоха... — сказал Егор.

— А... в школе как?

— В школе — как у Гоголя.

— То есть?

— Не знаешь, что ли? «Эх, тройка, птица-тройка...»

— Птица-то птица... На ней нынче далеко не улетишь.

— Это как повезет...

— Везенье везеньем, а еще и работать нужно...

— «Сделать учебу сознательным, внутренне организованным процессом», — кивнул Егор.— Любимая фраза нашей обожаемой Классной Розы.

— Кого-кого?

— Да ты разве не помнишь ее?.. Правда, позолота с нее уже слезла. Как ты и говорил...

— Постой-ка, о чем это ты?

— Ты объяснял ей, что культура — это слабенький слой позолоты, который быстро облетает... Четыре года назад, когда она приходила... заступаться за меня.

Отец молчал. За окнами густел вечер. Виктор Романович спросил в полутьме:

— Гошик... А неужели ты больше ничего не помнишь?.. Кроме... такого.

Он сказал «Гошик», как иногда говорил в давние-давние времена, еще до всего плохого. И сердце у Егора дрогнуло. Это обычные слова — «дрогнуло сердце». Но оно и вправду тукнуло не в попад, и Егор сам удивился этому. И ответил неловко:

— Ну, почему...

Отец молчал тоскливо и с ожиданием.

— Я помню, как у нас сломалась машина,— сказал Егор.— Не эта, а старая, «Москвич». Я тогда еще в школе не учился... Ты ее оставил на обочине, и мы пошли пешком. Это где-то за городом было.

— А! Да... Это мы на дачу к Пестухову ездили,— оживился отец. И тут же угас: — Ах ты, Пестухов, Пестухов...

— Я тогда устал, а ты меня на плечи посадил... А мамы с нами не было.

Отец кивнул. Все с той же неловкостью, но стараясь улыбнуться, Егор проговорил:

— Я еще помню, как ты меня несешь и поешь: «С горки на горку я несусь Егорку... Оба мы голодные, дайте хлеба корку»...

В полумраке можно было различить, что отцовское лицо неподвижно, только уголок рта, кажется, дрогнул.

— Да... Егорка... Это верно. Я ведь тебя... — Отец резко замолчал. Будто захлопнулся.

— Что? — подождав, спросил Егор.

— Ч-черт,— тяжело проговорил отец.— Никогда не было времени. Чтобы разобраться... Смешно: даже любить не было времени. А сейчас поздно...

Егор не понимал, почему сейчас что-то поздно. Неужели отец считает, что жизнь у него кончена? Ну, плохо сейчас, исключили, с должности илетел, но, в конце концов,— живой же! И не старый. Все еще можно исправить, наверно...

«Все можно, пока человек жив...» Эта мысль тут же отозвалась радостным сознанием, что жив и другой человек — Венька! Правда, недавно опять сильно подскочила температура, врачи забеспокоились, но обострение миновало. Скоро Веньку выпишут, а потом отправят в лесную школу. Может, даже восьмой класс сумеет закончить, год не потеряет...

Егор екавал отцу грубовато, но по-хорошему:

— Ты уж так-то не раскисай. Бывает хуже, и то все потом поправляется.

— Угу... — отозвался Виктор Романович. — Учу пожелание... Ты куда-то спешишь?

— В школу. На занятия литстудии...

Наклонов руководил и клубом «Факел» и студией. Клуб собирался раз в месяц, туда приходили все, кто хотел. Читали сообщения о всяких литературных датах, спорили о книжках, о новых стихах и рассказах в журналах. На таких заседаниях всегда торчала Красная Роза... А студия — это был узкий круг, люди творческие. Те, кто сами что-то сочиняли. Приходили несколько школьных поэтов, авторы фантастических рассказов. А один семиклассник даже роман принес. Про карибских флибустьеров, не законченный...

Наклонов со всеми держался просто и по-доброму. Это не были нарочитые позы показать: «Видите, какой я доступный и понимающий, веду себя с вами на равных». Он был искренен. Видимо, ему в самом деле было интересно среди школьников. Может, и правда хотел писать повесть о ребятах?

«Вот и писал бы, — иногда сумрачно думал Егор. — Вместо того чтобы...»

Но порой подозрения уходили, таяли. Трудно было поверить, что этот человек с мягкими серыми глазами за стеклами очков, добродушный такой и

внимательный, несет в себе обман. Не хотелось этого. Потому что обманом тогда было бы все остальное: уютные вечера в школьной гостиной; смех, когда Наклонов необходимо разбирает чью-то неудачную стихотворную строчку; дрожащий от вдохновения голосок семиклассника Пучкина (чуть ли не Пушкин!), когда он читает очередную главу про флибустьеров; теплое ощущение общности, которое постепенно появлялось у двух десятков студийцев...

Взорвать все это? А если догадки Егора — чушь? Ведь доказательств-то пока никаких...

О своей повести «Паруса «Надежды» Олег Валентинович больше не заговаривал. А Егор наводить его на эту тему не решался даже в те минуты, когда обманчивая усюкоенность отступала, и он чувствовал себя разведчиком. Нельзя спешить. Нельзя поддавать вида...

Если бы с кем-то посоветоваться!

Но телефон отключили насовсем, с Михаилом не поговоришь. Егор написал: не может ли Гай приехать? Михаил ответил коротко: возможно, что скоро приедет. Но когда это «скоро»? А объяснять все в письмах — это долго и неубедительно...

Хорошо было бы поговорить обо всем с Вежкой. Он человек рассудительный. И понимающий... Но и здесь не повезло. В середине марта Егор на неделю свалился с жестоким весенним гриппом. Именно в

эти дни Веньку выписали. К Егору его, конечно, не пустили. Всякий случайный вирус для Веньки мог оказаться страшнее чумы: опять осложнения, больница и неизвестно что. А когда Егор поднялся, Венька уже был в лесной школе. Передал через Ваню записку: привет, мол, у меня все в порядке, поправляйся и ты, спасибо за «Спартака», жаль, что не повидались, но ничего, к Первомаю вернусь... Вот так.

Эх, если бы Венька был в городе, ему самое дело заниматься в студии. С его-то талантами. Не то что Егору, который, кроме восьми строчек, ничего больше не «сотворил». Есть кое-какие наброски, но все ерунда... Венька помог бы разобраться и в Наклонове. В конце концов именно он, Редактор, заронил в Егора первое зернышко сомнения: «Будто не свою рукопись читает...»

На очередное занятие студия собралась в первый вечер весенних каникул. Сначала снисходительно слушали Пучкина — главу о храбром Бартоломео Алонсо де лас Квадригасе, который, спасаясь от инквизиторов, бежал к флибустьерам и стал заправским пиратом. Потом девятиклассник Скворцов прочитал сказку о кофеварке. Как она возомнила себя атомным реактором, как ей не верили и как она, чтобы доказать окружающим свою правоту, пошла на крайность — взорвалась. А старый (давно ушедший на пенсию) самовар сказал из пыльного угла: «Для кофеварки совсем неплохо. Но для реактора жидковато...» Однако этого кофеварка уже не слышала. А в свой последний миг она была счастлива. Потому что сама поверила в свое атомное могущество...

Про сказку говорили долго. Сперва смеялись, потом стали разбираться всерьез и отметили, что идея совсем не смешная. Человеческая и даже трагическая. Хвалили. И Наклонов похвалил. Сказал, что ощущается влияние Андерсена, но есть интересный современный поворот...

Егора эта сказка почему-то тревожно царапнула. Он стал копаться в себе: почему? Но тут стала читать свое стихотворение Светка Бутакова.

Да, она тоже ходила в студию. И если говорить честно, Егора манила на занятия и эта причина. Никаких глубоких симпатий к Светке он не чувствовал, так, любопытство какое-то. Но все же хотелось доказать ей, что он, Петенька, тоже не лыком шит и кой-чего смыслит в изящной словесности...

Стихи у Светки были бузовые, про весну и ручейки. И про первую проснувшуюся бабочку, которая ей, поэтессе Бутаковой, села на портфель. «Портфель», видимо, был для рифмы, потому что Бутакова ходила с сумкой «Адидас».

*Осторожно несу я портфель,
Словно милую детскую зыбку,
Чтобы первый весенний трофей
Принести к себе в дом, как улыбку...*

Нинка Рассыпина из восьмого «В» сказала, что стихи хорошие, потому что «передают солнечное настроение».

Егор съезжился. Набычился. Воспоминание о коричневой бабочке, которую он раздавил подошвой, солнечного настроения не принесло. Наоборот. Он разозлился на Бутакову. А еще больше разозлился,

когда встал веснушчатый и глупый на вид девятиклассник Скворцов и тоже стал хвалить стихи. И было ясно Егору (и, конечно, не только Егору), что конопатому оратору нравятся не стихи, а сама Бутакова.

И Егор попросил слова. Он сказал, что военное выражение «трофей» не вяжется с весенней темой. Оно здесь «пришей кобыле хвост». И что, несмотря на пришитый армейский термин, стихи сентиментальны (ах «милая детская зыбка!»). И что глупо тащить с улицы бабочку домой, в квартире она подохнет.

— Это же просто образ! — воскликнула Рассыпина. А Светка уткнулась носом чуть ли не в колени, и две девчонки, сидевшие рядом, начали ее успокаивать громким шепотом.

Егор сел, задавив в себе легкие намеки на раскаяние.

Наклонов стал смущенно говорить, что в данных стихах есть плюсы и минусы и что нельзя подходить однозначно. В суждениях должна быть диалектика, которая позволяет более объективно анализировать... и так далее. Что-то в его нынешних словах напоминало речи Классной Розы, и Егор отключился...

Мягко горели настенные светильники, но за окнами еще не стемнело. Минуло уже весеннее равноденствие, дни стали длиннее, и закаты подолгу светились над тополями. И сейчас был закат. А в нем над черными крышами и деревьями висел яркий месяц.

...Месяц звонкий и рогатый...

Что-то опять тревожно толкнуло Егора. Предчувствие какое-то. Или напоминание. О парусах? О детской фотографии сорок восьмого года? О схеме в блокноте?

Блокнот лежал на коленях. Егор погладил блестящую корку с «Крузенштерном». Она была почему-то холодная до озноба...

А может, озноб от предчувствия? Или... вот от этих нахальных слов, которые высказал рыжий Светкин адвокат Скворцов:

— И вообще я считаю, что критиковать имеет моральное право только тот, кто пишет сам. А от Петрова мы еще ничего не слышали...

— В самом деле... — Олег Валентинович направил на Егора очки. В них отражались тройные светильники. — Нет, я, конечно, не тороплю и не настаиваю, но... помните, мы договаривались, что каждый со временем прочитает что-то свое...

Это правильно, договаривались. И все уже, кажется, читали и обсуждали свои творения, кроме Егора.

Наклонов сказал мягко:

— Может быть и вы, Петров, чем-то порадуете нас?

Что он так смотрит? И что все так молчат? Ждут?

Что же, он «порадует». Видимо, время.

И поддавшись стремительному вдохновению, которое не раз помогало ему, Егор встал. Откинул крышку блокнота.

— Ладно!..

*Когда Земля еще вся тайнами дышала
И было много неизведанной земли,
Два русских корабля вокруг земного шара
Сквозь бури и шторма на поиски пошли.*

*Высоких островов вдали вставали скалы,
И тайною была морская глубина,
И Крузенштерн стоял отважно у штурвала,
И билась о корабль могучая волна.*

*И долго буду я завидовать, наверно,
Тем морякам, которые ушли в далекий путь.
На карте начерчу дорогу Крузенштерна
И, может, поплыву по ней когда-нибудь...*

Егор не знал, читает он с выражением или без. Но, видимо, читал неплохо. По крайней мере, стояла тишина. Зябко сводило на щеках жолу, один раз перехватило голос. Но Егор помолчал секунду и продолжал:

*Теперь Земля почти что вся уже открыта.
Остались тайны только в синей глубине.
Они — как старый клад, на острове зарытый.
Но, может быть, одна откроется и мне...*

*И вижу мачты я, летящие в зените,
И вижу паруса белей, чем белый снег,
И рында для меня над палубой звенит там,
И это мой корабль пришел ко мне во сне.*

*Еще не решена последняя загадка,
Тревожный счет ведет хронометр судовой.
Кремневый пистолет... На старой карте складка
Легла меж островов отчетливой чертой...*

Он прочитал строки, написанные Толиком, и свои как одно стихотворение. Оно и было одним, целым... И кончив, он поднял наконец глаза от блокнота.

Наклонов был бледен. Он стоял у окна (месяц висел над его плечом). Прошла совершенно безмолвная минута. Олег Валентинович быстро снял, почти сорвал очки, стал протирать их скомканным платком. Не поднимая лица, сказал:

— Да, сюрприз...

— А что, неплохо,— подал голос рыжий Скворцов, решивший быть объективным.

— Да...— Наклонов все тер очки.— А скажите, Петров... вы уверены, что это... ваши стихи?

— Вполне...— У Егора все натянулось внутри. И в ушах звонко застучал хронометр. Тот, кургановский. Толика. Гая...

— А я... можно откровенно?..— Наконец он надел очки.— У меня есть сомнения... Простите, но... может быть, вы где-то слышали или читали такие стихи раньше?

— Где? — тихо, но резко спросил Егор.

— Я... только спрашиваю.

Теперь Олег Валентинович смотрел Егору в лицо. Без уверенности, но и без всякого добродушия. Отражения плафонов казались злыми огоньками. Егор кашлянул, чтобы не осипнуть от волнения. Сказал, аккуратно подбирая слова:

— Вы думаете, что я эти стихи у кого-то украл? Это, кажется, называется «плагиат»?

Очки дрогнули.

— Егор... я не хотел бы таких слов... Я не дозреваю вас в злом умысле... Но эти стихи я знаю много лет.

«Еще бы!» — подумал Егор.

— Да,— кивнул он.— Только не все. Я их дописал.

— Ну... может быть.— Олег Валентинович, кажется, стал спокойнее.— Но все-таки...

Егор перебил с еле заметной насмешкой:

— Вот у вас есть книжка с очерками про нефтяников. Вы ее вместе с другим человеком написали, с Борисовым. Никто же вам не говорит, что это не ваша книжка.

— Да!.. Но и я не говорю, что она только моя! К тому же мы с Борисовым работали вместе. А вы... с тем человеком... стихи эти писать вместе не могли. Я это знаю точно... Кстати, интересно: как эти стихи попали к вам? — В голосе Наклонова скользнула просительная нотка.

Егор не сдержался:

— Я понимаю, что вам это очень интересно.

— Петров! Как ты разговариваешь! — вмешалась Бутакова.

— Помолчи, «Весенний трофей»...— Егора хлестнуло неожиданной злостью. Они здесь все заодно!

— А ты... тебе здесь не «таверна»!

Он резко обернулся, чтобы сказать...

— Товарищи! Товарищи...— Наклонов раскинул руки, словно загораживал всех от опасности.— Друзья мои! Что с вами?.. Давайте творческие споры не превращать... в склоку. Любой конфликт можно уладить, если понять друг друга... Егор!

— Что? — он посмотрел в очки.

— Я ведь не хотел вас обидеть. Но мне действительно важно знать, где вы взяли эти стихи. У меня с ними... кое-что связано в жизни. Давайте по-мужски: карты на стол. И тогда решим, имеете ли вы право быть соавтором этого человека.

Егор не отвел взгляда, сказал отчетливо:

— Имею. Я дописал стихи своего отца.

Опять стало тихо. Будто крышку захлопнули над ящиком, обитым ватой. Наклонов снова снял очки и начал терзать их платком. Сказал с усилием:

— Извините, это неправда... Я никогда не имел чести лично знать Виктора Романовича Петрова. А стихи эти написал в мальчишеские годы друг моего детства. Он читал их на самостоятельном концерте...

Черт! Черт и черт! Как Егор не сообразил? Не вспомнил про концерт! Помнил только, что стихи — это эпиграф! А ведь Наклонов мог действительно знать их с детства, независимо от рукописи Курганова... Теперь ничего не докажешь!

А что, собственно, Егор хотел доказать? Суетливость и бледность Наклонова — разве улика? Дураком ты, Егор...

Сейчас приходилось воевать уже просто за самолюбие.

— Вы не имели чести знать Виктора Романовича,— с опасным звоном в голосе сказал Егор.— Вы знали моего настоящего отца. Толика Нечаева. Того самого «друга», которому в лагере готовили волчью яму!

Егор вышел из гостиной и крепко закрыл за собой дверь.

Ну, и чего он добился, псих несчастный? «Герой!» Щит в сторону, два меча в руки — и на врага! И сразу — пузом на копы... Нервы сдали? Или захотелось ошарашить Наклонова? Или... перед Светочкой покрасоваться? У, бестолочь...

Егор ненавидел себя так, что готов был взять свою башку за космы и физиономией протащить по всей решетке городского парка, мимо которого шел.

Б-б-балда... Выложил все карты. Теперь, если Наклонов и правда добыл где-то рукопись Курганова и скатывает с нее свои «Паруса «Надежды», ничего уже не сделаешь. Олег Валентинович — они не дураки-с. Затаятся. Остороженькими станут. А у Егора какие доказательства против него?

Надо было подхитрить, узнать, где Наклонов взял своего Егора Алабышева. Не могут же два писателя придумать одного и того же героя, чтобы имя и фамилия, и события одинаковые... Правда и тогда сразу ничего не докажешь: от Курганова никаких бумаг, от Толика — тоже... Но можно было утвердиться хотя бы для себя. И копать дальше...

Егор замедлил шаги. Куда спешить-то? В дом с вечно рассерженной матерью и похоронно-тихим отцом?.. В газонах под фонарями лежали остатки грязного снега. К вечеру подморозило, Егор поскользнулся на льдистом асфальте. По-дурачки замахал руками. Сердито оглянулся: не видел ли кто его нелепого танца? Прохожих не было. Только месяц висел над улицей. Молодой. С левой стороны. Это, говорят, к неудачам...

Но месяц — «звонкий и рогатый» — смотрел с высоты дружелюбно. Словно что-то понимал и мог посоветовать... Что?

Вот если бы в самом деле с кем-то посоветоваться! С Михаилом... Он, конечно, сперва отругал бы Егора (и правильно), а потом они вдвоем что-нибудь и придумали бы...

Но Михаил как в воду канул. Не появляется и не пишет. Небось в своих проблемах увяз. Поехать к нему? А что! Каникулы же!.. Трешку на билет можно у кого-нибудь занять. У Ревского, например. Но... ехать в Среднекамск без предупреждения, наверно, не стоит. Кто знает, какие там дела у Михаила? Может, Никитка прикатил из Севастополя на каникулы. И вдруг не один, а с Асей? Да еще Заглотыш там (его, Егора, стараниями!). И теперь — здрасте! — двоюродный братец является.

Есть, конечно, вариант: приехать, поговорить и сразу укатить обратно... Однако сначала все-таки лучше позвонить.

С автомата без денег не позвонишь, но можно от того же Ревского... А еще лучше — от Ямщиковых! Все равно он обещал зайти, принести «Книгу джунглей» Киплинга, чтобы Анна Григорьевна отвезла Веньке в лесную школу...

«Книгу джунглей» Егор взял с полки украдкой. А то сразу будет шум: «Это редкое издание, дореволюционное, знаменитого Сытина, кому ты ее хочешь дать?!» Он сунул книгу в пластиковый пакет, присел на тахту, глянул на часы. Половина девятого. Не поздно ли идти к Ямщиковым? И усталость навалилась, голова гудит... Может, опять грипп? Недолеченный. Бывает, говорят, такое. Или это «от нервов»? «Послестрессовое состояние»... Ох, нахватились мы терминов в наш просвещенный век. Дать бы тебе, шиззику, по шее, было бы «состояние»...

Завякало в прихожей. Егор не шевельнулся. Все равно это не к нему. Некому приходиться к Егору Петрову... Но мать сказала в дверь:

— Горик! К тебе мальчик...

Кого угодно ожидал увидеть Егор, но такого

гостя... Это был Денис Наклонов. Без шапки, в расстегнутой курточке, он неловко стоял у порога. Глянул из-под волос.

— Здравствуй... Отец спрашивает, не можешь ли ты приехать к нам. Поговорить хочет о чем-то...

Егор задавил в себе растерянность и смущение. Ответ прозвучал грубовато:

— Когда ехать-то? Сейчас?

— Если можешь... У нас внизу машина.

У подъезда стоял старенький «Москвич». Наклонов сидел за рулем, дверца была приоткрыта. Олег Валентинович сказал:

— Егор, садись рядом. А Денис сзади устроится.

Будто ничего не случилось...

Егор молча сел. Поморщился: пахло бензином. Не то, что в отцовских «Жигулях». Впрочем, наплевать...

— Поедем? — спросил Наклонов.

— Как хотите...

Наклонов осторожно вывел машину из-под арки на улицу. И вдруг негромко проговорил:

— Ты меня извини, Егор, я вел себя глупо. Это от растерянности... Такая неожиданность. Я погорячился.

— Ну, уж если кто горячился, так это я, — возразил Егор. С прохладцей, но искренне. И в то же время думал: «Что ему надо? Зачем приехал? Так срочно!» Однако мысли эти с их тревогой и нервностью были сами по себе. Вне настроения Егора. А он чувствовал себя удивительно спокойно, сонливо даже.

— Заедем ко мне домой, поговорим? Согласен?

— Уже едем, — сказал Егор.

Дверь им открыла красивая, похожая на актрису Любовь Орлову женщина в домашнем брючном костюме.

— Иннушка, это Егор, сын моего давнего... приятеля. С детских лет, с Новотуринска... Сделаешь нам чаек с чем-нибудь таким, своим? А мы пока побеседуем. Денис, дай Егору свои тапочки...

«Везде одно и тоже», — усмехнулся про себя Егор.

Неловкости он не чувствовал. Но и большого любопытства — тоже. Это было странно. Ведь можно сказать, очутился он в «логове противника». И, наверно, при некоторой хитрости мог Егор что-то выведать. Откуда эта вялость? Он заставил себя внутренне встряхнуться. Но помогло не очень.

Кабинет Наклонова состоял из книжных стеллажей, громадного, будто для пинг-понга, письменного стола и нескольких кресел, похожих на присевших бегемотов. Стол, как, видимо, и положено у писателей, был завален папками, листами с машинописным текстом. Бронзовая фигурная лампа с желтым абажуром возвышалась, как маяк, над этим бумажным морем. А плоская пишущая машинка была, будто островок...

— Егор, садись... Это ничего, что я на «ты»? Мы не официально, не в студии. Угу?

— Угу... — сказал Егор и отдался объятиям кресла-гиппопотама.

Молчаливый Денис устроился в другом кресле, в стороне. Сел и Наклонов. Против Егора.

— Я... для начала вот что хотел спросить... Это правда, насчет отца? Ты уж извини, но это так неожиданно...

— Это правда. Я родился уже после его гибели,

А мать почти сразу вышла за Петрова. Я узнал об этом недавно.

— Да... история...

— Ничего,— сказал Егор...— Бывают истории по-запутанней.

— Ты что имеешь в виду?

А он ничего не имел в виду, честное слово! И о рукописи в данный момент не думал. Просто так болтнул, чтобы не молчать.

Наклонов улыбнулся слегка натянуто:

— Я думал, ты про наши детские раздоры. С Толиком... Да, действительно, в последние дни перед его отъездом мы не ладили. Подрались даже на прощанье... И с ямой история имела, как говорится, место. Мальчишки же мы были... Но я не думаю, чтобы Толик навсегда сохранил про меня только злые воспоминания...

— Я тоже не думаю,— вежливо сказал Егор.

— А ты...— Кажется, он хотел спросить: «А ты почему же тогда упрекаешь меня?» Но сказал другое: — Ты сам-то откуда эту историю знаешь?

— От двоюродного брата. Он сын сестры Толика... Отца. Тот ему много про детство рассказывал. А он мне... А еще от Александра Яковлевича, от Ревского.

— А! Так ты и с ним знаком!

— Знаком... Но он больше про «Крузенштерн» любит говорить, про съемки, когда они с отцом последний раз встретились.

— Я понимаю... Да, к слову. О Крузенштерне. И о детстве... Наша дружба с Толиком была, конечно, сложная. Но я думаю, Егор, она все же была. По крайней мере, теперь все вспоминается по-доброму. Обиды уходят, хорошее остается. Детство — оно любое хорошо. Со всем, что в нем было. Это начинаешь понимать только со временем...

— Вы говорили о Крузенштерне,— осторожно напомнил Егор.

— А он — тоже часть детства. Толик нам о нем рассказывал. Или книга у него какая-то была, или сам он про него сочинял... Сидим мы у нас на веранде, а Толик — историю за историей. О разных случаях во время плавания, о Резанове, о Головачеве... Много, конечно, забылось, но ощущение осталось. Понимаете, такое желание тайн и путешествий... И вот, ребята,— он говорил уже теперь Егору и Денису,— когда на старости лет потянуло памятью к детству, сделалось это воспоминание очень важным. А тут еще книги кое-какие попались старинные, статьи, документы в архивах. Ну и появилась мысль о повести... А начало положил, можно сказать, Толик Нечаев... Нет, ну надо же, встреча-то какая! Кто бы мог подумать. Егор, сын Толика...

Он говорил искренне. Он улыбался открыто. И слова, что начало повести положено Толиком, были... ну, честные такие и теплые. И Егор вдруг подумал — успокоенно и облегченно,— что вот и надо никаких разведок, никаких распутываний.

Все справедливо. Давний житель Новотуринска Арсений Викторович Курганов написал повесть. Она потерялась, но не совсем. Толик Нечаев пересказал ее кому смог. Один из слушателей запомнил эти детские рассказы и благодаря им сам пишет книгу. Пускай свою, но все равно в ней будет доля труда Курганова и Толика. Ничего не прошло бесследно. И схему в блокноте можно дочертить до конца и стереть вопросительные знаки. А рядом с именем Нак-

лонова нарисовать книжку «Паруса «Надежды» и к ней прочертить от Курганова и Толика две прямые черты.

И все.

Все? А линия Наклонов — Алабышев?

И снова разведчик ожил в Егоре. А ему уже не хотелось этого. Гораздо лучше, если не будет в этой истории никакой драки. Пускай случится наоборот. Пускай он, Егор, приходит в этот дом по-дружески. Много ли у него друзей-то...

— ...Я вот что думаю,— словно откликнулся на эту мысль Наклонов.— Летом, после ваших экзаменов, не махнуть ли нам в Новотуринск? Прямо на нашей колымаге! Встроим! Городок сохранился почти в неприкосновенности. Я поведил бы вас по старым местам, порассказывал...

Егор и Денис встретились взглядами и быстро опустили глаза. Олег Валентинович продолжал:

— Я понимаю, что в друзья никого не сватают, но, может, у вас с Денисом нашлось бы что-то общее... Чем плохо, когда от стариков дружба передается сыновьям по наследству...

И опять они быстро глянули друг на друга. Лицо Дениса было близко от лампы, и Егор вдруг увидел, что глаза у него совсем не темные. Серые, как у отца. Раньше они казались темными, потому что прятались обычно в тени.

Денис как-то по-детсадовски шмыгнул носом и побурчал:

— Одно общее у нас уже точно есть: мы оба голодные.

— Иннушка! — обрадованно заголосил Наклонов.— Мы хотим есть и пить!

Мать Дениса заглянула в кабинет.

— Мужчины! У нас все готово! Но куда я здесь поставлю посуду? Может быть, пойдете в столовую?

— Нет, здесь! — весело запрямылся Олег Валентинович.— Здесь уютнее! Денис, освобождай полigon!

Денис начал привычно хватать стопки бумаги и сгружать на пол, к стеллажам. Один раз оглянувшись на Егора — быстро и... так похоже на Игорька-горниста. И на Веньку. И тогда Егор, словно шагая в холод, спросил:

— Олег Валентинович, а тот кадет в вашей повести, Егор Алабышев — он вымышленный герой? Или был на самом деле?

Наклонов следил за Денисом, а сейчас быстро обернулся.

— А почему ты про это спрашиваешь?

— Ну... он Егор и я Егор. Интересно.

— Ах вот что!.. Не знаю. В списках выпускников Морского корпуса я его не нашел. Есть такие списки в книге профессора Веселаго... Но Толик об этом Егоре рассказывал. И о том, как он был кадетом, и о том, как стал офицером и погиб на севастопольских бастионах. Я не стал менять имя. Если жил такой человек — хорошо. Если нет, я думаю, Толик бы не обиделся, что я позаимствовал это имя из его рассказов...

Ну теперь в самом деле все. Егор обмяк в недрах глубокого кресла. Хорошо все-таки, когда подозрения уходят, а загадки объясняются вот так, без боли...

...И дальше в самом деле было хорошо. Пили чай с каким-то необыкновенным, невесомым, как облако, пирогом. Говорили про Новотуринск, про

студию, про школу. Денис перестал глядеть исподлобья и со смехом рассказал про недавнее классное собрание, на которое вызвали мать двоюродника Эдуарда Редьковского для объяснения, а оказалось, что это не она, а знатная ткачиха; ее пригласили в соседний класс на торжественную встречу, а она перепутала...

— А наша классная на нее с ходу давай нести «Я на ваше производство напишу, как вы детей воспитываете!» А потом извинялась, ахала: «Это все опять из-за тебя, Редьковский! Почему ты не сказал, что это не твоя мама?» А он: «Но вы же всегда говорите, что учителю виднее»...

— Мне ты это не рассказывал,— ревниво заметил Олег Валентинович. И пожаловался Егору:— Обычно из него двух слов подряд не вытянешь, а сегодня разговорился.

Денис сказал, что он развлекает светской беседой гостя.

Потом Наклонов на пари вызвался разгромить Егора и Дениса в сеансе одновременной шахматной игры. И разгромил за пять минут. И с сожалением посмотрел на часы.

— Наверно, Егору пора домой. А то влетит ему и нам.

— Не влетит, но пора...

Наклонов отвез Егора на машине, хотя тот повторял, что здесь и так недалеко. Теперь Денис и Егор сидели сзади, рядом. Молчали, но без натянутости. Когда прощались, Денис протянул руку — пальцы были очень тонкие, но крепкие. Сказал:

— Пока... Заходи.

— Ага. Может быть, загляну...

Наклонов спросил:

— Егор, а ты не знаешь, не осталось в бумагах Толика что-нибудь, связанное с Крузенштерном? Вдруг он записывал что-то? Черновики какие-нибудь... Нет?

— Только те стихи. И еще портрет Крузенштерна. Он его рисовал, чтобы подарить... одному человеку.

У Егора не было теперь и тени подозрения, но называть Курганова он все же не стал.

...Уже в постели Егор подумал: как хорошо, что он сегодня не помчался сломя голову в Среднекамск. Трясся бы сейчас в вагоне, один со своими сомнениями и глупыми шпионскими версиями. И неизвестно, чем бы все это кончилось. А теперь действительно есть что рассказать Михаилу...

И надо Михаила еще кое о чем расспросить. И Галину — что она знает о характере своего брата... Неужели он в детстве так боялся грозы? Может, была еще какая-то причина, из-за которой он ушел от ребят в походе и поссорился с Наклоновым?

Так давно это было... И об этом давнем Егор мог судить только по рассказам людей, которые помнили, конечно, не все... И тем не менее многое он уже знал. Он мысленно приблизил к себе фотографию ребят, снятых у сломанной эстрады в старом саду, превратил ее в киноэкран. И постарался представить лето сорок восьмого года, как цветной фильм. Все по порядку... Вот бежит, спасаясь от погони, Шурка Ревский. Вот попадает в плен к робингодам Толик... Вот игры. Поход. Разбитый самолет... Потом один из мальчишек приносит Толику сломанный меч (знает Егор и про это!). И затем — одиночество. Про это Егор тоже знает... Одно утешение

у Толика — рукопись Курганова. Мать печатает — он читает... А потом печатает и сам. Эпилог...

Э-пи-лог...

Что?.. Егор стряхнул одеяло и сел.

Толик Нечаев мог рассказывать ребятам о кадете Егоре Алабышеве. Но о капитан-лейтенанте Алабышеве рассказывать не мог. Он узнал о его взрослой жизни и гибели уже после ссоры с робингодами!

Егор вдруг вспомнил, как Наклонов быстро снимает и протирает большие блестящие очки...

Пишущая машинка

«Ундервудъ»

Егор хотел пойти к Ямщиковым утром. Самое время: Аркадий Иванович и Анна Григорьевна на работе, стесняться некого, а Ванька наверняка в первый день каникул дрыхнет допоздна. Значит, дома... Но Алина Михаевна плачущим голосом сказала:

— Хотя бы в каникулы ты можешь помочь матери? Сколько я буду крутиться одна, как белка в колесе? За картошкой некому сходить...

Раньше матери помогала живущая неподалеку бабка, крепкая и деловитая. Носила с рынка тяжелые сумки, делала уборку, стиркой занималась. Мать ей сколько-то там платила. Но теперь, когда «скоро останемся без единого гроша», от бабкиных услуг Алина Михаевна отказалась.

Егору не хотелось крика, жалоб и споров. Молча он взял сумку, деньги («сдачу проверь и не потеряй») и пошел на рынок. В квартале от рынка наткнулся Егор на Валета.

В этом году они встретились впервые. Валет вытянул губы дудочкой, приподнял брови и светски сказал:

— О! Какая приятность... Рад вас видеть, сеньор...

— Взаимно...— Егор остановился.

— Как поживаешь, Кошачок? Нигде не болит? Мурлыкаешь?

— А чего нам... Не каплет и не дует.

— И совесть чиста, верно?

Егор прищурил правый глаз и наклонил набок голову.

— Гибкое ты существо, Кошак,— с ноткой зависти сказал Валет.— Умеешь вовремя уйти в шелку.

Егор прищурил левый глаз и перекинул голову к другому плечу. Спросил:

— В смысле?..

— В смысле, что вовремя слинял из «таверны».

— А при чем «таверна»? Курбаши колесики катал на стороне.

— Катал на стороне, а зацепило и нас кой-кого...

— Ну ты, по-моему, вполне на свободе, и вид цветущий.

— Оно так... Но потаскали и меня. Знал бы, что они, гады, мне клеили...

Егор зевнул:

— Догадываюсь, что они тебе клеили.

— Да только фиг им! Доказательств-то фью... А тебя, значит, не трогали совсем?

— С каких бы это щей меня кто-то трогал?

— Ну... я подумал: вдруг узнали про кассету. Лишний козырь против Курбаши.

Егор начал смотреть на Валета долгим насмешливо-сожалеющим взглядом.

— Не было кассеты,— наконец дошло до Валета.

— Ты умный мальчик.

— Я вообще-то с самого начала предполагал. А Курбаши трясся и бледнел: «Есть она, есть, я чувствую...»

— Дотрясся он и без кассеты,— вздохнул Егор.

Валет сказал опять:

— А ты гибкое существо.

— Хочешь жить, умей вертеться,— подыграл Егор.

— А жить ты хочешь,— полувопросительно заметил Валет.

Егор моментально подобрался:

— Это как понимать?

— А так, Кошачок. Хочу намекнуть по-дружески: кто-то очень недоволен горькой судьбой Копчика. Слышал я это стороной... Считают, что ты здесь во многом виноват.

— Я?! — рявкнул Егор.— Значит, это я на Веньку с шилом полез?! А сволочь Копчик ни при чем?! Валет улыбнулся с оттенком превосходства:

— Не надо так примитивно... Выражаясь по-научному, ты был источником первоначального конфликта. Сперва стравил Копчика с Редактором, потом на Копчика же накапал Венькиным предкам...

— Это кто же пришел к такому... научному выводу? — ехидно прищурился Егор. Но душа у него заглодела.

— Любый придет, если поразмыслит. И ты сам...

— Я не стравливал Веньку и Копчика... — Егор постарался твердостью скрыть внутреннюю беспомощность.— У них было это еще до меня. И на Копчика я не капал. Я хотел уберечь Ямщиковых от поджога, а на Копчика, как такового, мне было начхать. К тому же его предупредил честно, при всех...

«Чего я оправдываюсь?» — подумал Егор.

Валет примирительно сказал:

— Да мне-то что? Я тебе только намекнул, чтоб ходил с оглядкой, особенно после захода солнца. Если Копчику срок отвалит, Салтан это так не спустит...

Егор знал, что суда еще не было. Тянулось неспешное следствие. Чижа и Хныка выпустили, потому что Венька сам рассказал, что они к нему не лезли. Когда Копчик выхватил «пику», Хнык отскочил и зажмурился, а Чиж чуть ли не пытался схватить Копчика за рукав. Значит, они не «соучастники»... А самого Копчика уже второй раз обследовали в психобольнице. Мамаша его и адвокат пытались доказать, что «у мальчика есть отклонения». Шизик, мол, Копчик и за себя не отвечает... Чего доброго, еще и выкрутятся, гад... Нет, едва ли.

— Кольчугу под камзол советуешь надевать? — спросил Егор у Валета.— Ну ладно, благодарю за информацию...

Егор давно уже заметил, что есть в жизни такой закон — «одно к одному». И он ничуть не удивился, когда пришел с рынка и обнаружил в почтовом ящике записку — рваный клетчатый листок с печатными буквами: «Кошак, шкура продажная, учти, помнишь Копчика». «Учти» было написано с мягким знаком после «ч», а «помнишь» без мягкого знака

в конце. И нарисован был жирный шариковой ручкой зловещий кривой финяк.

Егор хмуро посмеялся. Записка наверняка была самодеятельностью «мышат» из компании Салтана. Это не страшно.

Это вообще было не страшно. Если бы знали приятели Копчика и сам «Царь Салтан», как в январские дни мечтал Егор, чтобы прихватили его в темном углу! Он иступленно дрался бы до последнего дыхания! И пусть измордовали бы до полусмерти! А еще лучше — всадили бы железо, как Веньке! Чтобы лежал он с Венькой в одной больнице и чтобы все поняли, что пострадали они оба от одних врагов. И что нет на Егоре вины...

Не так уж много вероятности, что в такой свалке забудут насмерть. Ну, а если и случится, то что ж...

Егор перечитал корявые строчки. Дурачьё... Умом он понимал, что опасность есть. В самом деле могут подкараулить, и никакая милиция, которая «меня бережет», здесь не поможет. Она оказывается на месте происшествия уже потом. Как в случае с Венькой... Но страх так и не появился, даже легкого холодка не было. Егор подумал, что при желании не так уж трудно разыскать, кто писал и кто подбросил. Если заняться всерьез. Но сейчас его в сто раз больше тревожила другая загадка: Алабышев — Наклонов. И нужен был Гай...

Днем дома у Ямщиковых никого не оказалось, и Егор пришел второй раз — уже в пятом часу.

Открыл Ваня. Губы у него были перемазаны, он сладко водил по ним языком.

— Варенье лопал,— сказал Егор.

— Ага... Там все равно банка почти пустая, я ее выскреб, чтобы вымыть.

— Видать, не маленькая банка-то...

— Ага, трехлитровая... А у нас еще полная есть. Хочешь варенья с чаем?

Егор сказал, что он вышел из возраста, когда любит варенье с чаем. Чай с вареньем — еще туда-сюда.

— Можно и так,— согласился Ваня. Видно, ему нужен был законный повод, чтобы распечатать новые запасы варенья. Но Егор объяснил, что хочет сначала дозвониться до Среднекамска.

— Разрешаешь?

— Чего спрашивать-то? — сказал Ваня.

Егор потянулся к телефону и помянул черта. Он все время забывал сменившийся в январе номер Гаймуратовых. То ли «ноль два — двенадцать», то ли «двенадцать — ноль два»... Он вытащил из кармана листок со стихами Толика, на котором в тот январский вечер записал телефон. Листок в кармане был всегда — это стало для Егора уже привычкой и чем-то вроде доброй приметы.

«Пятьдесят семь, ноль два — двенадцать»... Ответила Галина. Удивилась.

— А разве вы не встретились? Гай вчера поехал к вам...

— Ко мне?

— Вообще-то по своим делам. Но хотел и тебя увидеть.

«Может, и заходил, да мать не сказала,— подумал Егор.— А может, ее самой дома не было...»

— Я тогда помчусь домой! Может, еще зайдет!
— Едва ли. Он хотел вернуться нынче к вечеру. Наверно, сейчас уже в дороге...

— А что случилось-то? Зачем он поехал? — встревожился Егор. Голос у Галины был расстроенный...

— Неприятности там крупные. Беда с одним мальчиком...

— С Витьком? — испуганно и глупо спросил Егор.

— Да при чем здесь Витек... Вот он, рядом, цветет, как ясный одуванчик... По службе у Гая это.

— Но он же уволился!

— Да, но это старое дело...

— А какое?

— Егор, он сам расскажет. Позвонит...

Егор положил трубку и только тогда сообразил: куда Михаил позвонит-то?

Он расстроено сел возле столика с телефоном. Обшлагом зацепил, смахнул на половик лист с номером. Ваня, который крутился рядом, быстро поднял бумагу, пригляделся к стихам.

— Ой... на нашей машинке напечатано. Да?

— Что?... — Егор думал о своем. Какие там беды у Гая и стоит ли сейчас ехать в Среднекамск.

— Это на нашей машинке напечатано, — повтори Ваня.

— Что напечатано?... Почему на вашей?

— Ну, сразу же видно! Вот у буквы «фэ» колечко разорвано. А у «рэ» ножка скособочена... Это что за стихи?

Какие порой случаются в жизни повороты! И совпадения!.. А может, не просто совпадения? Может, счастливые находки идут в руки тем, кто ищет? Может, в этом справедливость судьбы?

...Ваня даже оробел от натиска Егора: что за машинка, откуда?

Ну, обыкновенная старая машинка, она у Ямшиковых с незапамятных времен. Папа еще мальчишкой был, когда выменял ее у своего приятеля... Откуда она у приятеля взялась? Надо у папы спросить, Ваня не помнит... Помнит только, что, кажется, этот приятель папин машинку из Среднекамска привез, когда в наш город переехал. Вроде бы на какой-то школьной свалке он ее нашел, сломанную совсем, а потом кто-то помог починить... Ее и теперь чинить приходится все время.

— А где она, Вань?!

— Я же говорю! Папа ремонтировать унес, я попросил... Одному знакомому. Тот на все руки мастер, хоть какую технику может наладить... Папа тоже может, но говорит, что тот лучше...

— Черт, не вовремя... Вань, а машинка называется «Ундервуд»? И с твердым знаком на конце?

— Ага...

— И деревянная подставка у нее есть?

— Есть...

— А какая?

— Ну... подставка как подставка. Из доски...

— А не из фанеры?

— Я не помню... Нет, она толстая. И покрашенная.

— Ваня, дело вот в чем... — У Егора от волнения сел голос. — Это может быть не доска, а... как бы плоская фанерная коробка. Пустая внутри. И там тайник... Ты не знаешь?

Ваня помотал головой. И вдруг насунился. Потребовал:

— Ну-ка расскажи.

Рассказ о листах старой рукописи, спрятанных в подставке «Ундервуда», Ваня выслушал, раскрыв перемазанный рот. Впервые коснулась второклассника Ванюшки Ямщикова настоящая тайна. Эхо приключений прозвучало в углах привычной квартиры...

Сначала Егор поведал эту историю очень коротко, самую суть. Но Ваня утащил его в их с Венькой комнату, усадил на нижнюю койку и начал обстрел вопросами. И глаза у него были умоляющие. И Егор выкладывал ему, Венькиному братишке, все новые и новые подробности. И про Толика Нечаева, и про Гая, и про съемки на «Крузенштерне». Только о подозрениях насчет Наклонова не сказал. Ни к чему это знать девятилетнему пацану. Пусть считает, что Егор просто ищет следы кургановской повести. Скоро Егор уже сам увлекся и рассказывал, не дожидаясь вопросов. А когда он замолкал, слышал частое Ванино дыхание, который, замерев, притерся к нему... А кроме этого дыхания будто слышалось в тишине шелканье хронометра...

— Егор, — наконец шепотом сказал Ваня. — Машинку-то папа сегодня принесет, он обещал. Все узнаем...

— А ты уверен, что машинка — та самая?

Ваня прыгнул, стукнул об пол коленками и локтями, выволок из-под койки пачку плотных листов. Откинул верхний.

— Смотри!

Это была газета «Новости Находки» с текстом, отпечатанным на машинке. И с первого взгляда стало ясно, что шрифт у заметок и у стихов Толика один и тот же. Загнутая ножка буквы «р», порванное очко у «ф». И полустертая нижняя точка в двоеточии. И косо поджатый хвостик у «ш»...

Все это было так очевидно, что не требовало даже долгого разглядывания. И сравнив буквы, Егор заинтересовался самими газетами. Было чем заинтересоваться! Пестрые, удивительно разноцветные листы, картинки с пейзажами незнакомых планет, столбцы рассказов со словами «продолжение следует»...

— Вань, это что?

Ваня объяснил. Про планету Находку, про игру такую, Егор слышал от него и раньше, и глобус не раз крутил, но про газеты не знал. И хотя все мысли были о тайнике в подставке «Ундервуда», Егор не удержался — начал листать номера «НН»...

Да, что и говорить, Венька — талант. И в рисунках талант, и в рассказах своих... Егор зачитался приключениями школьника Ноль-с-Плюсом на планете Земля. Классной Розе почитать бы! Вот бы укусное лицо сделала: «И опять одно и то же! Совершенно не та идея!»

— Вань, это как же? Так все эти газеты и лежат под кроватью?

— Ага... Новый номер сперва висит, а потом — в пачку. А где еще хранить-то?

— Это все люди должны видеть! Это же интересно!

«И чтобы убедились, какой он на самом деле,

Венька Ямщиков! Он действительно — Редактор. Без насмешки...»

Ваня сказал:

— Стрельцов приходил. И еще ребята. Тоже смотрели.

— Да много ли их, ребят-то? Вот если бы в школе повесить!

— Разве можно?

— А что такого? Сделать выставку... А?

Ваня быстро облизал засохшее на губах варенье.

— Это бы здорово...

— А Венька не рассердится? Скажет вдруг: зачем без разрешения...

— Не-е! Он сам жалел, что мало читателей, я знаю... А почему без разрешения? Я ведь тоже... Это наша вместе газета.

Егор подошел к телефону...

— Бутакова? Привет, это Петров... Стоп, не бросай трубку, я по делу... Знаю, что не хочешь со мной разговаривать. И кто я такой, знаю... Подожди, разговор не о твоих поэтических талантах. Не ты одна у нас литературное светило... Да постой ты! Ну хорошо, хорошо, я приношу свои искренние извинения... Ты можешь приехать сейчас к Ямщикову? Нет, он в санатории, зато я здесь. У него. И брат... Приезжай, узнаешь... Не фокусы, а серьезное дело! Ну, можешь ты хоть раз выслушать меня по-человечески, ду... думать надо... Не хотел я сказать «дура», не выдумывай, это у тебя комплекс... Не тайна, а долго объяснять. Приезжай, увидишь здесь такое!.. Давно бы так...

Надо отдать должное Бутаковой. Когда она появилась, о скандале в студии больше не упоминала, газетами восхитилась, идею выставки нашла гениальной. Так и сказала:

— Петенька, ты гений. Даже не ожидала...

Всех газет было слишком много. Втроем они отобрали два десятка самых интересных номеров. Потом Ваня вскипятил чайник и уже без колебаний открыл трехлитровую банку с вареньем.

Светка сказала, что газеты заберет с собой сразу. Пока идут каникулы, она договорится с вожатой, чтобы найти в школе место и устроить выставку как полагается. И пусть все видят, какие у людей бывают способности, а то теперь все такие невнимательные друг к другу. Попал человек в беду, поговорили об этом пару дней, а сейчас почти никто не вспоминает. Может быть, эта выставка всколыхнет коллектив...

— Ты только смотри не посеяй газеты по дороге,— прервал Егор активистские речи Бутаковой.

— А ты мог бы помочь мне отнести их!

Егор заколебался и почему-то даже смутился. Но Ваня решительно сказал:

— Газеты не тяжелые. А Егор не может тебя провожать, мы папу ждем, у нас еще одно важное дело.

Когда Бутакова ушла, Егор опять сел на Ванину койку и начал смотреть оставшиеся номера «НН». Ваня позвякал на кухне посудой (видимо, вымыл) и приткнулся рядом. Совсем прильнул. Дышал тишечко...

«По Веньке скучает»,— вдруг понял Егор.

Обычно Егор или сторонился «мышат», или разговаривал с ними тоном насмешливо-жесткого приказа. А если нельзя было сделать ни того, ни другого, он ощущал тягостную скованность. Даже на

Заглотыша он смотрел со смесью пренебрежительной жалости и брезгливости и вздохнул с облегчением, когда сплавил его Михайлу и Галине...

А с Ванюшкой было Егору легко. То ли потому, что не похож был младший Ямщиков на обычного «мышонка», то ли потому, что в самом Егоре что-то менялось... «А может, потому, что Венькин брат?»— спросил он себя. И вдруг вспомнил разговор с матерью, что нет у него, у Гошки, младшего брата.

И Ревский вспомнил: «Ты никогда не сможешь быть братом».

Нет, товарищ Ревский, режиссер вы, наверно, неплохой, а пророк так себе...

Кстати, надо позвонить Ревскому. Возможно, Михаил заходил к нему и Александр Яковлевич знает, что там у Гая случилось... Егор осторожно освободил левую руку из-под прижавшегося Ванюшки, взглянул на часы. Ваня быстро сказал:

— Ты не уходи, папа скоро придет.

— Мама придет, наверно, еще скорее,— опасливо заметил Егор.

— Не, она дежурит сегодня... А папа машинку принесет. Сразу все узнаем.

Конечно! И во время возни с газетами, и во время разговора с Бутаковой, и во время размышлений о «мышатах» и братьях прочно сидело в Егоре это главное ожидание: «Машинка. Тайник. Эпил로그...» Все делается ясным, все встанет на свои места!.. А Михаил будет просто ошарашен! Забудет о всех своих горестях... Но все же что там у него?

Егор опять шевельнулся. И опять Ваня попросил:

— Не уходи.

Наверно, ему очень не хотелось оставаться одному.

— Вань, я только позвоню...

Но тут затрещонил колокольчик в коридоре.

— Папа!

Это действительно пришел Аркадий Иванович. Ваня, выгибаясь от тяжести, радостно приволок в комнату брезентовую сумку. Изнутри ее распирала твердые углы.

— Давай!— выдохнул Ваня. Дернул на сумке молнию.— Берись...

Аркадий Иванович что-то весело рассказывал в коридоре, но Егор и Ваня не слышали... Черт, как цепляются за парусину всякие рукоятки и рычажки... Вот она, машинка! Тусклые золотые буквы на каретке — «Ундервудъ», дребезжащие клавиши, желтое лаковое дерево подставки...

Почему лаковое? Ваня же говорил, что краска...

Машинка со звяканьем встала, почти упала на половицы. Ваня смотрел на Егора перепуганными глазами. Потом закричал:

— Па-па!!

Аркадий Иванович буквально влетел в комнату.

— Па-па! Где старая подставка?!

— Да ты что? Эта же лучше! Сергей специально сделал, та совсем облезлая была, шепастая...

— Но она... где?— уже шепотом спросил Ваня. Он еще надеялся. А Егор понял сразу, что надежды нет, и обмяк, будто от большой усталости. Горя он даже не чувствовал. Так, безразличие какое-то и скука...

— Она где?— тонко повторил Ваня.

— Да где ж... Выкинул Сергей. На огороде мусор жгли, ну и вот...

— Она точно сгорела? — тихо спросил Егор.

— У меня на глазах... А в чем дело-то?

Ваня вдруг беззвучно заплакал, выдернул подол майки, начал сердито вытирать лицо. Первая в жизни встреча с тайной обернулась обманом.

— Ребята; да что случилось-то? Ваня...

Тот сквозь слезы посмотрел на Егора.

— Ты, Вань, расскажи сам... — хмуро попросил Егор. — А я пойду позвоню. Можно?..

Телефон Ревского долго отзывался равнодушным пиканьем — занято. И Егор был даже рад. Не хотелось возвращаться в комнату, пока у Вани слезы, пока он объясняется с отцом. И Ваньку жалко, и самому неловко — как неудачливому игроку, который раньше срока объявил о своей победе. И вообще... говорить надо будет что-то, объяснить, а к чему теперь слова?

Телефон ответил наконец. Сам Ревский.

— Егор? Вот хорошо... Гай приезжал, искал тебя, ругался: где тебя носит?

— А что с ним?

— Да с ним-то ничего...

— Александр Яковлевич, можно мне зайти к вам? Столько всего, надо посоветоваться. У меня мозги перепутались...

— Приходи обязательно.

— А можно сейчас?

— Давай!

Голос

— Ну, что там у него случилось-то? — спросил Егор, едва они с Ревским вошли в комнату.

Ревский кутался в пижамную куртку, похожую на обрезанный махровый халат. Он сел на диванчик старинного вида, с гнутой спинкой и завитушками. Кивком показал Егору на кресло.

— Тяжелая история... Осенью Гай привез сюда из приемника одного беглого мальчонку, Димкой звали... Димка этот не жулик, не бродяга, а сбежал, потому что мать спланировала его в интернат... Не рассказывал тебе Гай про это?

Егор нетерпеливо покачал головой. Ревский кивнул.

— Понятно. Случай-то не такой уж трудный на первый взгляд... Гай поговорил с матерью Димки, убедил ее вроде бы, что мальчику в интернате не жизнь. Бывают такие, что не могут без дома, чахнут от тоски. Мать сперва: «Ладно, ладно, я понимаю...» А потом опять его туда же. Ты, мол, Димочка, должен понять: дома братик или сестренка маленькая скоро будут, тесно, трудно... А Димка в интернате совсем извелся, написал Гаю письмо: «Михаил Юрьевич, пожалуйста, ну пожалуйста, приезжайте, поговорите опять с мамой, я так больше не могу...» — Ревский вдруг закашлялся, потом сжал губы. Сказал, глядя мимо Егора: — Я это письмо видел...

— И... что? — шепотом спросил Егор.

— Гай понял, сорвался сюда... А Димки уже нет. Вечером в раздевалке — веревку на крюк и в петлю головой...

Ревский замолчал, забарабанил пальцами по тугому диванному сиденью. В соседней комнате, где

обитали его сыновья-студенты, под равномерное уханье музыки пел женский магнитофонный голос:

*Нам не вернуться до срока,
В ритме тяжелого рока
Будешь опять одиноко
С тенью судьбы танцевать...*

«Чушь какая», — машинально подумал Егор. Тяжело сказал:

— И теперь Гай казнится, что опоздал...

— Он не виноват, что опоздал. Письмо написано в начале марта, а на штампе, на конверте — двадцатое число. Гай в момент разобрался, в чем дело. Специалист все-таки...

— А в чем... дело?

— Письма-то ребята для отправки воспитателям сдают. А те, конечно, любопытствуют. Какие-то письма совсем не посылают, если там жалобы, какие-то задерживают: чтобы вскрыть, прочитать, заклеить, отослать, тоже время надо. Ну вот, Димкин воспитатель и проволочил. Может, сперва совсем отправлять не хотел, а потом все же решил. А пока письмо шло...

— А что за воспитатель? — спросил Егор. И почему-то вспомнил Поп-физика. Такой же, наверно...

— Гай говорит, молодой, уверенный. С вузовским значком... Умный, говорит.

— Умный?

— Да... Сказал Гаю: «Вы юридически ко мне не подкапаетесь».

— А Гай что?

— Гай... он и есть Гай. Сказал: «Вы ко мне тоже. Свидетелей нет».

— И дал по морде?!

— Несколько раз... А потом пришел ко мне, просто черный весь... Я его какими-то каплями отпаивал, жена дала. А он все твердит: «Что же теперь делать?»

— Да ничего ему не будет! — горячо сказал Егор. — Свидетелей же не было! А если бы даже и были... Ну что, тот тип в суд, что ли, пойдет? Да его самого надо... — Он словно споткнулся о взгляд Ревского.

— Егор... Гай разве об этом? Он о мальчишке...

Егору захотелось зажмуриться от стыда. Но он только отвернулся. Сказал коряво и с запинкой:

— Теперь... с этим-то что сделаешь... Раз нет его...

Магнитофон пел:

*Как по велению рока
Без остановок и срока
В ритме тяжелого рока
Танец твой не-у-мо-лим...*

— Молодежь! — громко сказал Ревский. Сбавьте вы на полтона ваш рок, ей-богу...

Молодежь сбавила. Ревский откинул голову и, глядя в потолок, проговорил:

— В человеческом мышлении господствует закон оптики...

Егор посмотрел на него с сумрачным вопросом.

— Очень просто, — объяснил Ревский. — Свои мелкие заботы и несчастья кажутся важнее больших, но далеких. Не своих... Муха, которая летает у твоего носа, выглядит крупнее самолета. И так во всем... Человечество давно уже, по сути дела, живет на сундуке с динамитом и гасит окурки о его щелястую

крышку. Но этот факт занимает нас в общем-то меньше, чем ежедневные проблемы: скажем, неуды в зачетках, как у моих балбесов, или загубленный в Госкино сценарий, как у меня самого... Возможно, такой подход к явлениям бытия и разумен, иначе жизнь была бы невыносима... Но есть в этом что-то подлое...

Егор, не глядя на Ревского, спросил:

— А сколько лет было этому Диме?

— Не знаю... Видишь, даже не знаю, не поинтересовался... Вот мы с тобой пожалеем его, содрогнемся даже, а вскоре перестанем о нем думать — у каждого свои дела.

— Ну так что же, — неловко сказал Егор. — Так у всех...

— Кроме Гая! Он так не может, у него на каждую человеческую болячку свой нерв. А болячки не лечатся, а нервы горят... Мать и Галка за его звоночник страдают, но это чушь, с такой спиной до ста лет скрипят. А сердце он сожжет ко всем чертям, жениться не успеет... Кстати, ты знаешь, что ночью он летит в Севастополь?

— Откуда мне знать? Мы же не виделись.

— Он ходил к тебе вчера вечером, когда немного успокоился... Не застал тебя... А сегодня утром он ездил на кладбище. На Димкину могилу.

— В хорошеньком настроении он полетит в Севастополь... — отозвался Егор. — А когда он вернется? Мне надо его до зарезу.

— Через неделю. С первого апреля он должен пойти на работу в газете. По договору... Если, конечно, не будет скандала из-за пощечины.

— Жалко, что мы не увиделись. Черт принес за мной вчера вечером Наклонова...

— А! Так он отыскал тебя?

— А вы откуда знаете? Что, он меня искал?

— Вчера около восьми часов он звонил мне. Спросил, не знаю ли я твоего адреса. Объяснил, что ты ему нужен по каким-то делам литературного клуба. Я, признаться, и не подозревал, что ему известно... твоё происхождение... Но он спешил, объясняться было некогда. Адрес я дал.

Егор подумал. Вспомнил. Сопоставил. Медленно сказал:

— Д-да... дипломат. А мне потом говорит: «Ты разве с ним знаком?» С вами то есть.

— Странная история. Если не секрет, зачем ты ему столь срочно понадобился?

— Почуял, что хвост прищемило, — зло сказал Егор.

— Выразительно, но не понятно...

— Я объясню. По порядку, ладно?

Ревский не перебил ни разу.

— ...Я так и сяк вертел в голове эту историю, — закончил Егор. — Ну, не мог Толик рассказывать о гибели Алабышева. Верно ведь?

Ревский сидел, откинувшись к спинке дивана и наклонив курчавую голову. Он похож был на Пушкина, который изрядно постарел и сбрил бакенбарды.

— Насколько мне помнится,— медленно сказал Ревский,— Толик совсем ничего не говорил про Алабышева. Я отлично помню то лето и наши разговоры. Толик вообще лишь однажды упомянул о рукописи, когда мы говорили об острове Святой Елены. И никогда он повесть Курганова нам не пересказывал... А про Алабышева я впервые услышал в шестьдесят седьмом году, на «Крузенштерне»...

— Вот видите! Значит, Наклонов мог узнать про него только из рукописи! Правильно?

Все так же медленно и слегка отрешенно Ревский проговорил:

— Детективная история в стивенсоновском духе... и с грустным оттенком.

Егор не стал уточнять, откуда грустный оттенок. Он и сам его ощущал, но не это было главное.

— Александр Яковлевич, как вы думаете? Могла рукопись как-то оказаться у Наклонова?

— Теоретически это не исключено...— Ревский рассеянно прошелся пятерней по шевелюре.— Можно предположить... например, так. Мы той осенью да и следующим летом увлекались сбором утиля. По городу ходили старьевщики — агенты «Вторсырья» с тележками, мы им сдавали всякое барахло. И бумагу старую тоже. Не так, как сейчас макулатуру, а вместе с рваными калошами, тряпьем, всякой рухлядью. А взамен получали копейки или игрушки — пистолетики, свистульки... Ну, а утиль-то надо было добывать, вот и бросил Олег наш отряд на поиски. По дворам, по свалкам, по чужим чердакам... Чердаки — это было особенно заманчиво. По вечерам, с фонариками, масса страхов и приключений. И находки самые неожиданные: то лампа старинная, то подшивка «Нивы»... Ну, и папки с бумагами всякие... Вечером свалим трофей у Олега на веранде, а утром разбираем... Не исключено, что копался в добыче он и без нас, заранее. И мог наткнуться на рукопись. Если она как-то попала из комнаты Курганова на чердак...

— А могла попасть?

— Ну, об этом я так же, как и ты, могу лишь догадываться... Скажем, дочь Курганова не обратила внимания, выкинула с другими бумагами, а соседи убрали наверх. Или еще как-нибудь... К тому же это лишь одна версия. А могло быть иначе. Например, взрослый уже Наклонов обнаружил рукопись в каком-нибудь Новотуринском архиве. В архивах, как и на чердаках, порой попадают самые неожиданные вещи... А как было на самом деле, мы теперь скорее всего никогда не узнаем. Да и не это главное.

— Главное — узнать бы: правда ли, что он списал повесть у Курганова? — возбужденно сказал Егор.

И словно желая погасить его азарт, Александр Яковлевич грустно ответил:

— Главное, что не хочется верить... будто Олег способен на такое.

— Способен, не способен...— Егор досадливо съезжился.— Теперь-то все равно ничего не доказать... Ой, Александр Яковлевич! А машинка-то ведь есть! Рукопись-то на ней напечатана! Если она у Наклонова, можно сверить шрифт!

— И что же ты хочешь? «Внедриться» в квартиру Олега Валентиновича, обшарить ящики, найти нужные листы и провести экспертизу?

— Ну а хотя бы! — вскинулся Егор. Но под грустно-внимательным взглядом Ревского его запал почему-то угас.

— Возможно, той рукописи уже и нет,— помолчав, сказал Ревский.— Даже если она была, Наклонов мог ее перепечатать, а оригинал уничтожить. От греха. А если и не уничтожил, то сожжет сейчас или запрячет подальше. Поскольку что-то почуял...

— Александр Яковлевич! Вот вы говорите «не хочется верить». А сами, значит, думаете так... что он может?

Ревский толчком поднялся с дивана и заходил, почти забегал из угла в угол. Остановился. Сказал:

— Никуда не денешься... Судьба, что ли?

— В чем судьба-то? — неловко спросил Егор. Ревский схватил стул, сел перед Егором.

— В том, что такой разговор. И вообще все это... Я с тобой говорю сейчас не как с мальчиком-восьмиклассником, а как... ну, как с Толиком, что ли. Ты его сын. Поэтому честно. Мне кажется, что... в какой-то момент Олег это мог...

— В какой момент?

— Ну, не сразу же... Возможно, рукопись попала к нему в робингудовские времена. Он читал, знал, что она связана с Толиком. Была она как память о детстве. Привык он к ней, считал, может быть, почти своей... А потом... узнал, что Толика нет уже на свете и других экземпляров рукописи тоже нет...

— А откуда он мог узнать, что нет экземпляров?

— Увы, от меня... Осенью шестьдесят седьмого, после гибели Толика, мы встречались с Олегом в Ленинграде, я рассказал все, что случилось. Мы долго тогда говорили. Под настроение я поведал и всю историю кургановской рукописи. Как ее Толик на «Крузенштерне» рассказывал. И про то, как сжег Курганов первые два экземпляра, тоже упомянул...

— Да,— жестко сказал Егор.— Теперь понятно... Автора нет, Толика нет, доказательств нет. А единственный экземпляр — у Наклонова. Ставь свою фамилию и печатай... Странно только, что он не сделал это сразу. После разговора с вами.

— Если считать Олега действительно виноватым... то не странно, Егор. Тогда жива была еще Людмила Трофимовна, мама Толика. И, наверно, редактор был жив, который читал рукопись в издательстве...

— А может быть, и сейчас жив.

— Не знаю... Я ведь только предполагаю все это. Но тридцать пять лет прошло... А скорее всего есть еще одна причина, по которой Олег не сразу...

— Какая же? — со злой ноткой спросил Егор. Потому что почуял в голосе Ревского сочувствие Наклонову.

— Самая главная... Чтобы решиться на такое, надо переступить через себя... Олег, прямо скажем, писатель не блестящий. Книжки у него средненькие. Пишет о том, о другом, хватается за разное, а главной темы, стержня для себя найти не может. Это уж кому сколько таланта отпущено... А человек он умный и все это понимает. Годы между тем идут, и ясно уже, что в классики не выбиться... А в то же время, все эти годы, лежит рядышком готовая рукопись, которая совсем ничья. И, видимо, талантливая. Вот и начинает точить мысль: «Она же все равно пропадет. Не все ли равно, чья там будет фамилия?»

Главное, чтобы ее прочитали...» Ну, и остается сделать два шага... Егор...

— Какие?

— Первый — переступить через самолюбие. Признать полностью, что сам по себе автор ты неудавшийся и без этой чужой повести имя свое известным не сделаешь... А второй шаг — через совесть. Надо ее как-то успокоить. Убедить, что в поступке этом ничего особенного нет. Мол, и раньше бывали в литературе заимствования. И еще такая мысль: «Я ведь не все подряд возьму, кое-что изменю...» Возможно, и в самом деле изменил кое-какие страницы...

— Вы все так рассказываете, будто...

— Что?

— Будто все точно знаете.

— Ты, Егор, по-моему, не это хотел сказать.

— Ну... будто с вами самим когда-то такое же было, — сердито бухнул Егор и почувствовал, как горят уши.

Ревский не обиделся, не вспылал. Сказал грустно:

— Наверно, у многих такое бывает. Хоть раз в жизни. Только один человек делает шаг, а другой... поболтает ногой в воздухе и поставит обратно. Тут граница хрупкая... Егор, Наклонов человек сложный, но... не подонок же он. Скорее, он неудачливый человек, несчастливый... В нем много хорошего. И когда он говорил с тобой о Толике, о том, что во многом благодарен ему, он был наверняка искренен. Детство — это то, что предать труднее всего.

— А яма? В том же самом детстве, — тихо, но упрямо сказал Егор.

— Ну, яма... В мальчишечью пору кто не делает глупостей. Тут и самолюбие, и обида чрезмерная, и глупость... У какого мальчишки совесть без пятнышка, а?

Егору захотелось уткнуться носом в колени. «До-философствовал, дурак?» — мстительно сказал он себе.

— А к тому же, — продолжал Ревский, — я рассуждаю отвлеченно. Может, никакой истории с рукописью не было. И, честное слово, я буду счастлив, если смогу это узнать.

— Ничего вы не узнаете, — уныло сказал Егор. — И никто не узнает. Последняя надежда была — эпилог в тайнике машинки. Можно было бы сравнить с Наклоновским эпилогом и доказать. А теперь что, раз подставка сгорела...

Ревский растопыренной ладонью потер лоб и глаза. Мотнул курчавой головой, словно прогонял дремоту. Или сомнения?

— Да... Оказывается, ничего в этой жизни не случается зря... Егор, один знаменитый персонаж в одном знаменитом романе сказал: «Рукописи не горят»...

Егор быстро поднял глаза. Ревский встал.

— Это справедливо, по крайней мере, по отношению к вышеупомянутому эпилогу...

— У вас есть копия?! — Егор рванулся из кресла.

— Копии нет. Но когда Толик на «Крузенштерне» читал эпилог наизусть, мы с Изой включили студийный магнитофон... Микрофон был на штанге, в стороне, Толик и не заметил. Но записалось отчетливо.

Ревский шагнул к стеллажу, стал двигать на полке книги, папки, плоские коробки. Егор почув-

ствовал, как слабеет от волнения. Тьфу ты, нервная дама... Он опять сел. С приколотых к стеллажу крупных фотографий на Егора смотрели знакомые и незнакомые артисты и режиссеры. Каждый по-своему: кто насмешливо, кто ободряюще. А за дверью звучало приглушенно:

Что наша жизнь за морока —

В ритме тяжелого рока...

Вот холера! Теперь этот мотив засядет в мозгах! Чтобы перебить его, Егор «включил» в памяти другое:

Мы помнить будем путь в архипелаге...

И еще:

*После тысячи миль в ураганах и тьме
На рассвете взойдут острова...*

Песня, которую пели на «Крузенштерне». В те дни, когда Анатолий Нечаев читал там последнюю часть кургановской повести.

...Ну что столько времени возится Ревский? Сейчас скажет: «Не знаю, куда подевалась пленка...»

Ревский достал плоскую коробку. Шагнул к двери.

— Юноши! Кончайте ваше «роковое томление», мне нужен магнитофон... Что? Потерпите. Тащите живо...

Рослые, совершенно одинаковые Илья и Яша принесли тяжелый, как сейф, «Юпитер». Сказали Егору «привет» и удалились, демонстрируя возмущение отповским произволом.

Ревский поставил на «Юпитер» большую бобину.

— А Гай разве не знает про эту запись? — спохватился Егор. — Он ничего не говорил...

— Гай не знает...

— Почему?

Не оборачиваясь, Ревский объяснил неохотно:

— Сперва я просто боялся об этом говорить, напоминать про все. Гай и так был не в себе. А потом... Знаешь, у каждого бывает что-то очень свое. Вот так и эта пленка для меня. А Гая не хотелось мне лишний раз бередить, да и виделись мы не часто. Ну, слушай... Егор... Нечаев...

Сначала был слабый электрический шелест, потом за этим шелестом возникло ощущение широкого пространства, в котором тихо дышали десятки людей. И наконец негромкий, но отчетливый молодой голос произнес:

— Конец тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года в Крыму был необычным...

Егор закрыл глаза.

Он слушал и ловил себя на том, что порой не вникает в содержание, а пытается представить, как это было. Ночь над бухтой, курсантов на палубе, трапах, шлюпках. И Толика... который вот он, будто живой, будто сейчас говорит перед притихшими людьми. Руку протяни — и дотронешься до его локтя...

Егор давно уже не думал о Толике, как о чужом. Наоборот. Был Толик самый свой, что ли... Но думать о нем, как об отце, Егор все равно не мог. Он ощущал его скорее как старшего брата. Вроде Гая. Впрочем, так ли это важно? Толик — и все. Иногда казалось, что он жив и где-то неподалеку. Но сейчас горькое сознание, что его нет — хотя голос вот он, звучит рядом, — резануло Егора. Так, что под закрытыми веками шевельнулись едкие песчин-

ки. Егор зажмурился сильнее и заставил себя слушать внимательней.

И не шевелясь высидел сорок минут, пока Толик не сказал:

— ...Он не успел принять участия ни в одном сражении и не убил ни одного врага... Он сделал не в пример больше: отнял у этой войны, у смерти десять ребятишек. Тех, кому жить да жить...

Егор сердито проморгался, выпрямился в кресле. И такую повесть Наклонов хочет сделать своей! А человек, который над ней мучился, сгинет в неизвестности? А Толик, что ли, зря страдал за всех, про кого там написано?

...Ревский дождался, когда закончится обратная перемотка, снял бобину, протянул Егору, Тот нерешительно сказал:

— А вы как же? У вас ничего не останется...

— Ну, что поделаешь. Это — твое...

— А куда я с ней с такой?.. Александр Яковлевич, давайте я лучше завтра «Плэйер» принесу, перепишу на кассету. Получится чисто, один к одному!

— Это мысль. Давай... Только лучше послезавтра. Завтрашний день у меня на студии будет подобен аду крошечному.

Егор сразу испугался. А вдруг за два дня с пленкой что-нибудь случится? Как с подставкой от машинки. Ревский понял:

— Никуда она не денется... Я другого боюсь...

— Чего?

— Егор... А что ты собираешься делать дальше? — Я... не знаю, — честно сказал Егор. — Я не буду торопиться. Надо подумать.

— Вот именно. Подумать тебе надо крепко. Дело-то не простое, тут человеческая судьба. И она в твои руки попадет... Ты это понимаешь?

Егор знал, что глаза у него не совсем просохли, но глянул на Ревского прямо и дерзко:

— Если вы боитесь, можете не давать пленку.

— В том-то и дело, что не могу. Не имею права. Ты — наследник... Я не пленку имею в виду, а все, что было.

— И все-таки вы жалеете, что сказали про запись. Да?

— Егор! Я никогда не жалею о принятых решениях, — резко ответил Александр Яковлевич. Незнакомо. Но тут же перешел на прежний тон. — Однако ты меня пойми. Как бы там ни было, а Олег — друг детства...

— А Толик?

— В том-то и дело... Черт! Всю жизнь я мечусь между ними. Даже теперь, когда Толика давно нет. Опять надо делать выбор.

— Разве дело в Толике? — осторожно сказал Егор. — Дело, наверно, в справедливости.

— Да... Но и справедливости мы с тобой хотим разной. Я буду счастлив, если окажется, что Олег не виноват. А ты этим обстоятельством был бы весьма огорчен. Не так ли?

Егор ответил не сразу. Ревский, наверно, и не ждал ответа. Егор наконец сказал:

— У вас с Гаем есть одна одинаковая черта. Дурацкая. Извините...

— Ничего. Какая же?

— Вы любите угадывать мысли других. Будто мозги потрошить. И наперед все предсказываете...

— Да? Не знал такого за Гаем... А что я предсказал?

— Что я буду рад, если Наклонов виноват... А я не буду.

Еще вчера утром Егор мог торжествовать, если бы Наклонова удалось уличить в обмане. А сейчас.. После того, как вечером он побывал у Наклоновых дома, после того, как дом этот оказался добрым таким и дружеским... Но объяснять это было долго. Да и зачем вывертывать себя наизнанку? Егор только повторил:

— Не буду. Но я должен узнать...

— Ну что ж...

— Вы думаете, я как охотник? Или мне приключений хочется? А я... Вы же сами сказали, что я... наследник.

— Ладно, Егор, — неловко отозвался Ревский. — Я ведь только вот что говорю: не наделать бы глупостей.

Егор покладисто сказал:

— Я понимаю... Знаете что, с Гаем бы посоветоваться.

— Это мысль. Но, наверно, он уже в аэропорту или по дороге туда... Да и боюсь, что сейчас ему не до того.

— Наоборот. Может быть, это его отвлекло бы... — Егор запнулся. Ревский смотрел с грустной усмешкой.

— Вот видишь. А нас уже отвлекло. Я же говорил... Уже забыли о Димке.

— Я не забыл, — сказал Егор. И это была правда. Он не забыл, потому что думал о рукописи и лейтенанте Головачеве. — Александр Яковлевич, Димка разве виноват? Ну, что не вытерпел и вот так...

— Что ты, Егор... Как можно обвинить ребенка? Он не выдержал одиночества. Взрослые и те не всегда выдерживают.

— Вот и я говорю. Лейтенант Головачев застрелился тоже из-за этого. Разве он виноват?

— Трудно судить. Что мы знаем о Головачеве? Даже повесть не читали, а слышали в пересказах, в отрывках... А вот мальчика жаль отчаянно.

— И еще Гая, — сказал Егор. — Мы-то этого Димку все-таки не знали, а он знал. Поэтому ему хуже всех.

— Хуже всех Димкиной матери.

— Ну, она-то сама виновата!

— Это и есть самое страшное. Как жить с такой виной?

«А ведь правда!» — ахнул про себя Егор. И подумал о Веньке. «А что, если бы... Зеленый шар, спаси и сохрани...»

Вспомнив про Веньку, он тут же вспомнил и Ваню. Как тот всхлипывал и сердито вытирал глаза подолом майки. А потом, когда прошались, уже не всхлипывал, только смотрел в пол. А отец виновато говорил, что вот надо же, кто мог подумать про такое дело, и что машинка-то в самом деле из Среднекамска. И смущенно объяснял, от кого и как она попала к Ямшиковым, словно это могло помочь делу. Егор, чтобы хоть как-то загладить тягостную неловкость, сказал, что скорее всего в подставке никаких бумаг давно уже не было, нечего и горевать. Ваня понуру молчал...

— Александр Яковлевич, можно я позвоню от вас?!

Ревский кивнул на телефон.

— Алло... Анна Григорьевна? Здравствуйте, это Егор. Извините, что поздно, Иван еще не спит?! Да, на минутку... Вань!.. Слушай, а листы не сгорели! То есть сгорели, да не совсем... А вот так! Завтра приду и объясню. Спи...

Капитан-лейтенант

Егор Алабышев

«Не наделать бы глупостей»,— сказал в тот вечер Александр Яковлевич. Но было ясно, что смысл у этих слов несколько иной: «Не наделай глупостей, Егор».

Егор был уверен, что не наделает. Он решил действовать не спеша и расчетливо.

Через день он побывал у Ревского и переписал рассказ Толика с «Юпитера» на «Плэйер». И потом целый вечер слушал голос Толика. И снова как бы видел перед собой просторную палубу и мачты, которые теряются в звездном крымском небе...

Наутро он прихватил «Плэйер» и пошел к Ямшиковым. Ваня встретил его сердито:

— Обещал все рассказать, а сам пропал...

— Не мог я, Вань, раньше, запись надо было сделать...

Узнав подробности, Ваня дуться перестал. Всю кассету прослушал внимательно. А пока он сидел с наушниками, Егор с интересом шелкал на «Ундервуде» — просто так, разные слова: «Крузенштерн»... архипелаг... кассета... Среднекамск... Ваня». И почему-то: «Денис»...

Ваня стянул наушники и вздохнул:

— Интересно... Только машинка-то здесь ни при чем. Значит, никакой тайны не было.

— Как это ни при чем? Подумай! Если бы ты про машинку не сказал, я бы о тайнике не вспомнил. И Ревскому ничего не стал бы говорить. А он бы еще сто лет молчал о пленке!.. Нет, Вань, все благодаря машинке случилось. И благодаря тебе.

Ваня скромно расцвел. Погладил обшарпанный «Ундервуд».

— Вот она какая хорошая у нас... Егор! А папа знаешь что говорит? Он говорит: «Если правда эта машинка была бабушки Егора, то надо ее подарить ему». То есть тебе... Он говорит, что это как бы наследство... Правда ведь?

Радости в этих словах Егор не уловил. Расставаться с машинкой Ване явно не хотелось. Он добавил:

— Но надо еще Веника спросить, верно?

Егор засмеялся:

— Никому не надо спрашивать, ты что! Все равно я машинку не возьму, она ведь и ваше наследство тоже. Столько лет у вас! Венька вон какую кучу газет на ней отпечатал!

— Ой, а газеты! — подпрыгнул Ваня. Он был рад изменить разговор. — Ты не знаешь, их еще не повесили?

— Сейчас узнаем.

Егор позвонил Бутаковой, и она обрадовалась и сказала, что у них не класс, а сплошные лодыри: кого ни попросит помочь устроить выставку, всем некогда, у всех какие-то важные дела в каникулы. Один Громов согласился. И пусть Егор тоже обязательно приходит. Сегодня к двенадцати.

С Егором пошел, конечно, и Ваня.

Вчетвером они приклеивали к стене «Новости Находки» на втором этаже, где была пионерская комната. Номер за номером. Сверху прикрепили ватманскую ленту, на которой Бутакова заранее сделала надпись: «Газеты страны Фантазии. Работы ученика 8 «А» класса Вениамина Ямщикова».

Подошла завуч Тамара Павловна.

— Чем это вы заняты, молодые люди?

Бутакова объяснила. Тамара Павловна сказала, что все это странно.

— А кто разрешил их здесь вывешивать?

— Марина разрешила, мы с ней все обсудили,— сказала Светка. Мариной звали старшую вожатую.

— Странно... Такими делами распоряжается не старшая вожатая, а организатор внеклассной работы... А какой это гадостью вы их приклеиваете?

— Это же герметик! — весело объяснил маленький быстроглазый Юрка Громов. — От него на масляной краске никаких следов! Плюнул, потер, вот и все...

— Вам бы на все только плюнуть и растереть... — Постукивая каблуками, Тамара Павловна принялась ходить от листа к листу. — Странно... Что за содержание...

Егор с Ваниной помощью развешивал последние номера. Он молчал, но уже закипал.

— Все-таки я не понимаю,— раздраженно произнесла Тамара Павловна. — С директором это согласовали?

— Марина говорит, что согласовала...

— Странно... Какие-то планеты. Зачем это? Сплошной отрыв от действительности...

— Не такой уж, видимо, отрыв, если вы испугались,— не выдержал Егор.

— Что? Чего я испугалась? Ты, Петров, отдаешь отчет, что говоришь?

— Отдаю... — Егор приклеил к стене последний угол газеты, отошел и полюбовался. — Конечно, отдаю... в том, что оторванные от действительности сказки Ямщикова не первый раз кого-то вздрагивать заставляют...

— А!.. Зато ты, я смотрю, вздрагивать не научился! А зря, голубчик! Пора бы уже понять, что теперь иная ситуация...

— «И что твой папа уже не прежний чин и спрячется за его спину не удается», — ровным голосом закончил Егор. — Знаю. Слышал уже много раз.

— Но не сделал выводов!

— Сделал... Вывод, что в школе не важно, какой сам человек, а важно, кто его папа...

— Какой человек ты сам, мы обсудим на педсовете,— сообщила Тамара Павловна. — И тогда ты сделаешь выводы, какие нужно... Господи, скоро ли наконец реформа? Может, хоть тогда призовут вас к порядку...

Она ушла, не столько возмущенная, сколько угнетенная хамством и неблагодарностью нынешних лоботрясов, которым отдаешь столько сил, а они...

— Ну что ты с ней связался? — упрекнула Светка.

— Неконтролируемые эмоции,— объяснил Егор.

— Не сорвали бы только газеты,— серьезно сказал Громов.

— Мы на переменах будем охранять,— пообещал Ваня. — Пусть только ползут! Хоть из какого класса!

— Да я не про перемены. И не про тех, кто «из класса»,— вздохнул Юрик.— Ну, поглядим... Ваня, а что Венька пишет?

— Ну, он пишет...— Ваня заулыбался.— К Первому мая придет, наверно...

— Ты соскучился?

— Ага,— сказал Ваня. И почему-то взял за рукав Егора.

Нет, Егор не хотел делать глупостей. Он понимал, чего может стоить неосторожный шаг. В тот вечер, когда он делал перепись, Ревский сказал:

— Все о Димке думаю. И о причинах... Страшная штука — необратимые последствия. Из-за того, что на несколько суток задержалось письмо — такая беда. Один глупый поступок этого мерзавца-воспитателя — и вот...

— Не глупый, а подлый,— возразил Егор.— И не один. Тут много причин...

Однако мысль о необратимых последствиях зашла в голову.

...Прежде всего надо убедиться, что эпилог у Курганова и у Наклонова — один и тот же. Как? Напроситься в гости к Олегу Валентиновичу, сказать: «Можно почитать вашу повесть?» Нет... Вроде бы ничего особенного в таком плане не было, обычная разведывательная работа. На войне как на войне. Но что-то удерживало Егора. Был он уверен, что Ревский не одобрит его. И Гай тоже. Ну ладно, с ними можно и поспорить. Но... не одобрил бы, наверно, и Толик. И еще: когда Егор представлял, как приходит к Наклонову, как берет рукопись, он словно наталкивается на вопросительный взгляд Дениса...

Нет, надо, чтобы Наклонов прочитал эпилог сам! Вслух!

Может, на занятиях студии намекнуть Наклонову: интересно, мол, чем кончаются ваши «Паруса Надежды»? Но сам Егор это делать не должен, будет подозрительно... Эх, до чего же скверно, когда ты один! Не к кому ткнуться за помощью. Ванюшка еще мал. Не Бутакову же посвящать в эти дела...

А может... Юрку?

В самом деле, Громов никогда не смотрел на Егора Петрова косо. А последнее время даже как-то... ну, в общем оказывался рядом чаще других. Скорее всего случайно это, но... все же Громов лучше, чем кто-то другой.

С автомата Егор звякнул Бутаковой, узнал номер Юрки, позвонил ему.

— Громов?.. Это Петров. Слушай, Юрка, можно сейчас с тобой встретиться? Нет, не просто так, важное дело... К тебе? Ладно, иду. Давай адрес...

У Юрки они не засиделись. В тесной квартирке радостно вопили, носились и дрались брат и сестра Громова двух и трех лет. Егор предложил пройтись.

Они ходили по оттаявшим улицам, и Егор обстоятельно рассказывал о повести Курганова и обо всем, что вокруг нее. Юрка, обычно веселый и насмешливо разговорчивый, слушал внимательно. Только один раз, в середине истории, он Егора перебил. Тихо и прямо спросил:

— А почему ты это рассказываешь мне?

И так же прямо Егор ответил:

— Мне больше некому, Юрик.

— Тогда ладно,— сказал маленький Громов.

— Поможешь? — спросил Егор, когда кончил рассказ.

— Да.

— Понимаешь, это не игра, не приключение. Это...

— Я понимаю.

Они пошли к Егору, и Юрка прослушал запись. Предложил:

— Надо бы сделать текст на бумаге. Надежнее будет.

— Я сделал...

Два вечера Егор сидел с наушниками, переписывал рассказ Толика в общую тетрадку. Послушает фразу, остановит пленку, запишет и опять... Получилось тридцать страниц.

— Вот...— он протянул тетрадку. Юрка полистал.

— Это хорошо... Но лучше бы на машинке. На той самой...

Егор подумал, что и правда лучше. Была бы в этом какая-то справедливость: словно сгоревший эпилог возродился из пепла!

И кроме того, можно сделать две-три копии...

— Юрка, а кто перепечатает? Я в этом деле ни бум-бум...

— Я вообще-то могу. Мама у меня машинистка, я маленько учился... Конечно, на старой машинке многое устроено по-другому, но можно приноровиться.

Оттого, что у Громова мать машинистка — так же, как была у Толика,— Юрка стал Егору еще симпатичнее.

Они пошли к Ване и попросили машинку на несколько дней, объяснили, зачем. Притащили «Ундервуд» к Егору. Егор диктовал, Юрка стучал по клавишам. Сперва медленно, потом приспособился. Отремонтированная машинка дребезжала, лягала, но работала.

Печатали до темноты. Заходила Алина Михаевна, интересовалась, чем это мальчики заняты. Егор сообщил, что мальчики готовят реферат по истории.

— Хорошо, хорошо. Только стучите потише, отцу нездоровится. Шум его утомляет.

Но отец громко сказал из своей комнаты, что никто его не утомляет, пусть люди работают. И машинка застучала снова. Стальные буквы «Ундервуда» опять выдавливали на бумаге рассказ о судьбе капитан-лейтенанта Алабышева.

Печатали и на следующий день. Дело все-таки шло не очень споро. К тому же было первое апреля, кончились каникулы, работать пришлось после школы. Однако и в этот день не управились. Заканчивали второго числа, в субботу...

— Веньку бы сюда,— вздыхал Юрка.— Он-то умеет обращаться с этим экспонатом, вон сколько газет на нем отстучал...

— А какая толпа была у газет! — вспомнил Егор.— И вчера, и сегодня!

И еще вспомнил он, как молчаливой цепочкой стояли у стены мальчишки-второклассники. Охрана...

...А в понедельник газет в коридоре не оказалось. Их перевесили в пионерскую комнату.

— Клавдия Геннадьевна велела,— объяснила вожатая Марина.— Говорит, скоро комиссия из гороно, а тут вместо наглядной агитации какая-то научная фантастика... Да ладно, здесь тоже зрителей хватает...

Но очень скоро сняли газеты и в пионерской. Ваня сказал Егору:

— Я к Марине подошел, говорю: «Тогда давайте

их обратно». А она: «Подожди, мне некогда». Егор, ты скажи, чтобы отдали.

— Обязательно! Ты не бойся, никуда они не денутся...

Но поговорить с Мариной Егор не сумел. В этот день не нашел ее, а назавтра стало не до того: на четыре часа назначено было занятие литературной студии.

Олег Валентинович пришел бодрый, улыбчивый. Хлопнул на подоконник тяжелый портфель. Поинтересовался, как весна влияет на юные таланты. Есть ли вдохновение? Созданы ли за время каникул произведения, которые обогатят мировую литературу? Или хотя бы такие, о которых можно поговорить здесь, в студии?.. Что? Не созданы? Весеннее настроение более способствовало прогулкам и прочим приятным занятиям? Ай-яй-яй, товарищи! Отдых — дело прекрасное, но творчество не терпит праздности. Впрочем, ладно, дело молодое... Но может быть, хоть кто-то порадуется аудитории свежими строками? А?

Вот он, Олег Валентинович, видит среди старых знакомых новое лицо. Наверно, этот молодой человек тоже решил приобщиться к нелегким литературным трудам? Не хочет ли он взять слово?

Юрка Громов, который сидел в стороне от Егора (нарочно далеко в стороне!), встал и скромно сказал, что он тут случайно. То есть не совсем случайно, только сам он ничего не сочиняет, таланта нету, а есть у него вопрос. К Олегу Валентиновичу Наклонову. Осенью и зимой на встречах с ребятами Олег Валентинович рассказывал про свою повесть «Паруса «Надежды». И отрывки читал. И вот ему, Громову, интересно, чем эта повесть закончилась. Он, Громов, тоже любит книги про плавание, поэтому все вспоминает и вспоминает «Паруса «Надежды». Может, Олег Валентинович прочитает конец повести, когда будет общее заседание литературного клуба?

Видимо, Олегу Валентиновичу слова восьмиклассника Громова пришлись по душе.

— Вообще-то... по правде говоря, я мог бы даже и сейчас. Рукопись у меня с собой, я как раз взял ее у машинистки после окончательной перепечатки... Не сочтите, что напрашиваюсь, но все равно, кажется, заниматься больше нечем. А?.. С другой стороны, мнение юных талантов мне весьма интересно. И если нет возражений...

Прогулявшие все каникулы «таланты» радостно загалдели, что возражений нет.

— Только потом не отмалчиваться! У кого какие замечания — выкладывать честно... Я вам прочту эпилог повести. Он, по сути дела, представляет собой почти отдельный рассказ.

Народ завозился, устраиваясь на диванах поудобнее. Лишь Егор сидел замерев. Он не ждал такого поворота! Думал, сегодня Юрка только забросит удочку. Но судьбе, видимо, надоело томить Егора ожиданием, и она открыла шлюзы. События хлынули...

Наклонов достал из портфеля папку, из папки — листы. Близко поднес к очкам и слегка отодвинул. Обвел взглядом два десятка внимательных студийцев. Кивнул и сказал:

— Конiec тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года в Крыму был необычным...

Егор помнил эпилог почти слово в слово. Но все же он бесшумно достал из сумки и положил на колени копию текста. («Ты не ожидал, Егор, таких событий, но эпилог все-таки взял, а? И даже «Плэйер». И даже малютки-динамики... Значит, все-таки что-то предчувствовал?»).

Наклонов не видел бумаг на коленях Егора. Тот расположился во втором ряду, за спинами. Но читал Наклонов словно с тех страниц, которые были перед Егором. В первые две минуты не совпало лишь несколько слов.

Егор поймал на себе быстрый и непонятно смущенный взгляд Громова. Опустил ресницы: вот так, мол, Юрик, сам видишь... Он сидел совершенно спокойно внешне. Но только внешне. Смесь горького торжества и обиды подымалась в Егоре, и голос Наклонова доносился уже словно сквозь ровный шум. Шум, похожий на гудение ветра в полотне и тресах надвигающегося парусника...

Егор обещал Ревскому не делать глупостей. Он знал об опасности необдуманных шагов. Но все сместилось теперь, и не было времени для расчета. Именно в такие моменты человек отбрасывает щит и сжимает в ладонях два меча. Свой и... чей?

Толика?

Гая?

Курганова?

Неважно. Главное, что два... Егор вдруг заметил, что у него сжаты кулаки.

— «...Они докурили и распрощались, подавши друг другу руки, причем Лесли ухитрился на утоптанном снегу щелкнуть каблуками,— прочитал Наклонов и слегка закашлялся. Закончил с натугой:— Далее каждый пошел своей дорогой»... Извините, друзья, что-то в горле першит. Видно, связки перетрудил...

И тогда Егор встал. И сказал негромко, но ясно:

— А давайте, сейчас почитаю я.

Он как-то сразу успокоился. То есть обида, волнение, страх даже — они остались, но теперь словно были отделены от Егора. А он, прямой, невозмутимый, смотрел на удивленного Наклонова.

— Вы?.. Ну, извольте. А я передохну.— Наклонов протянул руку с листами, ожидая, что Егор пойдет к столу. Егор сказал:

— Я отсюда... Не надо ваших бумаг, я так.

И ощутив неожиданный озноб, слегка сбиваясь, но громко он прочитал в недоуменной, даже боязливой тишине:

— «Вскоре лейтенант Лесли отправил с очередной почтой письмо старшей сестре Надежде и в письме этом описывал прошедший день. В том числе визит на третий бастион, пленного сержанта, снежную погоду и ребячью игру в Корабельной слободе. Лишь о встрече с Алабышевым не упомянул, потому что не видел в ней примечательного»...— Егор поднял от страницы глаза, глянул в блестящие очки Наклонова.— Все правильно? Совпадает?

Серые глаза метнулись за стеклами, остановились и вонзились в глаза Егора. Зрачки в зрачки. И они сразу поняли друг друга — восьмиклассник Егор Петров (Егор Нечаев!) и писатель Олег Валентинович Наклонов. Между ними уже не было секретов. И ясно стало Егору, что сейчас у писателя Наклонова одна отчаянная цель: как-то выиграть время и «сохранить лицо». Так получивший смертельную пробоину корабль стремится к одному: выйти из-под

огня и где-нибудь в тихой заводи выкинуться на берег, по возможности не спуская флага.

Но чтобы дойти до тихого места, надо сперва отстреливаться из уцелевших орудий.

Наклонов неприятно сказал:

— Как это понимать? Откуда у вас эта рукопись? — Он увидел в руке Егора листы.

— Издалека, — сказал Егор.

— А не с моего стола? Я не думал, что вы так воспользуетесь моим гостеприимством!

Да, это был коварный удар! Но растерянность Егора длилась не больше двух секунд.

— Вы хотите сказать, что я украл вашу рукопись? Я могу вернуть, пожалуйста. У меня есть копии. И к тому же... — Егора осенило! — к тому же напечатаны они на той самой машинке, на которой та... повесть Курганова «Острова в океане». И которую вы так старательно переписали и приклеили новое название...

Рука Наклонова метнулась к очкам, чтобы сорвать их и начать протирать. Пальцы Наклонова прошлись по лацкану пиджака с редакционным значком местной газеты. Олег Валентинович сказал при общем тяжелом молчании:

— Что это?.. Петров?.. Зачем?.. Вы представляете, в чем обвиняете меня?

— В том же, в чем вы обвиняли меня. Дописать стихи отца — это литературное воровство, да? А списать чужую повесть?

Наклонов шагнул к окну, схватил портфель и стал заталкивать в него рукопись. Эти несколько секунд его, видимо, немного успокоили. Он глянул через плечо, сказал небрежно:

— Я вас даже не осуждаю. Вы решили таким образом расквитаться со мной за отца, с которым у меня в детстве были мальчишеские стычки... Но есть же какие-то пределы...

— Оставим отца, — сказал Егор. К нему пришли хладнокровие и ясность. И теперь сразу находились нужные слова. — Отец расквитался с вами сам, на Черной речке... Но Арсений Викторович Курганов расквитаться не может, он умер в сорок восьмом году. Вы на это и надеялись, да?

— Какая чушь!

— Чушь? Тогда продолжим чтение! И сравним!

— Сравним с чем? С копией моей рукописи, которую вы как-то раздобыли?

— Егор! — взлетел голосок Юрки Громова. — А кассета!

Головы разом повернулись к Юрке, потом все взгляды опять обратились на Егора и Наклонова.

Егор ощутил, как сердце нехорошо вышло из ритма, притихло, потом толкнулось где-то у горла. Он переглотнул.

— Да... Вам не хочется, чтобы я читал. Тогда пусть почитает он...

— Кто? — испуганно спросил чей-то голос.

— Инженер Анатолий Нечаев. Друг детства Олега Валентиновича Наклонова! — Егор из сумки рывком достал «Плэйер», воткнул штекеры, один динамик бросил на колени сидевшему рядом семикласснику Пучкину, другой поднял к груди.

Голос Толика был негромкий, но в общем безмолвии звучал отчетливо:

— Конец тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года...

Перекрывая этот голос, Егор сказал:

— Шестьдесят седьмой год, палуба парусника «Крузенштерн»! Нечаев читает эпилог повести Курганова «Острова в океане»!..

Наклонов рванул с подоконника портфель. Подхватил и крепко посадил очки. Крикнул с яростью, с какой-то мальчишеской обидой:

— Вот оно что! Спектакль затеяли!.. Я-то думал... А вы! Я больше не руководитель студии! — И широкими шагами, почти скачками кинулся за дверь.

И было полминуты тишины, в которой из крымского вечера шестьдесят седьмого года доносился рассказ о суровой зиме на сева­стопольских бастионах... А потом началось: шум, толпа вокруг, возмущенные крики, вопросы.

Что-то гневно верещала Бугакова.

Кто-то тряс Егора за плечо.

Кто-то требовал все объяснить по порядку, а какая-то девчонка слезливо долдонила: «Гнать из студии, вот и все. Гнать из студии, вот и все...»

Юрка Громов звонко кричал:

— Да подождите! Вы же ничего не знаете!

Потом снова стало тихо. Студийцы, окружившие восьмиклассника Петрова, медленно расступились.

— Пусть мне объяснят, что здесь произошло. Ии немедленно!

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Коммунист, репортер, писатель *

Александр ЯКОВЛЕВ

Исполнилось 75 лет со дня рождения писателя и журналиста, одного из старейших членов Коммунистической партии Великобритании Алана Виннингтона. С начала 60-х годов он более двух десятилетий постоянно жил в столице ГДР.

В сентябре 1983 года, будучи в Берлине, я намеревался попросить его, признанного мастера остросюжетного жанра, ответить на вопросы о принципах построения детектива и о его задачах. Он находится в больнице, сказали мне, подождите месяц-другой.

В ноябре я вновь спросил о Виннингтоне у редактора его книг в издательстве «Новый Берлин».

— В реанимации, в тяжелом состоянии, — был ответ. 26 ноября 1983 года Виннингтона не стало.

«В 1949 году он был одним из первых, кто вместе с национально-освободительной армией Китая въехал на джипе в Пекин, — говорилось в некрологе, опубликованном в «Нойес Дойчланд». — Во время американской агрессии в Корею его можно было встретить на передовой, где он, единственный из западных корреспондентов, интервьюировал захваченных в плен американских солдат и офицеров».

26 июня 1950 года началась война в Корею. Несколько дней спустя газета английских коммунистов «Дейли уоркер» сообщила читателям, что ее сотрудник Виннингтон направляется в Северную Корею. Он, единственный представитель журналистов Запада, находился в Северной Корее все 37 месяцев этой войны. Нередко он оказывался для Запада «неудобным» очевидцем, ибо всегда писал правду; многие газеты и журналы всего мира в погоне за сенсацией перепечатывали его репортажи. Миллионы людей начинали понимать, что это означает, когда на такую маленькую страну упало больше бомб, чем, скажем, на всю Германию за всю вторую мировую войну.

В одном из своих репортажей журналист приводит эпизод «борьбы» военных самолетов США с мирным населением, свидетелем которого он оказался.

«Женщина была в белом. Длинная, высоко подтянутая в талии юбка развевалась сзади. Волосы на голове были собраны в большой пучок. На спине она несла ребенка.

Мы окликнули ее, но она не обернулась. Она, казалось, не слышала шума приближающегося самолета. Может быть, заплакала ее ребенок. Или она пела ему песню.

Самолет налетел. Когда она побежала, мы услышали очереди крупнокалиберных пулеметов. Я укрылся в кустарнике и молил бога, чтобы пули и напалм не достигли цели...

Мы побежали вдоль дороги туда, где она упала. Молодая, очень стройная женщина и ее ребенок были насквозь прострелены 12,7-миллиметровым снарядом. Мы перенесли ее в тень дерева. Сняли ребенка со спины и положили рядом с ней...»

Виннингтон описывает также последовавший за этим налетом взрыв самолета, который слишком низко опустился в погоне за женщиной и, задев высокое дерево, врезался в землю. Вместе со стариком-корейцем репортер подобрал документы и письма погибшего летчика. Один из документов, составленный на английском, корейском и китайском языках, давал право свободного прохода через линии

фронта и обещал богатое вознаграждение каждому, кто окажет его владельцу по имени Чак Даффи любое содействие.

«Не печалься, — цитирует Виннингтон одно из найденных у летчика писем от жены, — все говорят, что самое позднее летом ты снова будешь с нами. Береги себя и не рискуй... Думай о детях и обо мне...»

В том же письме, рассказывает далее автор, лежал отдельный листочек с тремя нарисованными чернилами кружочками. В кружочке побольше — отпечаток губной помады и сообщение «здесь я поцеловала», в кружочках поменьше — «поцелуй» детей.

«За несколько мгновений Чак сотворил вдовца и вдову, — заканчивает Виннингтон свой далеко не веселый репортаж. — Это было поздним летом, но он был в то время очень далеко от своей семьи».

Виннингтон не принимал непосредственного участия в военных действиях. Но его оружие — авторучка и пишущая машинка — воздействовали на людей доброй воли во всем мире. Правда о корейской войне, которую распространял Виннингтон, оказалась одним из факторов, заставивших американскую военщину признать всю бесперспективность затаенной агрессии и пойти на переговоры, а затем, 27 июля 1953 года, — и на заключение Пханмунджомского соглашения о перемирии в Корею.

Виннингтон долгие годы жил в Юго-Восточной Азии, освещая в печати народно-освободительную войну против иноземных агрессоров в Лаосе, Камбодже, Вьетнаме и других странах. Его выступления вызывали все большее недовольство «деловых людей» Америки. В октябре 1953 года американский журнал «Ю. С. Нью энд уорлд рипорт» сообщил, что при обнаружении Виннингтона власти Южной Кореи уполномочены немедленно арестовать его. А вскоре правительство Великобритании, подданником которой он являлся, аннулировало паспорт Виннингтона, выдвинуло против него обвинение в государственной измене и пригрозило в случае возвращения в страну судебным процессом. Лишь четырнадцать лет спустя, в октябре 1968 года, официальный Лондон снял с Виннингтона это смехотворное обвинение и возвратил ему паспорт.

«Еще лучше, чем журналиста и борца за прогресс социализма на многих фронтах, знают в ГДР писателя Алана Виннингтона, — продолжает «Нойес Дойчланд». — Знают и любят его детективные повести, приключенческие романы и книги для детей».

Десятки тысяч немецких подростков с наслаждением читают повести Виннингтона о «Серебряном копыте» — полуфантастическом бронзовом коне-роботе, который «мог ходить и бегать, видеть в темноте и даже говорить...» Только за последние несколько лет в издательстве «Новый Берлин» вышел сборник рассказов «Алиби рыбакова», небольшая повесть «Рибли и сын», два прекрасных романа (один из них под названием «Миллионы Ферфакса» был опубликован в «Огоньке»), все — остросюжетного характера. В них вскрывается не только данное конкретное преступление, но также вся продажность «свободного» мира, в котором никто и ничто не может остановить преступника, почуявшего поживу, в его погоне за чистоганом. Наконец, вышедшая недавно третьим изданием приключенческая повесть «Дуэль в Чунцине» показывает происки тайной службы и разведки Чан Кайши и подкуп ею американских офицеров в период второй мировой войны.

Этот рассказ публиковался в разное время в журнале «Дас магазин» (ГДР) и в книжке «Алиби рыбакова».

* «Вестник международной информации», АПН, 1985.

Алан ВИННИНГТОН

Рис. Николая Мооса

ДИЛЕТАНТ

Обритый наголо лама в красном облачении внимательно вглядывался в обозначившиеся на горизонте берега Англии. Он, по-видимому, не замечал внимания, с которым пассажиры парома Кале-Дувр наблюдали за ним. Впрочем, большинство пассажиров были англичане; они старались не демонстрировать своего любопытства.

С левого запястья ламы свисали хорошо отполированные деревянные четки; правая рука была оголена до самого плеча. Он крутил молитвенную шкатулку, подобных которой большинство его спутников никогда не видели в глаза. Эта шкатулка размерами с банку сгущенного молока представляла собой медный сосуд ручной работы, который вращался вокруг собственной оси с помощью небольшой рукоятки; едва заметными движениями правой руки лама поддерживал вращение, равномерность которого обеспечивал небольшой маховичок на короткой цепочке. Лама монотонно бормотал свои молитвы, обращенные к индийскому божеству Мани или Ману, но даже самый изощренный слух мог уловить в них лишь бесконечное «ом, Мани».

По поверхности шкатулки пробегали санскритские слова «Ом Мани падме хум» — «О, ты, сокровище лотоса»; подобные выражения содержит и «Отче наш». Это, очевидно, и были слова, которые непрерывно бормотал лама.

Во вращающейся шкатулке находилась полоска тончайшей рисовой бумаги, на которой была записана эта молитва. При каждом обороте шкатулки к божествам небесным должны были возноситься просьбы помиловать страждущее человечество...

Левая рука ламы покоилась на конусообразном свертке длиной около метра, обернутом в выцветшую, некогда кораллово-бирюзово-желтую чесучу. Для удобства путешественника сверток был прикручен толстым шелковым шнуром к небольшой двухколесной тележке.

Приближаясь к пункту паспортного контроля, лама тянул свой примечательный багаж на колесиках. Ему вежливо предложили пройти вне очереди. Лама достал из складок одеяния бархатный мешочек и вынул документы. Его встретил холодный высокомерный взгляд, которым британские чиновники привыкли выражать свое превосходство над представителями «низших» рас и низших слоев общества.

В документах с визой британского посольства в Париже он значился как Живущий Будда Джунгза. Живущее божество! Поведение чиновника мгновенно изменилось: он проявил неподдельный интерес к путешественнику, который, по поверьям, однажды умер, перешел из земного существования в нирвану* и, как «из-

бранный», заново родился, чтобы жить в мире страданий и помогать другим находить свой путь в нирвану. Живой Будда — это что-то вроде живого Христа, хотя, вероятно, встречается несколько чаще...

Миновав паспортный контроль, Живой Будда направился со своим пестрым свертком на колесиках в тот проход таможни, над которым значилось «Без пошлин». Однако таможенник остановил его.

— Извините,— вежливо сказал он,— но я обязан спросить, что у вас в свертке.

— Это Авалокитешвара** благодать приносящий. Для отправления службы,— ответил лама по-английски с сильным акцентом.

— Простите, но я должен осмотреть это.

— Святые предметы. Очень святые. Только для посвященных.

— Весьма сожалею, но я обязан проверять, что ввозится в нашу страну.

— Но, мистер... сэр...

В распахнувшуюся дверь стремительно ворвались две овчарки, чуть не таща за собой хозяина, державшего поводки. Тихонько повизгивая, они рванулись к свертку на колесиках, обнюхали его со всех сторон и вдруг возбужденно залаяли. Лама опасливо наблюдал за собаками, но делал вид, что не обращает на них внимания. Таможенник и проводник собак многозначительно переглянулись.

— Они почуяли кое-что,— сказал проводник.— Я еле удерживаю их. На место, Сузи! На место, Понго! — Собаки, тяжело дыша, уселись.— Что мы будем делать, мистер Вильсон?

— Туда.— Таможенник указал взглядом на дверь и повернулся к ламе.— Прошу вас пройти в соседний зал, сэр. Эти собаки специально натасканы, и я могу предположить, что вы хотите провезти контрабанду.

— Контрабанду? Что это?

— Наркотики. Эти собаки натасканы на наркотики.

— Наркотики? — Лама состроил удивленную мину.— Но у меня только Опам для заново рожденных и моя молитвенная шкатулка.

— Однако вы только что называли другое имя?

— Авалокитешвара. Другое имя того же бога. Я заверяю вас...

— Прошу пройти в зал, сэр! И не привлекайте, пожалуйста, излишнего внимания. Мистер Эллиот, останьтесь здесь вместо меня,— обратился он к другому таможеннику.

В соседнем помещении собаки улеглись на

* Нирвана — по догматам буддизма — «высшее» состояние души человека, полное блаженство, достигаемое якобы после избавления от «страданий», т. е. после физической смерти.

** Авалокитешвара, или Опам,— некоторые из многочисленных имен божества в индуистской религии.

пол, положив, как их учили, морду между лапами. Однако глаза внимательно следили за происходящим. При каждом движении ламы они негромко, но угрожающе рычали. Вильсон развернул пеструю чесучу; под ней оказалась деревянная скульптура Опама на троне в стилизованной форме цветка лотоса, ибо лотос служит в Индии символом рождения божества. В руки фигурки было вложено изображение Перуна-громовержца.

Проводник подал команду: «Искать!» Собаки мгновенно вскочили, обнюхали божество на его чесучовом троне и возбужденно залаяли. На самого ламу и на его шкатулку они не обращали внимания.

— Дилетанты,— ухмыльнулся проводник.— Считают себя хитрее всех. На прошлой неделе привезли фигурку лошади якобы из династии Танг, битком набитую кокаином. Потом спрятали гашиш в полом протезе. Теперь вот привезли бога. Дилетанты!

— Теперь мне можно идти? — спросил лама, словно не поняв тирады проводника.

— Пока нет,— ответил Вильсон.— Уберете собак и позовите Виктора с инструментами,— обратился он к проводнику. Затем опять повернулся к ламе.— Если вы нам поможете, это зачтется. Вы, разумеется, не один, здесь участвуют и другие люди. Но это потом. А сейчас скажите: как вскрыть фигуру?

— Вскрыть? Что вы имеете в виду?

— Как вытащить начинку?

— Начинку? Не понимаю...

— Ага, играете в невинность! Начинка — это то, что внутри. Героин, кокаин или что там еще унюхали собаки. Вы сами вскрыете фигурку или нам придется разломать ее?

— Зачем ломать, мистер... сэ... Нет никакой начинки. Только святые предметы.

Проводник вернулся вместе с маленьким человечком, который нес потрепанный чемоданчик. Человечек осмотрел статуэтку, но не смог открыть и достал из чемоданчика инструменты.

— Вы уверены? — еще раз спросил мистер Вильсон у проводника.

— Сузи еще ни разу не ошибалась. Понго, правда, молод, но за Сузи я ручаюсь.— Виктор уже приготовил молоток и зубило.

— Не надо, прошу вас,— проговорил лама. Он умоляюще вывернул ладони, низко поклонился таможеннику и даже высунул язык в знак правдивости.— В пятницу прибудет наш святой патрон.— Он достал газету с крупным заголовком «Далай-лама наносит визит королеве» и вручил Вильсону.— Королева Британии воплощает собой Лхаму, нашу богиню-заступницу. А бог Опам очень святой. Он прибыл из Парижа. Специально для вашей королевы.

Живущий Будда опустил на колени. Затем распростерся перед своей статуей ниц. Но на

мистера Вильсона это не произвело впечатления.

— Приступай! — кивнул он Виктору.

Ломать — не строить. Разрушать Виктор умел мастерски. Сегодня образ ламаистского божества, вчера зеркало в стиле барокко — любой мыслимый тайник. К тому же статуя Опама была весьма древней; через несколько минут от нее остались лишь кучка деревянных обломков, разрисованный гипс и папье-маше. Но наркотиков не было.

— Ни грамма, ни капельки,— доложил Виктор.— Очевидно, собак ввел в заблуждение запах прелого дерева или благовоний, которыми его окуривали.

— Очевидно,— недовольным тоном отозвался мистер Вильсон.

Час спустя пришел следующий паром из Кале. Настроение у мистера Вильсона было препротивное. Весь обеденный перерыв ушел на то, чтобы вместе с ламой заполнить в трех экземплярах формуляры: монах требовал компенсации причиненного ущерба и, кроме того, — оплаты поездки в Париж, где он мог бы приобрести новое изображение своего бога. Вильсон проводил его с тележкой на обратный паром, едва успев прожевать бутерброд, и снова занял свой пост на таможне.

— Только не это! — простонал он вдруг.— Только не новый лама!

От дверей паспортного контроля, весело посмеиваясь, шагал еще один лама — толстяк в пурпурных одеждах с пухлыми, как у раскормленного ребенка, руками. Одной рукой он вертел такую же молитвенную шкатулку, в другой держал обычный дорожный чемодан. Лама спокойно-доверительно приблизился к мистеру Вильсону, поставил свой чемодан и протянул ему сложенный лист бумаги.

— Взгляните, мистер Эллиот,— сказал Вильсон и отошел на шаг в сторону. Эллиот взял бумагу и прочитал вполголоса: «Всем, кого это касается. Аббат Туден направляется со святыми писаниями в Лондон. Он будет отправлять службы во время предстоящего пребывания его святейшества далай-ламы в Великобритании. Желательно оказывать ему всяческую помощь, так как он не говорит по-английски».

Мистер Эллиот и мистер Вильсон переглянулись.

— Пропустим его,— предложил Эллиот.— Хватит с нас на сегодня одного лама.

Но в этот момент обе собаки в соседнем помещении громко залаяли. Вильсон чуть не застонал. Он знаками велел аббату поставить чемодан на стол и открыть его. Святой отец с видимой охотой сделал это — и снова стал вертеть свою шкатулку.

От пестрой чесучи в чемодане исходил запах гнили. Чесучой оказались обернуты пачки бумаг — святых текстов, напечатанных типографским способом на санскрите. Собаки за дверью продолжали тявкать. Оба таможенника тщательно обследовали каждую пачку.

— Ни грамма, — констатировал мистер Вильсон.

Привели собак. Те проявили интерес лишь к чемодану, но никак не к аббату с его шкатулкой.

— Этот странный запах, волнующий собак, исходит от древних святых предметов, — решил мистер Вильсон. — Другого объяснения я найти не могу.

Равнодушно выслушав формальные извинения таможенников, аббат поклонился им и направился к стоянке такси.

Десяток мужчин не спеша распивали пиво, бутылку за бутылкой, в прокуренном полуподвале дома номер 109А на Сохо плейс. Когда-то здесь был ночной клуб, потом бар со стриптизом, магазин сексуальной литературы, зал показа порнографических фильмов. Теперь он не имел специального назначения, его мог снять любой желающий.

Мужчины в дорогих старомодных костюмах были руководителями подпольного синдиката торговли наркотиками. Они провели длинный напряженный день, доставив из Парижа в Лондон большую партию чистого героина. Товар стоил не менее десяти миллионов фунтов стерлингов; распродавая же его в розницу, можно было выручить в несколько раз больше.

Героин лежал на отдельном столе в том виде, в котором его привезли: в консервных банках, в коробочках из-под медикаментов, в полых игрушках, сигаретных упаковках, металлических портсигарах — короче говоря, во всевозможных предметах, которые берут в дорогу и которые не вызывают подозрений при поверхностном просмотре.

В одном из углов зала лежала куча предметов одежды. Живущий Будда Джунгза, который пришел последним, только что сбросил в эту кучу свое красное облачение. Во второй раз он миновал таможенный досмотр в Дувре без каких-либо задержек: Вильсон и Эллиот постарались как можно скорее отделаться от него. Вторая статуя божества, также не содержащая наркотиков, осталась невредимой и мирно покоилась на прилавке бывшего стриптиз-бара.

Вильсон и Эллиот не узнали бы аббата Тудена без монашеского облачения, без грима и

в коричневом парике, прикрывшем теперь его облысевшую голову. Теперь он преобразился в довольно полного преуспевающего служащего в добротном синем костюме. Аналогичное преобразование претерпел и Живущий Будда, только что облачившийся в хорошо сидящий серый костюм. Это он, Тони Морган, имя которого вызывало благоговение среди уголовников всего Лондона, организовал переброску героина и взял на себя максимальный риск в Дувре. Блестящий организатор, ни разу не попадавший в руки правосудия, он завершил в этот день довольно опасное предприятие и, предвкушая крупный барыш, стал подумывать о том, чтобы стать легальным коммерсантом.

Окончив переодевание, он зажег себе сигару и открыл бутылку пива.

— Будем здоровы! — обратился он ко всем и сделал добрый глоток. — Сейчас двадцать один пятнадцать. День был трудным, но мы справились, каждый в отдельности и все вместе. Как с товаром? Ты все проверил, Барни?

— Все до грамма, Тони.

— Нам повезло. Хотя все же была опасность, что кого-то из нас поймают. Теперь так: каждый знает, что делать дальше, когда и где мы встретимся снова...

— Одно слово перед тем, как мы расстанемся, — сказал вдруг «аббат». — Я не хочу, чтобы Тони краснел, но думаю, что всем нужно знать: такого удачного дела у нас давно уже не было. Оно задумано и осуществлено просто гениально — и за это мы должны быть благодарны Тони. Это он все продумал и организовал, предусмотрел каждую мелочь. Эту религиозную мистерию попросту вычитал в Британском музее. Ом мани падме хум! И какая предусмотрительность: заказать две одинаковые фигуры богов... и все остальное. Но главная хитрость — обмакнуть чесучу в героин, чтобы овчарки и парни в таможене имели работу! В это время другие, как поядочные туристы, спокойно провезли весь товар. А вся идея в целом пришла ему в голову, когда он узнал, что далай-лама должен нанести визит королеве. Феноменально!

— Хватит, хватит, — попытался остановить его Тони. Но видно было, что похвала одного из подручных была ему приятна.

Неожиданно раздался усиленный мегафоном голос:

— Внимание! Говорит полиция! Говорит полиция! Оставайтесь на месте! Вы окружены. При сопротивлении будем стрелять.

Все опешили. Но уже через мгновение бросились к столу и, на ходу заполняя карманы «товаром», ринулись к заднему выходу. Но мегафон готчас загремел и оттуда:

— Говорит полиция! Оставайтесь на месте! В случае выхода из здания — стреляем!

— Вернитесь, — обратился к своим «колле-

гам» Тони. — Бежать бессмысленно. Умереть всегда успеете. Пока мы живы, для каждого есть надежда. Кроме, конечно, собаки, которая нас предала. Мы сдаемся! — крикнул он громче и выложил коробочку с героином из кармана. — Положите товар обратно, — добавил он вполголоса. — Лучше не иметь его в карманах.

— Теперь ты наконец попадешь за решетку, Тони, — сказал инспектор, когда Тони привезли в полицейское управление. — Ты долго обводил нас вокруг пальца, а теперь мы уж позаботимся, чтобы ты имел время подумать о цели своей жизни.

— Удивляюсь я на вас, инспектор, за что вы на меня сердитесь? — отозвался Тони. — Вы лучше скажите: кто это нас заложил?

— Много просишь, Тони, — усмехнулся инспектор. — Если я скажу, человеку придется всю жизнь дрожать за свою жизнь...

— Вы только скажите: это кто-то из моей банды?

— Из твоей, Тони, из твоей. Впрочем, я могу и сказать, это позабавит тебя. — Морган насто-роженно ждал. — Это ты сам, Тони, — продолжал инспектор. — Когда ты вторично подошел в Дувре к таможене, на тебя обратил внимание один милый старый чудак. Он совершенно случайно оказался профессором-ориенталистом из Оксфорда и был весьма удивлен твоими действиями. А как только ты ушел, высказал таможенникам свое недоумение. Этот человек не может быть настоящим ламой, сказал он. И объяснил, что молитва — омини помини или как там — накручена в шкатулке в определенном направлении, что текст читается только в этом направлении, против часовой стрелки. А ты вертел эту штуку по часовой стрелке, так что молитвы пришлось бы читать задом наперед. Так мог поступить только дилетант, а не настоящий лама и, конечно, не Живущий Будда, за которого ты себя выдавал. После этого таможенники позвонили в Скотленд-Ярд, и с этого момента мы за тобой следили.

Перевод А. Яковлева,

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ СОЛДАТСКИХ МЕМОАРОВ

Алексей
ЧЕЧУЛИН

Война продолжает напоминать о себе. Против воли своей вновь и вновь возвращается к солдатскому дневнику Валентин Яковлевич Стенин. Тетрадь в клеточку, обернутая в серую мешковину, заполнялась в окопах, на передовой, в дни отступлений и атак. Фронтовикам вести дневник было запрещено, но это единственное нарушение, которое допустил на войне младший командир Стенин. Раскроем тетрадь.

«1941 год.

25 июня. В 12 ночи нас погружают в эшелон. Я в числе первых мобилизованных. На перроне провожают жена с дочкой, братья, снохи, друзья... Придется ли когда увидаться, не знаю.

7 июля. Прибыли в Невель, выгрузились и расположились в лесу. Здесь очень зримо почувствовал приближение фронта.

8 июля. Впервые попал под настоящую бомбежку. Сколько было слез и жертв среди гражданского населения! А вечером, при зареве пожара, мы покидали Невель, держа путь на Витебск.

...Оружия у нас пока нет. Навстречу везут разбитую технику, идут колонны раненых. К утру получили известие: Витебск нашими войсками сдан.

16 августа. Капитан Рязанцев сформировал механизированный стрелковый полк, в состав которого вошел и я в качестве командира радиоотделения. Полк получил 120 машин, на них и поехали на передовую.

22 августа. Под деревней Катково Смоленской области приняли первый бой. Мне все казалось, что нас окружили. Днем начали наступление, но успеха не имели. За три дня полк потерял 85 процентов личного состава.

16 ноября. Клинковое направление. К двенадцати дня наш батальон оказался окруженным, лишь потемну начали выходить Турсинскими болотами. Шли по груди в воде, к утру оказались на станции Завидово. Ударил мороз, все на нас заледенело.

1942 год.

3 апреля. После рейда по тылам противника (севернее Ржева) к утру прибыли в ЗяблOVO. Будучи комвзвода, расставил посты и прилег отдохнуть в крайней хате. Пристроился у

печки, но ненадолго. Противник силою до полка пехоты, с поддержкой танков, атаковал нас. Когда выскочил в окно, немцы уже были в деревне. Где-то в глубине улицы стреляла наша 45-миллиметровка. Добравшись до нее, нашел один-единственный снаряд. Пришлось отходить на другой конец деревни, где еще держалась горстка бойцов.

31 июля — 5 августа. Оглушающей артподготовкой начинаются бои за Ржевский укрепленный плацдарм фашистов. Вот населенные пункты, за которые шла кровопролитная борьба: Дубровка, Коршуново... Роша Черная, или, как ее называли, роша смерти, буквально усеяна трупами, вся посечена артиллерийским и пулеметным огнем. В развалинах окранны Ржева, куда первым ворвался наш любимый комбат Селиванов. Там он и погиб...

28 октября. Полк на переформировке. Отдыхаем. Здесь я впервые узнал, что на фронте каждый пишет посмертный ордерок. Пришлось и мне его написать. Свернул, положил в медальончик, который схоронил в потайном кармане брюк.

«Ася! Последней моей просьбой к тебе будет просьба беречь дочь. Это для тебя будет лучшее воспоминание обо мне. Воспитай ее в советском духе. Считайте, что я честно погиб за Родину, за Отечество. Целую вас с дочерью в последний раз и погибаю с мыслью о вас...»

31 декабря. Сталинградский фронт. Получил письмо от жены. Написано на газете, видимо, нет бумаги.

1943 год.

28 января. Сегодня меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Вечером дивизионная парткомиссия утвердила решение парторганизации.

23 февраля. Гвардии старшина Стенин становится военным почтальоном — буду курсировать с почтой. Сегодня День Красной Армии, ради праздника дали легкого табаку по 75 гр.

2 апреля. Получил от Аси письмо. Живут плохо, особенно насчет обуви и одежды. Хлеб пекут из картофеля. Дал ответ.

6 апреля. Колхозники уже сеют.

1944 год.

Авторское примечание: «Основные записи, вплоть до января 1945 года, в силу особых обстоя-

тельств на фронте пришлось уничтожить».

1945 год.

1 мая. Слушали по радио парад из Москвы.

2 мая. В 01.10 из Ставки германской армии было передано о смерти Гитлера.

7 мая. Оборона. Немцы активничают.

8 мая. Перешли в наступление. Перевалив горы, вошли в Венскую долину. За день сделали километров 50. Нечаянно ранило Майбороду.

9 мая. В 01.00 прекратились боевые действия. Германия полностью и безоговорочно капитулировала.

10 мая. Преследовали немцев, не желаящих сдаваться.

• 11 мая. То же.

27 мая. Отдыхали. Смыл грязь войны».

Стенину повезло. С войны вернулся целым, детей и внуков поднял, правнуков пестует. А вот Мансур Шамсеев скончался от фронтовых ран в начале пятидесятых, так и не поговорив со своим наследником — Илдус тогда еще ходить не научился. Одного желал на прощанье солдат: чтобы не коснулось сына черное крыло войны.

В память об отце стал Илдус военным летчиком. Первый орден Красной Звезды он получил, вернувшись из Афганистана. И снова подал рапорт: пошлите туда, где горячо...

Командир вертолетного звена капитан Шамсеев писал письма в Асбест.

«Летаю осторожно, за меня не волнуйтесь. Работы, конечно, хватает. Уже потеряли счет дням недели, ведь выходных здесь не бывает».

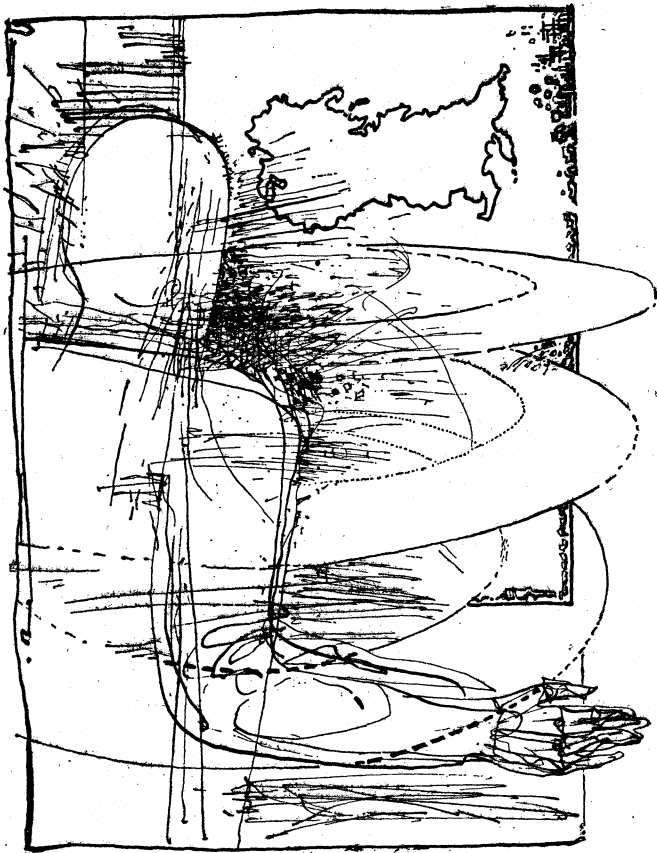
Вертолетчик в горной войне — профессия рискованная. А Илдус, уже не раз побывавший в госпиталях, утешает родных обыденностью своей «работы», внимательно следит, чтобы в письме не проскочил намек на тревожные вылеты.

Но материнское сердце не обманешь. Марфуга Искандеровна понимает, что делает ее первенец в Афганистане, и умоляет беречь себя.

«Конечно, хотелось бы сейчас быть вместе с вами. Но я ни о чем не жалею. Я же летчик. И вы знаете, для меня летать — значит жить... А вместе мы еще будем. Главное — чтобы вы меня ждали. Мама, ты береги себя. Есть у тебя большая внучка, но ведь ты еще не держала на руках внука. А мне очень хочется этого».

...Мальчика назвали Ильдаром — вылитый Илдус. Ему исполнился год, и счастливая Соня пообещала малышу скорый приезд отца. Не сбылось...

Второй орден Красной Звезды, которым летчик-интернационалист награжден посмертно, был вручен его семье.

НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР

Яков ГЕЛЬБЛ

Рис. Владимира Ганзина

Хождение в студенческую поликлинику было недолгим. Первый же врач сказал, что у меня, студента-третьекурсника, сильное нервное истощение, нужно лечение и длительный отдых. Как поступить? Ехать домой и к сестре на шею родителям? В тот трудный 1934 год у них у самих было не густо. Я решил, что самый лучший выход — это сменить род занятий и устроиться на какую-то работу. Обратился в Наробраз и через два дня стал обладателем необычного по нынешним временам направления:

«Направляется к вам студент Харьковского педагогического института иностранных языков на временную работу в качестве учителя русского и немецкого языков. С политической стороны тов. Гельбл нам неизвестен. С коммунистическим приветом (такая-то)».

Я слегка обиделся на заведующую. Могла бы запросить характеристику обо мне, а то с ходу: «с политической стороны неизвестен».

Пригородным поездом я добрался до местного гарнизона. Настроен был решительно.

Шел октябрь, золотая осень. Неподалеку бежала речушка с плешинами небольших пляжиков с теплым еще песком. Мне стало легче: меньше болела голова. Огорчали лишь слушатели: разницей в своем образовании; я-то знал, как трудно в таких случаях работать. Русский язык и ли-

тературу одни знали на «отлично», другие... С немецким было проще: никто ничего не знал.

Прошло немного времени, я освоился и вошел в роль учителя. Мне даже стали поручать политинформации. Это общественное поручение было вовсе не в тягость, тем более что политинформации выходили, на мой взгляд, интересными.

Однажды я должен был проводить беседу на тему «Советский Союз и фашистская Германия». За полчаса до начала наш завуч сообщил, что политинформацию захотела посетить комиссия, состоящая из военных штабистов округа и представителей Наробраз.

Для меня это была первая в жизни комиссия, проверяющая мою работу, — надо ли говорить, как я волновался!

Я дождался двух военных, одного — в штатском, нашего завуча, и начал политинформацию. В печати тех лет подробно расписывали, как фашистская Германия готовится к войне, как вооружена, и только мельком, в общих чертах, заявлялось, что наша страна к отпору готова. В своих рассуждениях я следовал логике газет, полагая, что засекреченность наших военных данных вызвана существованием классовых врагов. Мол, они могут навредить.

Мои слушатели — солдаты первого года службы, у половины — образование от четырех до семи классов. Сообщив им все, что знал о Германии, я думал, в общие рассуждения о нашей армии. Аргументов о ее силе было не много, но я больше упирал на словосочетание «наш народ», а из «фактов» привел такой, как перевод столицы Украины из Харькова (отдаленного от границы) в Киев (близкий к границе):

— Мы так сильны, что не боимся близости границы для столичного города.

Беседа близилась к концу. Я уже облегченно вздыхал, когда вдруг встал паренек ненамного моложе меня и упрямо спросил:

— Я все-таки не понимаю, как же мы победим Германию, если она к нам сунется?

Один вопрос, но меня как водой холодной окатило. Небогатые «аргументы и факты» о нашей мощи, что были опубликованы в газетах, я уже изложил. В голове пусто. Повторяться не имело смысла. Я уже представлял коротенькое заключение комиссии: «Политзанятие не достигло цели». Что делать?! И тут меня осенило.

Я подошел к большой карте Европы и Азии и всей ладонью закрыл Германию. Спросил:

— Видите Германию?

— Нет! — ответили хором мне.

Потом я повернулся спиной к карте и закрыл Советский Союз. Однако слева от меня виднелась Чукотка с Камчаткой, справа — Кольский полуостров.

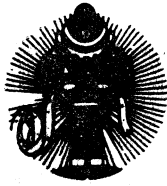
— А Советский Союз — видите? — риторически спросил я.

— Да!

— Наша страна непобедима своим народом, своими неизмеримыми пространствами и своими заводами, такими, как Харьковский тракторный. (О нем тогда говорила вся печать, туда водили экскурсии из гарнизона, он был близок и осязаем и действительно велик по масштабам тех лет.)

Заключение комиссии было хорошим. Отмечалось, что я очень наглядно (?) показал преимущества Советского Союза перед странами загнивающего капитализма. Видимо, хорошее впечатление произвело то, что я сам был глубоко убежден в нашей победе.

Прошло несколько лет. С 1939 года я был уже в армии. Началась Великая Отечественная война. И в первые тяжелые месяцы войны я с мучительной болью вспоминал это политзанятие, думал: «Кто виноват, что мы так смотрели на мир и так заставляли смотреть наших солдат? Может, не было бы тех тяжелых утрат, может, все было бы иначе, если...»

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Петр
ЗЮЗИН

КТО ПРИМЕТ ЭСТАФЕТУ?

В 1962 году экспедиционному отряду средней школы № 5 города Верхняя Пышма Свердловской области горком КПСС поручил пройти по местам боев гражданской войны на территории нашего района, составить их карту, встретиться с участниками и очевидцами событий, записать воспоминания.

Летом и осенью 1918 года серьезная опасность для Советской Республики возникла на востоке, а важнейшим участком восточного фронта был Южный и Средний Урал. Главной ударной силой врагов тут был поднявшийся мятеж чехословацкий корпус, вокруг которого слотились все ненавистники Советской власти. Восставшие белочехи захватили Челябинск и повели наступление на Екатеринбург (ныне Свердловск). Красная Армия только формировалась, поэтому врагам поначалу противостояли лишь разрозненные, плохо вооруженные, необученные красногвардейские отряды. Одним из таких отрядов командовал Федор Иванович Соколов, председатель Юшкинского волостного совета Челябинской области. По нашей просьбе Федор Иванович приехал в Верхнюю Пышму, рассказывал о тех временах.

Красногвардейцы были вынуждены отступать в сторону Екатеринбурга, остановились они лишь в Арамиле. На сохранившейся фотографии 1918 года видно, что красногвардейцы несут красные стяги с отчаянными надписями: «Кто не с нами — тот против нас!»

25 июля 1918 года контрреволюционные силы заняли Екатеринбург. Красноармейцам пришлось в Арамиле перебраться в город Реж, расположенный к северу от поселка Медный Рудник (ныне город Верхняя Пышма). Здесь вскоре сформировалась вторая Среднеуральская дивизия 3-й армии под командованием героя гражданской войны Р. П. Эйдемана. Командиром ее отдельной бригады, состоящей из 1-го рабоче-крестьянского полка, 3-го Екатеринбургского полка и кавалерийского отряда, стал П. И. Жебенев. Эта бригада с боями продвигалась по старому Верхотурскому тракту, пролегающему по территории Верхнепышминского района, на Екатеринбург. В жестоких схватках она громила противника, освобождала населенные пункты района и дошла до Екатеринбурга. Но потом под напором превосходящих сил противника вынуждена была отступить через Медный Рудник, Невьянск, Нижний Тагил, Кушву, Кунгур вплоть до Вятки (ныне Киров) и Удмуртии.

Под моим руководством поисковый отряд прошел по этим местам. Мы беседовали с очевидцами, записали их рассказы, собрали оружие тех времен, документы, фотографии, осмотрели памятники павшим в боях за Советскую власть. Много исторических снимков сделали сами. На основе собранного материала оформили отдел в школьном музее «Гражданская война в нашем крае». Как будто все хорошо, но мне и моим повзрослевшим следопытам, которые тогда вели поиск, тревожно: многое нам не удалось выяснить, были дру-

гие задания — и исследование гражданской войны в нашем крае приходилось откладывать. А узнать есть нужно очень многое. Очевидно, что одной школе и тем более одному поисковому отряду такая работа не под силу. Хватит дел для любознательных ребят не только из Сысерти, Арамиля, Полевского, Свердловска, но и для следопытов Челябинской, Пермской областей, Удмуртии.

Что же конкретно мы не выяснили?

Почти ничего не известно о боевых делах красногвардейских отрядов, отступавших от Челябинска к Екатеринбургу. Даже о Федоре Ивановиче Соколове, который возглавил один из южноуральских отрядов, а потом командовал полком, многое не выяснили: кто у него родители, чем он занимался до революции и после гражданской войны?

В свое время мы записали рассказ о юном герое Василии Ческидове. Он был разведчиком и связным в конногвардейском отряде села Мурзинка, что неподалеку от Алапаевска. Этого шестнадцатилетнего паренька знали в селах Чермыское, Липовка, в рабочем поселке Рези. Он привозил сведения о расположении и движении белых частей и передавал их в штаб Второй Среднеуральской дивизии, который находился в Алапаевске. А вот информации о самом мурзинском отряде у нас мало. Кто организовал этот отряд? Кто был его командиром?

Мало сведений о командире отдельной бригады П. И. Жебеневе.

Не установили мы имени крестьянина деревни Пьянково Невьянского района, который в обход лесами и болотами, проведя отряд красных бойцов в тыл к белым, к деревне Мостовка. Сам он попал в плен и был расстрелян.

В селах Верхнепышминского района жители бережно хранят память о юном герое Василии Борзунове. Памятник этому четырнадцатилетнему мальчику стоит между деревнями Верхотурка и Мостовка. Отступая от Екатеринбурга, бойцы Красной Армии пытались отстоять каждое село. Они отходили медленно, с боями. Верхотурку белые подвергли сильному артиллерийскому обстрелу. Во дворе Борзуновых засели красноармейцы. Вася помогал им: следил за маневрами противника, подавал патроны. Когда под напором белых наши бойцы отступили, от дома Борзуновых все еще продолжали стрелять. Одним из выстрелов был убит вражеский кавалерист. Наконец белогвардейцы ворвались во двор. Нашли двух братьев. Старший лежал, у него были парализованы ноги. Младший, Вася, подавал ему патроны. Белые увели Васю в штаб, в Мостовку. Там его допрашивали, избивая нагайками. Потом вывели в лес и недалеко от дороги зарубили. Вот и все, что мы узнали о нем: а хотелось бы знать больше.

Много героев пало на территории нашего района в боях за Советскую власть. А те, кто уцелел, вернулись сюда еще раз в 1919 году — уже освободителями. Мы были бы рады, если бы поисковые отряды 80-х продолжили нашу работу по изучению истории первых полков Красной Армии на Урале. Если такие отряды уже есть, просим их поделиться своими знаниями с нашим музеем.

Они остановили Колчака

В Каменске-Уральском обнаружено место захоронения бойцов полка «Красные орлы», погибших от рук колчаковцев. Поисковая группа Синарского райкома комсомола установила фамилии двух красноармейцев: Буйносова и Зуева. Поиск продолжается. А для сооружения обелиска на могиле героев был проведен сбор денежных средств.

В музее Кочневской средней школы Свердловской области бережно хранится фотография Фаны Михайловны Могуновой, погибшей в неравной схватке с кол-

чаковцами под Нижним Тагилем. Кочневские следопыты собрали свидетельства очевидцев гибели отряда, в котором сражалась Фаня и ее товарищи. В Камышловском районе много братских могил, в них похоронены те, кто пал от рук колчаковцев. Ни одна могила не должна остаться безымянной, считают ребята.

Известный челябинский революционер Владимир Иванович Могильников был зверски убит 3 июня 1918 года, в дни разгрома белогвардейской контрреволюции и белочехского мятежа. Его земляки из Бродокалмака свято чтут память героя. По инициативе супругов Д. С. и Л. А. Свиных, педагогов-ветеранов, в Бродокалмаке создан школьный краеведческий музей. С юными следопытами часто встречается вдова двоюродного брата революционера. Она показала ребятам дом, где жил будущий герой. В этом доме никто не живет, он ветшает, и следопыты добиваются, чтобы школьный музей перевели именно сюда.

Хранить вечно!

Пополняется наш «Золотой фонд», в котором хранятся воспоминания и свидетельства о различных моментах истории нашей страны. Знакомим читателя с новыми поступлениями:

Т. П. Северов — воспоминания о том, как 206-й гвардейский легионартиллерийский полк форсировал Днепр и принял участие в боях на Киевском направлении. Девять человек из этого полка были удостоены звания Героя Советского Союза. Северов рассказывает о них, в том числе об уроженцах Оренбургской области И. Ишанове и Пономареве.

Воспоминания Т. П. Северова прислал в редакцию директор Каменской восьмилетней школы Оренбургской области П. Л. Дреев. Красные следопыты из этой школы ведут поиск материалов о своем земляке Истае Ишанове и имеют большой поисковый материал по 206-му гвардейскому легкому артполку.

Ф. Т. Дергач, ветеран комсомольского движения Пригородного района Свердловской области, вспоминает о том, как 23 августа 1919 года была создана комсомольская ячейка в поселке Лая близ Нижнего Тагила, о первых делах комсомольцев.

Я. Г. Чернышев из Свердловска — воспоминания о своем отце Григории Трофимовиче, который организовал в Камышевской слободе Свердловской области «товарищество по совместной обработке земли». Это артельное хозяйство под названием «Новая жизнь» сумело так организовать свою работу, что прославилось на всю область обильными урожаями зерна и овощей, высокой продуктивностью скота. О стенгазете «Наши всходы», которую издавали коммуары. Теплыми словами помануты коммунарские семьи Хромовых, Кочневых, Бочкаревых, Оносовых.

ПАСЬНЮК РОССИИ

Владимир БОРЕЙКО

Ф. Ф. Шиллингер.

Полувековой юбилей Всероссийского общества охраны природы совпал со столетием инициатора организации общества — Франца Францевича Шиллингера, чье имя долгое время было забыто.

Этот высокий плечистый человек с роскошной шевелюрой и мужественными чертами лица, словно сошедший со старинной гравюры времен крестьянских войн в Германии, страдал от жажды работы. В нем кипела неумная работоспособность. А еще он слыл фантазером. Проекты и предложения сыпались потоком. Он хотел создать в Москве уникальное научно-просветительское учреждение — Центральный сад природоведения, народоведения, культуры и отдыха. Посетители увидели бы все геологические эпохи Земли, ландшафты и постройки различных стран, давно вымерших и современных животных. Идея не была осуществлена.

Он мечтал превратить Крым во всесоюзную здравницу, сохранив великолепную природу полуострова. Подтвердил свой проект расчетами и пространными объяснениями. Идея реализована лишь наполовину.

Прожить в городе два месяца

подряд он был не в силах, и если друзья не встречали Франца несколько дней, они знали — подался в Среднюю Азию. Или в Сибирь. Или на Саяны. Благодаря его трудам были открыты заповедники: Печоро-Ильчский, Алтайский, Наурзумский, Кызыл-Агачский, Алма-Атинский, Боровое, Кондо-Сосьвинский. Выходили книги: «Европейский олень, лань и козуля в охотничьем хозяйстве», «Арало-тургайский пролив — величайший проточный путь водоплавающей и болотной дичи».

В 1932 году «Известия» писали: «Видный деятель по охране природных богатств и памятников природы Ф. Ф. Шиллингер обратился в Госплан РСФСР с докладной запиской, в которой сигнализирует об опасности, угрожающей Барабинской степи в Западной Сибири.

...Докладной запиской тов. Шиллингера заинтересовался ряд руководящих работников. В частности, тов. Енукидзе, ознакомившись с запиской, высказался за необходимость ускорить разработку и осуществление нужных мероприятий, с привлечением к этому делу краевых организаций Западной Сибири, под руко-

водством Госплана и Наркомзема РСФСР».

Отчитавшись об очередной поездке, выверив гранки будущей статьи, Шиллингер организовывал новые экспедиции. Переворачивалась груженная лодка, и он тонул в бурной реке Туруханского края; не выдерживала крепкая бечева, и он вместе с сыном Феликсом повисал над пропастью в молчаливых Саянах. Вспоминал же об этом Франц Францевич легко, смеясь над собственным невезением.

Однажды, проектируя в Казахстане новый заповедник, Шиллингер исчерпал лимит командировок. «Возвращайтесь, иначе останетесь без суточных», — предупредили из Москвы.

Получив депешу, Шиллингер три дня метался, как раненый зверь, а затем приказал окатить себя колодезной водой и принял решение. В Москву полетели телеграммы. В комитет: «Остаюсь на свои средства». Жене: «Срочно продавай дачу и высылай деньги». Он променял на продукты свои часы, фотоаппарат, бинокль — все, что имел ценное. И продолжил экспедицию.

Известна точная дата рождения

Франца Францевича Шиллингера — 26 сентября 1874 года (правда, неясно, по старому это или новому стилю) и место рождения — селение Вол-Баторская уезда Неполомицы, что в Галиции.

Вместе с отцом-лесничим он с детства работал в лесу, а затем поступил в лесной институт в Агсбахе.

Затем по линии лесного ведомства несколько лет служил в Бессарабской и Подольской губерниях, открыл частную таксидермическую мастерскую. В 1908 году по приглашению департамента земледелия отправился в свою первую сибирскую экспедицию.

В 1929-м Шиллингер — на Печоре. Лето выдалось на редкость дождливым. Днем и ночью висела над уральской тайгой, редкими остяцкими деревнями «морозка» — нудный дождь вперемешку с туманом. Спутники Шиллингера проклинали погоду: кладь промокла, одежда липла, замшелые, поваленные деревья сделались невероятно скользкими. А Шиллингер был бодр и весел.

— Чему печалиться, — подбадривал он товарищей. — Дожди подыали реки — теперь на лодках дойдем до самых истоков. Сыро в тайге — зато не грозят летние пожары. Мошки, комары, москиты сгнули из-за непогоды. Разве не благодать. Когда нам еще так повезет?

Единственно, что всерьез беспокоило руководителя экспедиции — это сохранность фотонегативных пластин. Влага стала забираться и в тщательно запакованный чемодан с аппаратурой.

Экспедиция упорно пробивалась к хребту Торре-Порре-Из, что значило по-остяцки «Гора столбов и развалин».

Вернувшись в Москву, он опубликовал по итогам экспедиции несколько статей, выступил с докладами, подготовил обширные обоснования. Проект создания заповедника поддержали Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, Народный комиссариат земледелия РСФСР, Московское общество испытателей природы. В 1930 году Печоро-Илычский заповедник был утвержден.

В начале тридцатых годов при Всероссийском обществе охраны природы Франц Шиллингер создает специальную комиссию по Крыму. Чтобы привлечь внимание общественности и правительства, снимает фильм «По Большому каньону Крыма». На гонорар продолжает исследования и выпускает книгу «Крымский полуостров, его роль и значение в СССР», серию статей. На Крым обратили внимание. Кстати, тридцать лет спустя по сходной методике действовал другой немец, такой же ярый защитник природы. Снимал на кинолентку африканскую саванну в джунгли, демонстрировал в Европе, а на вырученные деньги создавал националь-

ные парки и издавал книги. Имя Бернгарда Гржимека известно у нас всем. Имя Франца Шиллингера почти никому.

В архиве Академии наук СССР, в личном фонде академика Кулагина, одного из активнейших защитников природы, я наткнулся на пачку больших, в клеточку, листов. Это было письмо Франца Францевича Шиллингера академику Николаю Михайловичу Кулагину. Пробежав первые страницы, я понял, что в мои руки попал уникальный исторический документ. Это была исповедь. Вопль о помощи. Соломинка, за которую хватается утопающий. Вот отрывки из письма.

«Чувство глубокой признательности, любви и доверия к Вам побуждает меня излить перед Вами все те сокровенные чувства горечи и обиды, причиненные мне моим незаслуженным увольнением из Комитета по заповедникам...»

Все мои попытки в течение двух лет выяснить причины моего загадочного увольнения ни к чему не привели, я так и не узнал по сегодняшнему дню, за что меня сняли с работы. Это очень больно, когда создаешь, что ты не виноват, а тебя наказывают. Вот как меня отметили за мою беспредельную преданность делу охраны природы, за мое ревностное отношение к службе в течение 18 лет... Распускаются про меня самые дикие и нелепейшие слухи: будто бы я махровый немец и никто другой как побочный сын бывшего австрийского императора Франца-Иосифа... что я пьяница и аферист, в Алма-Ате всех спавнал и только таким путем добился там в 1934 году утверждения новых границ заповедников: Алма-Атинского, Наурузумского, Аксу-Джабагылысу и Боровое; что все подписи членов правительства Казахстана на необходимых мне постановлениях об указанных заповедниках ложны и подделаны мною лично...»

Шиллингер подробно описывает, как трудно развивалось дело охраны природы и заповедников в первые десятилетия Советской власти, сколько усилий потребовалось от него.

«...С начала 1933 года началась опять атака на охрану природы, заповедники и Комитет. На сей раз борьба была очень серьезной — Совнарком, несмотря на пожелания Всесоюзного съезда охраны природы, постановил все это дело передать Наркомзему РСФСР. Протест т. Бубнова тоже не помог, так как он, как я имел случай убедиться, сам был против и считал все это скорей вредным, чем полезным делом...»

Когда я убедился, что дело окончательно погибает и никто не пытается его спасти, мною было подано в отдел науки ЦК партии особое заявление, и в последний момент я в отчаянии написал письмо т. Сталину. Это было 20-го января 1936 го-

да. Об этом письме никто не знал — я держал его в тайне от самых близких. Оно получилось обширное — 20 стр. большого формата на машинке. Передача была приостановлена. Комитет уцелел, заповедники не были переданы Наркомзему и на их содержание отпущены крупные суммы, при Совнаркоме учреждено Главное управление по лесоохране и лесонасаждению, а при Наркомземе СССР учреждено Главное управление охоты и звероводства.

Я неимоверно счастлив, что хотя бы косвенно причастен к этим учреждениям, и не теряю надежды, что еще буду привлечен к работе в них...»

Тяжела и драматична была семейная жизнь Ф. Ф. Шиллингера. В двадцать втором не стало дочери — девятнадцатилетней Марии. Работала машинисткой в Центроохране. Заболела менингитом, умерла прямо на работе. Через шесть лет Шиллингеры потеряли старшего сына, выпускника Московской горной академии. Младший, Феликс, любимый отец, участник многочисленных его экспедиций, был летчиком. Погиб 25 декабря 1938 года во время ночного полета.

На пороге старости Франц Францевич и его супруга Розалия Иосифовна остались с последней дочкой Аделью.

«Да, сейчас живется мне очень тяжело, — говорится в том же письме, — так как 250 руб. академической пенсии не хватает, а реализовать уже нечего, это я все уже сделал, еще когда служил на нужды экспедиций, на пользу охраны природы и заповедников, делу, которому я посвятил свою жизнь. Устроиться на службу нигде не могу, а переквалифицироваться на что-нибудь, пожалуй, поздно.»

В 1937 году он еще жил. В Центральном госархиве РСФСР, в фондах общества охраны природы сохранился его отчет за этот год, выполненный с немецкой аккуратностью и добросовестностью. Остались рукописи книг: «Охота в СССР», «Заповедники Казахстана», «Труды экспедиции в Западной Сибири», «Организация Государственного промыслового охотхозяйства по Арало-Тургайскому заливу»... Это было последнее, что он успел.

Забрали Франца Францевича, видимо, в тридцать восьмом. А через пять лет его не стало. Еще одна жертва войны, официально не объявленной, но длившейся в четыре раза дольше Великой Отечественной.

У Александра Горюхиного есть замечательная песня. Поется в ней о богом занесенных в наши края французах, немцах, англичанах, служивших чужому отечеству верой и правдой. Они, как те неприметные реки, что все без остатка отдают себя безбрежному и великому океану, имя которому — Россия.

ВОЗВРАЩАЯСЯ К НАПЕЧАТАННОМУ

Во втором номере «Уральского слепопыта» за прошлый год была опубликована статья «Катастрофа планируется на завтра». Естественно, читатели по-разному среагировали на сообщение ученых, авторов статьи. Одни поражены: неужели мы сами, безоглядно и в яростном темпе изымая из недр нефть и газ, готовим на Тюменщине землетрясения? Другие читатели совершенно не хотят поверить в такую мрачную перспективу. Третьи смотрят на происходящее хладнокровно: видимо, насмотрелись на экологические катастрофы разного характера. И только один читатель прислал схему «успокоения» опустошаемых недр, объясняющую, каким образом и куда вводить растворы.

Поистине это у нас было и остается: пока гром не грянет! Трагедия Спатака и Ленинскана обострила опасения жителей... сибирского города Нефтеюганска (об этом рассказала газета «Труд»); оказывается, разрушительное землетрясение возможно из-за интенсивной разработки нефтяных месторождений. Небезосновательность таких страхов подтвердил директор Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института, член-корреспондент АН СССР И. Нестеров. Оказывается, в Нефтеюганске уже были колебания земли до четырех баллов, в стенах некоторых домов появились при этом трещины. А спровоцировала беду... обыкновенная забивка свай.

Публикуя еще один материал о тревожных прогнозах относительно техногенных землетрясений, надеемся, что специалисты и администраторы создадут службу слежения за равновесием в недрах, а общественность возьмет под контроль чрезвычайной важности проблему.

ГОТОВИМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ?

В Тюмени, в октябре 1988 года, в Доме культуры нефтяников состоялось по инициативе Главтюменьнефтегаза первое межотраслевое совещание по проблемам предупреждения на нефтегазовом Севере землетрясений, вызываемых деятельностью человека.

А ЕСЛИ СМЕРЧ?

Что будет, если, например, по Тазовскому полуострову пронесется сейсмический смерч и такие газовые месторождения, как Медвежье, Уренгойское, Ямбургское, дающие около 3/4 природного газа СССР, на какое-то время частично или полностью выйдут из строя? А если такое произойдет в сильные морозы? Это тысячи остановленных котельных, сотни предприятий, работающих с переборами, более 150 млн. пострадавших людей. Не хочется, но надо все такое представить, чтобы снова и снова обратить внимание на один из опаснейших сегодня аспектов непродуманной человеческой деятельности, результатом которой является превращение из-за разработки нефтегазовых месторождений спокойных районов в сейсмоопасные. Об этом беседуют сибирские ученые Р. П. Повилейко и В. П. Царев.

— В самое последнее время, в 1987—1988 гг., в Нефтеюганске, кстати, так же, как и в ряде других нефтегазодобывающих районов, жители стали ощущать множество слабых толчков, вызывающих появление трещин в домах. На всем тюменском нефтегазовом Севере этого никогда не было, ни землетрясений, ничего подобного. Откуда это?

— Нефтеюганск расположен около двух крупных нефтяных месторождений — Усть-Балыкского и Мамон-

товского, разрабатываемых более 20 лет, в геологически спокойном районе. Опасно нарастающие процессы связаны с нарушением равновесий в недрах при отборе нефти и газа из месторождений, а также при закачке воды.

— Уже давно было замечено, что в результате закачки промышленных стоков в пласты горных пород или наоборот — отбора природного газа, жидкости (нефти, питьевых и горячих вод), при создании пустот во время добычи твердых полезных ископаемых и наваливании терриконов пустой породы, наконец, при заполнении водохранилищ происходят слабые горные удары, средние и сильные землетрясения. Каковы же причины этих явлений?

— Происходит изменение напряженного состояния горных пород, накопление потенциальной энергии, которая при разрядке наведенных напряжений превращается в кинетическую сейсмическую энергию, производящую разрушения.

— Согласитесь, что такая постановка не является новой. Известно: еще в 1973—1975 гг. на международных совещаниях специальной рабочей группы ЮНЕСКО в Лондоне (Англия) и Банфе (Канада) рассматривались вопросы сейсмичности, спровоцированной разработкой нефтегазовых месторождений.

— Ну, зачем туда глядеть? Что, нет пророков в своем отечестве? Этой проблеме уделяли внимание Н. И. Николаев, Н. М. Шерстюков, Г. М. Сухарев, М. Н. Смирнова. Затем интерес к ней несколько ослабел. Однако тревожные события последнего времени вызывают необходимость снова вернуться к искусственным землетрясениям. Становится реальной угрозой превращения Западной Сибири в сейсмически активную область, где сосредоточено три чет-

верти нашей нефтегазодобывающей промышленности.

ТРИ КРУПНЕЙШИХ МЕСТОРОЖДЕНИЯ ГАЗА ПОД УГРОЗОЙ

— Горные удары в рудниках и шахтах, землетрясения при заполнении водохранилищ известны и не вызывают сомнений, их принимают во внимание, к ним готовятся. А землетрясения на нефтегазовых месторождениях? Что, о них не знают? Знают тоже, но ведь особых хлопот вплоть до последнего времени они не доставляли. Почему такое пристальное внимание сейчас?

— А сейчас ситуация в корне изменилась. Раньше разрабатывались сравнительно небольшие по объему нефтяные месторождения, падение давления в которых компенсировалось водой. Поэтому упругий запас в небольшом очаге был невелик, соответственно и сила техногенных землетрясений не была значительной. Обычно эти спровоцированные горные удары не превышали 4 балла по 12-балльной шкале. Это как сотрясение от машины, идущей по соседней улице. Но сейчас разрабатываются гигантские газовые месторождения, падение давлений в которых совершенно не компенсируется заводнением, а объем потенциальных очагов составляет сотни и тысячи кубических километров: месторождение Газли — 180 км³, Медвежьего — 210, Уренгойского — 700, Ямбургского — 1000 при дефиците давления и огромных наведенных напряжениях. А ведь три последних месторождения и еще несколько более мелких находятся на небольших расстояниях друг от друга на Тазовском полуострове (север Западной Сибири), их можно считать единым потенци-

ЧЕЛОВЕК ПУТЕШЕСТВУЮЩИЙ

Прочитал я в одной из книжек журнала «Уральский следопыт» статью В. Кузьмина «Турист — это звучит?..» В заметке этой турист современный выглядят неприглядно. Он и мусор в лесу оставляет, и лесные цветы все вырывает, и ягодник уничтожает, и скалы испещряет надписями... В общем создается впечатление, что вред Природе главным образом наносят туристы.

Но так ли это на самом деле? Туристы ли виноваты во всем?

Как толкуют энциклопедии, туризм — это путешествие, форма активного отдыха.

Кого же можно отнести к туристам?

Собралась компания студентов Уральского политехнического института. По железной дороге проехали от Свердловска до Карпинска. А там прошли пешком на Конжаковский камень и обратно. Кто они? Несомненно, туристы. За пребывание свое в путешествии они заплатили из своей студенческой стипендии. И никакого материального вознаграждения за это не получили...

Другой случай. Студенты Уральского государственного университета поехали на полевую практику по сбору фольклорного материала. Путешествовали целый месяц. И получили деньги на проезд и проживание. Кто они? Конечно, они не туристы.

Третий вариант. Собралась группа охотников. На свои трудовые сбережения проехали на общественном транспорте в отдаленный район. Там охотились, передвигались с места на место. И домой привезли добычу немалую — взяли лося по лицензии да по пять тетеревов на каждого. Кто же они? Без всяких слов, они — не туристы. Ибо за время своего путешествия они получили материальное вознаграждение.

В этом плане и охотников, и рыбаков, и грибников, и собирателей ягод нельзя считать туристами. Они хотя и путешествуют, но получают материальную прибыль — кто рыбу, кто грибы, кто ягоды. Все они — путешественники, но не туристы.

Короче говоря, турист сам платит за свое путешествие, а не туристы платят за такое же путешествие. Если не учитывать эту особенность, то можно и шабашников, уезжающих за длинным рублем куда-нибудь, назвать туристами.

И еще один аспект. Туристы путешествуют в свободное от работы или учебы время, то есть во время отпуска, каникул. А если ради путешествия человек уволился с работы и уехал на 10 месяцев? Вероятно, в этом случае не стоит его включать в туристскую братию.

Итак, не всегда турист тот, кто выезжает на природу. Охотники, рыбаки, ягодники и им подобные, или компании подростков с гитарами, выезжающие за город побалдеть, к туристам никакого отношения не имеют.

А далее зададим себе вопрос: кто же больше вредит Природе? Наблюдения однозначно показывают, что на 90 процентов — всякие хулиганы и верхогляды, обычные отдыхающие. Именно их никто не учит общению с Природой. Именно они не знают правил отдыха. Туристов-то этому худо или бедно учат. А эту никак не организованную и ничем не регулируемую массу никто не просвещает. И никто о ней не беспокоится. Лишь подсчитывают убытки, нанесенные ими. А ведь учить-то надо именно

эту толпу. Где учить? Конечно, в школе. Да не один раз, на природоведении, а в течение всего учения в школе.

Туризм — многолик. Наиболее популярны пеший и водный. Более половины официально зарегистрированных туристов увлекаются пешими путешествиями и сплаваются по рекам. А есть еще горный, лыжный, велосипедный, автомобильный, спелеотуризм... Все ли они равноценны с точки зрения воздействия на Природу? Конечно, нет. Труднопоправимый урон могут нанести в пещерах спелеологи. Обломаешь сталактитовую занавесь — потребуются на ее возобновление тысячи лет. Во время путешествия на лыжах не остается следов на поверхности земли. В горах, на каменистых участках туристы практически тоже не оставляют значительных отметин. На лыжне и на каменистой тропе туристская нагрузка может быть почти неограниченной. Другое дело летом, в лесу или на берегу реки. Прошло сто человек — появилась тропа. Одна группа срубила кустик. А после сотой — образовалась поляна.

Приведу такое личное наблюдение. Когда в 1954 году свердловские туристы добрались в район высшей вершины Урала, горы Народной, то в верховьях реки Косью троп еще не было. В долинах рек была нетронутая тайга. Через полтора десятка лет торные тропы появились на обоих берегах реки Косью. А еще через такой же срок на левом берегу реки имелось уже три параллельных тропы. Глубина каждой — по колено. Настоящие шрамы земные. За три десятка лет набили эти тропы туристы.

Что ж — запретить туристам ходить на Приполярный Урал? Такое решение было бы явно ошибочным. Необходимо научиться регулировать нагрузку на легкоранимые участки. Почему набили тропы на Косью? Потому что почти 95 процентов туристских групп, путешествующих в этом районе, проходят по долине реки Косью. Стоит только этот участок проходить по соседним горным хребтам, как проблема перегрузки была бы решена. Но для этого необходимо пропагандировать горные маршруты в этом районе. Широко рассказать о них. Показать их прелесть и красоту. По хребтам, окаймляющим долину реки Косью, можно проложить интересные и разнообразные траверсы, которые могут резко сократить поток туристов, двигающихся по берегам реки. В массиве Колокольня можно проложить более десятка таких траверсов. Да до пяти горных маршрутов могут проходить по Большой Подкове Манараги. Вот и будет решена проблема охраны Природы.

Наши неоднократные обращения в туристские инстанции об утверждении на Приполярном и в других аналогичных районах Урала горных маршрутов не встречают поддержки. А жаль! Горные траверсы — это тот регулятор и защитник Природы, который может ее прекрасно сохранять на легкоранимых участках.

На водных маршрутах дело обстоит попроще. Следует только оборудовать стоянки в наиболее рациональных местах ночлегов.

Кто наносит больший ущерб Природе: туристы или техника? Возьмем для примера уже знакомый нам Приполярный Урал. Туристы за тридцать лет натоптали тропы вдоль рек. А техника более эффективна во влиянии на Природу...

Пришли на притоки реки Кожим горнодобытчики. Поставили гидромониторы, начали добычу. За первый летний сезон Кожим из хрустально прозрачной реки превратился в мутную, глинистую, сточную клоаку. Во второй сезон на традиционные нерестилища не пробралась кумжа. А на третий сезон — почти исчез хариус. Вот и сравните воздействие туриста и техника.

Сила, скорость и размер влияния на Природу техникой и туристом несопоставимы.

Все только что сказанное относится к сравнительно отдаленным районам. Приполярный Урал, Таймыр, Чукотка... Сюда идут в подавляющем большинстве туристы-спортсмены. Для них путешествие — спортивное мероприятие. Их интересуют сложные маршруты. Это и уводит их на горные участки, где они не наносят Природе существенного урона.

Другое дело — пригороды в густонаселенных местах. Здесь в леса, на берега рек выходит армия туристов и просто отдыхающих. Именно здесь-то и возникают различного рода осложнения во взаимоотношениях с Природой. Если вся эта толпа будет ходить по одним и тем же маршрутам, то в этом-то случае и нарушается экологическое равновесие. Пример прекрасный — скалы Чертово Городище в пригороде Свердловска. Туристская нагрузка там была такой большой, землю утоптали десятки тысяч ног настолько, что деревья вокруг скал стали сохнуть и гибнуть. Вот уже несколько лет, как эти скалы взяты под охрану, посещение останцев запрещено.

Необходимо найти какую-то новую организационную форму, позволяющую регулировать рекреационную нагрузку на пригородные районы. Одним из возможных вариантов может быть введение спортивной классификации по малому туризму (так условно назовем его). В основу ее следует заложить систему походов выходного дня, также и праздничных походов, длительностью по 3—4 дня.

Если турист совершит в течение года 15—20 таких путешествий, то он имеет право на присвоение спортивного разряда. В этих наших рассуждениях нам сейчас не важны количественные характеристики. Здесь важен сам принцип по себе. Если турист совершает регулярно кратковременные путешествия, то он должен подчиняться определенным туристским законам, регулирующим этот процесс путешествования, подчиняться некоторой организационной системе. Тогда станет возможным управлять потоком туристов, проходящих по конкретным маршрутам в родном крае. Появятся также новые возможности и для обучения туристов.

Такой малый туризм был бы начальной ступенькой для большого туризма с многодневными путешествиями. В этом случае был бы ликвидирован существующий ныне разрыв между длительными путешествиями, за которые присваиваются спортивные звания, и походами выходного дня.

Как же быть с регулированием туристской нагрузки в пригородных районах? Думается, можно это делать различными методами. Одним из них может быть распределение по низовым туристским клубам из единого туристского центра (городского клуба туристов) лимита на число походов выходного дня на определенные маршруты. Например, туристам с Уралмашзавода на скалы Соколинский камень разрешается за летний сезон сходить не более 20 раз. Аналогичный лимит имеют и все другие секции. Вот вам и регулирование нагрузки на любом маршруте. Здесь не стоит вдаваться в детали и подробности.

Туристов, совершающих многодневные путешествия, примерно в 15—20 раз меньше, чем участников походов выходного дня. И парадокс существующего положения состоит в том, что меньшая по численности часть туристов имеет четкую структуру в виде спортивной классификации, а основная масса туристов не имеет строго продуманной организационной формы, которая бы заинтересовала их в путешествовании по родному краю, могла бы методически и планомерно обучать всю эту огромную армию туристов и одновременно регулировать туристские потоки по разным маршрутам. Введение туризма кратковременных пу-

тешествий в спортивную классификацию со всех точек зрения весьма заманчиво, при этом достаточно, на мой взгляд, иметь всего три спортивных разряда — первый, второй и третий. И может быть, еще один — юношеский. И не нужны звания кандидата и мастера.

Можно предложить и второй метод регулирования туристской нагрузки — целевой. В нем регулятором нагрузки является многообразие в выборе маршрутов путешествий, связанное с выполнением крупномасштабного целевого норматива.

Поясню мысль на уральском примере. Давайте создадим заочный Уральский клуб туристов. Членом его может быть любой турист, который выполнил определенный норматив. В основу норматива положим прохождение какого-либо района Урала вдоль главного водораздела. Например, возьмем Средний Урал, протянувшийся от горы Качканар до широты верховий реки Уфы. Это две широтные границы. А есть еще две границы района, восточная и западная, проходящие по местам выхода на дневную поверхность земли рифейских горных пород, характерных для Уральских гор. Норматив будет выполнен тогда, когда турист проложит сплошную нитку маршрута в этом районе. С севера на юг. Или с юга на север. Пешком, на велосипедах или на лыжах. Важно только, чтобы это были активные способы передвижения, с использованием мускульной энергии человека. Да, все путешествие совершалось бы в соответствии с туристскими правилами. И совсем не обязательно пройти весь Средний Урал за одно путешествие. Пройти можно и за десять походов. Важно, чтоб нитка всех маршрутов была непрерывной. Пройшел весь Средний Урал — стал членом Уральского клуба туристов по этому району.

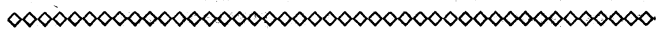
Далее можешь поставить перед собой следующую цель, например, пройти весь Северный Урал. А еще есть Заполярный, Приполярный, Южный Урал. Да к тому же на севере — Пай-Хой, примыкающий к Ледовитому океану, а на крайнем юге — Мугоджары, теряющиеся в прикаспийских пустынях. Всего на Урале 8 географических районов. Кто пройдет вдоль всего Уральского хребта, тот станет своеобразным полным кавалером Уральского клуба туристов.

На этом примере видно, что обширные цели в таком туристском клубе приводят и к широкому разнообразию маршрутов. Именно этот фактор и является своеобразным регулятором нагрузки на определенные участки. У каждого туриста появляется заинтересованность в последовательной смене взаимоувязанных маршрутов. Именно это и распределяет нагрузку на разные участки. Цель — выполнение норматива — вызывает интерес туриста к разным маршрутам. А выбирать их каждый может самостоятельно, по своим интересам.

Отмечу еще, что идея такого Уральского клуба туристов в корне отличается от предложенной журналом «Турист» несколько лет назад Большой Уральской тропы. В последней предлагалось промаркировать вдоль Уральского хребта одну тропу. И на нее направить полностью весь туристский поток. Эта идея, конечно, не выдерживает никакой критики с точки зрения охраны Природы. Огромный поток туристов на одной нитке маршрута несомненно приведет к необратимым последствиям, аналогичным тем, о которых говорилось выше на примере реки Косью. Только это может произойти всего за два-три года.

Рыбаки и охотники имеют структурную организацию, в рамках которой в определенной мере регулируется их влияние на Природу. И только путешественники — сборщики ягод, грибов, орехов и т. п. — не имеют ни руля и ни ветрил. Их никто не организывает, ими никто не руководит и не обучает их. Они — каждый сам по себе. А может быть, и их стоит объединить в какую-то организацию? Пусть она объединит всех любителей отдыхать на Природе. Возможен и такой вариант — собрать таких любителей в существующем обществе охраны природы.

А как думаете вы, дорогие читатели?

Владимир БОРИСОВ

Озеро Смолино — здравница или резервуар?

Сейчас трудно установить, кто первый упомянул о целебных свойствах озера Смолино. Вот что писала в конце прошлого века «Екатеринбургская неделя» в статье «Соленные озера в Челябинском уезде и маршрут для следования к ним»: «...А одно из них, Смолинское, с некоторого времени привлекает к себе много больных, получающих через купание полное излечение или облегчение при разных кожных болезнях (сыпь, золотуха и т. д.). Нам лично известны два случая поправления зрения у очень и очень престарелых купающихся».

«Вестник Оренбургского учебного округа» (1914 г.) в статье «Челябинское морцо» сообщает: «...Вода Смолинского озера принадлежит к группе минеральных вод поваренной соли и близко подходит к Баденским и Киссингемским минеральным водам. Некоторые пьют из озера воду и полощут горло. Опыт и наблюдение показали, что купанье в озере благотворно действует при следующих болезнях: золотухе у детей, брюшном полнокровии, геморрое и запорах, при различного рода невралгиях, мигренях, мышечном и суставном ревматизме, потливости кожи, упорном незаживании язв, общем ожирении, параличах, глазных заболеваниях, женских болезнях».

Автор книги «Из летних скитаний» (1914) Д. Л. Мордовцев пишет, что глинистый грунт озера напоминает целебную смолу, и здесь в будущем возможен сибирский курорт.

Когда наступало лето, поселок Смолино заполнялся приезжающими. Сдавались дома, амбары, навесы и т. д. До сих пор жители поселка помнят рассказы бабушек, как приезжали сюда лечиться из самого Петербурга, ставили скамейки и опускали ноги в грязь, читая книги под зонтиком. Я сам помню, как на озеро приходили страдающие зубной болью, полоскали рот, а уходя, набирали в бутылки озерную воду и несли домой. И еще помню: купальный сезон мы начинали 9 Мая — в День Победы. Не было случая, чтобы кто-то из нас заболел.

Промышленные и бытовые стоки изменяют химический состав воды в озере. Наблюдаются большие различия в солёности поверхностных и придонных слоев: от 500 мг/л у поверхности до 4000 мг/л у дна (данные 1962 г.). А сброс продолжается и по сей день. Посмотрите, что несет в озеро одна только речка Колупаевка или ливневая канализация с улицы Гагарина!

В 1986 году в печати сообщалось о строительстве комплекса по перекачке воды озера. В систему в основном уходят придонные, самые целебные слои воды. Известно, например, что «вредная» соль озера выводила преждевременно из эксплуатации котлы на ЧГРЭСе.

Целебными свойствами обладают не только вода, грязь, но и береговые пески озера Смолино. Они образовались 60—70 млн. лет назад в условиях гумидного кли-

мата. Вот что писал Ю. Либединский в книге «Воспитание души»: «Соленая лужа! — говорили мы пренебрежительно. А между тем эти скучно пустынные солончаковые пески озера заслуживали большего уважения хотя бы потому, что они были целебными. Матери и няньки, забрав больных рахитичных детей, с утра отправлялись к берегу озера и зарывали их до шеи в теплый песок».

Это ли не уникальное озеро?! Водные, грязевые и песочные ванны совсем рядом. Стоит только сесть на троллейбус, и приедешь на курорт.

Но и это еще не все. На западном берегу, около Каменного карьера, были обнаружены радоновые источники, лечашие от простудных заболеваний. И не случайно свыше 2,5 тыс. лет назад здесь уже жили люди.

Напрашивается вопрос: что сегодня выгоднее иметь городу — лечебное озеро или полупромышленный водный массив?

Геологи определили, что озеро Смолино — осколок моря. И сегодня со стороны восточного берега можно разглядеть террасы, говорящие об уровне стояния воды в различные периоды. Строительство Сухомесовского микрорайона города сведет на нет эти оставшиеся геологические приметы истории ландшафта, как развитие садоводства на западном берегу свело на нет Каменный карьер. Сюда учителя водили школьников на открытый урок природы. Дети находили раковины плеченогих моллюсков, обломки стеблей морских лилий, окаменелости морских организмов, которые обитали здесь 300 млн. лет назад. Сегодня этого почти нет. Оставшиеся обнажения карьера садоводы завалили мусором.

Примечательно, что на нашем озере встречаются предгорья Урала и Западно-Сибирская низменность, которая наклонно уходит на восток. Граница проходит по линии тектонического уступа, который был четко выражен в рельефе между озерами Смолино и Синеглазово. Здесь же обнажаются две системы, два периода отложений земной коры. Это третичная система (пески, глина, галечник и т. д.) и четвертичная (земля, на которой возделывают сады). В 1900-х годах озеро опоясывал сосновый бор, смешанный с березой. Сегодня от тех дней осталась единственная береза возле кафе «Парус». Не сберегли рощу.

Пологая прибрежная часть береговой полосы озера, как было сказано, когда-то была дном моря. Оставшиеся карбонатно-солонцовые черноземы давали высокие урожаи зерновых культур. В 1949 году колхоз имени Ворошилова (п. Исаково) был участником ВДНХ, выращивал прекрасную капусту, самые вкусные огурцы и хорошую картошку. Неплохо бы организовать здесь подсобное хозяйство какого-нибудь городского предприятия. Чудесная березовая роща была между поселками Исаково и Смолино. Под видом расширения посевных площадей рощу уничтожили. Началось строительство учебного корпуса, мастерских и общежития, хозяином которых является трест «Уралнефтегазстрой». Это первая ласточка на освоении южной береговой полосы.

Сегодня вокруг озера расположились действующие профилактории, базы отдыха, каждая со своей котельной, и садовые участки.

Я не встречал в Союзе города, которому бы так повезло, как Челябинску. Кажется, природой предусмотрено все, чтобы быть рядом с ним здравнице, но мы относимся к этому с недопониманием, невежеством и потребительским пренебрежением.

Началось с письма в редакцию «Челябинского рабочего» читателя Г. А. Кононова летом 1987 года: могут ли сами горожане чем-то помочь реке Миасс?

Редакция ответила на вопрос призывом: челябинцы, запишуйтесь в отряд «Миасс» по очистке реки.

Первым пришел учитель В. А. Яров, позвонил врач В. В. Лукин. Прислали письма-заявки И. Ю. Зайцев, Ю. В. Латышев, А. И. Максимовских, Р. Е. Пономарев, В. В. Дегтярев и другие. Бывший преподаватель мединститута, ныне пенсионер Г. Ф. Мишарин записался вместе с внуком-шестиклассником. Всего 21 человек.

Итак, подвела первые итоги редакция, не густо. Помочь родной реке изъявил желание один из 60 тысяч челябинцев, или 0,0017 процента населения. Выходит, мы имеем такую реку Миасс, какую заслуживаем своим к ней отношением?

Нехитрая эта арифметика была рассчитана на то, чтобы задеть челябинцев за живое. И она задела; кто-то из читателей позвонил и сказал: многие хотели бы записаться, да не верят, что будет толк.

Что же, ответила редакция, так и будем рассказывать друг другу сказку про белого бычка: река грязная, поэтому что не верим, а не верим, потому что река грязная?.. И челябинцам было предложено 15 августа выйти на субботник по очистке реки.

Людей пришло немного, но самые разные: мужчины и женщины, старики и дети, рабочие, служащие, творческая интеллигенция. Управление благоустройства горисполкома выделило две машины и автокран. Четыре часа длился субботник. На четыре кузова мусора в реке стало меньше.

Так возник в Челябинске экологический клуб «Миасс».

На следующий субботник 22 августа собралось уже более 120 человек. Семья Косиновских пришла четвером. Те, кто прошлый раз настороженно стояли поодаль, решили тоже взяться за вилы и грабли. Большинство же продолжало сидеть по домам в ожидании очередного номера «Челябки»: что там этот клуб наработает?..

А работало на реке уже веселее. Умельцы из управления благоустройства соорудили нечто (гидромонитор на катамаране) и с его помощью началась чистка дна реки.

После работы кое-кто из членов клуба забеспокоился: когда же будет заседание? Решили все-таки заседание клуба «Миасс» отложить до непогоды. Но неписанные пока принципы уже сформировались: добровольность (сколько ни сделал, за все спасибо), демократичность, доброжелательность (только с добрым сердцем делаются добрые дела).

В конце августа — третий субботник. Приходят новые люди.

На четвертый субботник вышел едва ли не в полном составе коллектив бассейнового управления по регулированию использования и охране вод во главе с начальником управления И. Т. Бородатым и его замом Г. А. Ганненко. Зато начались перебои с техникой: есть автокран, нет стропальщиков, появились стропальщики, а автокран уже где-то на другом объекте... Некоторые из тех, кто сидел по домам, наверно, запотирали руки: вот она, начинается старая песня... Но клубу «повезло»: пошли дожди, и субботники были перенесены до весны будущего года.

Наконец, первое заседание. Оно длилось не меньше, чем первый субботник. Стало ясно: заседать мы не умеем, не привыкли говорить коротко и по делу. Оказалось: клуб еще не знает всех проблем реки, но понятно, что с помощью вил, граблей и даже гидромонитора на катамаране их не решить.

У клуба есть два пути. Первый — традиционный: избрать совет, разработать устав, наметить цели и средства, добыть помещенье, мебель, бланки... Такое было тысячу раз. Река не становилась чище.

Другой путь — искать кратчайшую тропинку к делу. И этому подчинить все остальное.

СПАСИБО, РОДНИК!

Хроника экологического клуба «МИАСС»

На три месяца выбрали трех равноправных председателей. Создали три проблемные группы. Первая — по спецавтобазе (она поливает улицы водой, а зимой посыпает песком и солью. Как это влияет на Миасс?). Вторая — по чьей вине захламляется берег реки у пос. Шершни? Третья — навести справки о состоянии реки у завода оргстекла.

Решили приглашать на заседание специалистов служб, связанных с рекой.

Станция юных натуралистов готова открыть молодежный филиал клуба «Миасс», стать разведчиком реки, патрулировать ее берега, исследуя стоки.

Выяснилось: в городе нет заводов, которые бы не пользовались миасской водой, и нет ни одного предприятия, которое бы при этом не загрязняло реку.

На следующем заседании отчитывались группы. 1-я: как быть с солью и песком — к единому мнению не пришли. Клуб обратился к челябинцам за идеями. 2-я: клуб предлагает жителям поселка Шершни навести порядок на берегу реки; по совету помочь им в этом. На субботник в поселок клубом не выходить, чтобы не ставить жителей в неловкое положение. 3-я: выяснилось: канализационные колодцы завода оргстекла, переполняясь, изливают стоки в реку. В районе завода много источников для загрязнения речки Игуменки, что впадает в Миасс по трубе.

На заседании 21 января 1988 года принято обращение к генеральному директору объединения «Челябинский тракторный завод имени В. И. Ленина» Н. Р. Ложченко:

«Уважаемый Николай Родионович!

К Вам обращаются члены экологического клуба «Миасс». Осенью наши товарищи побывали у острова в районе завода оргстекла, где в Миасс впадает речка Игуменка. То, что они там увидели, не может не удручать: протока, огибающая остров, заилилась, заросла травой, захламлена, берега завалены мусором. Но самое главное — Игуменка, как выяснилось, выносит в Миасс огромное количество нефтепродуктов, других веществ, отравляющих воду. Стоки эти принадлежат главным образом объединению «ЧТЗ имени В. И. Ленина».

Узнав об этом, мы хотели попроситься к Вам на прием. Хотели поговорить с Вами о том, как и когда будут построены на Игуменке очистные сооружения. Но когда мы глубже вникли в ситуацию, обнаружили, что нет нужды строить очистные сооружения. Достаточно отвести стоки в заводскую оборотную систему. Для этого следует провести трубопровод длиной метров триста. Только и всего.

Николай Родионович! Вы можете нам сказать, что Миасс загрязняют не только тракторостроители. Да, это так. Но сколько же мы будем оглядываться на соседей справа и слева, успокаивая себя тем, что и они виновато-

ты перед рекой? Кто-то, наверное, должен дать пример другим. Почему бы это не сделать тракторостроителям?..»

Клубу стало известно, что два года назад архитекторы Челябинска разработали проекты благоустройства пяти родников в лесопарковой зоне города. Автор Н. Н. Бабинцева. Но у управления благоустройства руки до родников не доходят. А многие работы там надо выполнять вручную. Любители природы из объединения «Полюс» предлагают создать ответвление клуба, которое займется родниками. Решено: предложение поддержать и весной начать субботники.

14 мая 1988 года началась работа у родника, что напротив моста через Миасс по ул. Чайковского. Организацию взяло на себя управление благоустройства, техникой поделилось ПМК птицеводческого объединения. В числе членов клуба оказался строитель Н. А. Ларионов. Собрал бригаду по расчистке русла и укладке бутового камня. Другие замешивали раствор, носили щебень, рыли траншею под фундамент. Прошло два, три, четыре часа. Никто не расхотелся. А дело-то ведь добровольное, неоплачиваемое. «Как работают! — воскликнула главный инженер «Зеленстроя» Л. Н. Малышева. — Я уже отвыкла видеть, чтобы так работали».

21 мая у родника снова многолюдно. Возникло замешательство — нет специалиста-строителя. Но глаза боятся... Саша Раковский, слесарь ЧМК, принялся за кладку подпорной стены...

28 мая — еще субботник. Среди участников все новые и новые лица. Родилась песня на слова члена клуба Л. П. Злобиной:

Прекрасные слова имеют корень «род» —
«Природа», «Родина», «народ».
И в их ряду есть и «родник» —
Он всех сближает и роднит.

В июне закончили кладку гранитных стенок родника, планировку газонов, окружили их камнем, чтобы уберечь от вытаптывания.

Однажды к роднику подъехала свадьба. Испить в самом начале совместной жизни родниковой воды — в этом что-то есть. Может быть, рождается новая традиция?..

Пять месяцев прошло с тех пор, как клуб «Миасс» адресовал свое обращение генеральному директору ЧТЗ. И вот наконец звонок: директор готов встретиться с членами клуба. Оказывается, завод молчал, но не бездействовал. Промышленные стоки моторного завода уже не попадают в реку Игуменку, а повернуты на очистные сооружения. Это должны были сделать одновременно с пуском завода, но проектирование станции перекачки началось лишь через пять лет после пуска предприятия. Потом «тянули резину» строители. И теперь заводу пришлось использовать для переброски стоков самодельную трассу, которая работает с напряжением.

Вода в реке Миасс стала чище, но другие предприятия продолжают сбрасывать в реку нефтепродукты. Самые крупные из них «Завод имени Г. К. Орджоникидзе», Челябинское отделение Южно-Уральской железной дороги... Клуб «Миасс» решил обратиться к их руководителям...

А к роднику выстраивается очередь — люди со стаканами, бидончиками... Ожил источник, благоустроился. Но еще раньше что-то новое родилось или оживило в людях — так нужно сегодня им, природе, стране.

Спасибо тебе, родник!

Хронику по страницам газеты «Челябинский рабочий» подготовил Ю. Сентябрьев

К читателям журнала

В последние месяцы резко возрос поток писем с жалобами на плохую доставку журнала «Уральский следопыт». В отдельные города и области очередной номер поступает с опозданием на 2–3 месяца. Судя по прессе, наше издание не исключение из правил, но это слабое утешение. Ухудшилась в целом работа связи в масштабах страны и, как следствие, страдает наш журнал. Если за точку отсчета принять распространение «Уральского следопыта», то приходится признать, что перестройка системы «Союзпечати» движется в обратном направлении.

Многие читатели, не в упрек им, склонны видеть источником бед сотрудников журнала. Со всей ответственностью заявляем, что редакция выполняет свои обязательства перед издательством «Уральский рабочий» строго по графику. Опоздание на два дня для нашего коллектива уже ЧП, за которое, кстати, типография предъявляет редакции штрафные санкции. На этом, собственно, наши функции и заканчиваются. Редакция несет ответственность перед читателями только за содержание и оформление номера, за сдачу макета и оригиналов строго в установленные сроки. За качество печатания отвечает издательство «Уральский рабочий» (следовательно, обнаружив бракованный экземпляр, что, увы, случается, подписчику надлежит выслать его для замены не в редакцию, а в издательство «Уральский рабочий» по адресу: г. Свердловск, 620219, пр. Ленина, 49, типография). Распространение журнала целиком и полностью возложено на предприятия «Союзпечати». Принципиальное уточнение: ни издательство, ни «Союзпечать» не подотчетны редакции журнала.

Поэтому мы еще раз напоминаем читателям: в случае задержки или недоставки номера обращайтесь в местное отделение «Союзпечати». Если по каким-либо причинам часть тиража не поступила в область, то соответствующее областное агентство должно немедленно запросить свердловских коллег о причинах задержки. Не подписчик должен запрашивать, а органы «Союзпечати». Отчетливо сознаем, что путь по бюрократическим инстанциям не самый лучший, но иногда выбора нет, не нами установлены «правила игры».

Редакция крайне встревожена создавшимся положением. Аритмичная работа «Союзпечати» наносит удар по авторитету журнала, она реально угрожает снижением роста подписки: в самом деле, какой резон получать декабрьский номер в... марте следующего года (есть и такие факты в читательской почте). На основе таких писем редакция направила официальный запрос в Центральное и Свердловское агентства «Союзпечати». Но, признаемся откровенно, было бы наивно думать, что после этого запроса механизм «Союзпечати» заработает, как часы швейцарской фирмы. Поэтому главную надежду мы возлагаем на читателя, ради чего, собственно, и пишется эти строки. Надо не столько сверху, сколько снизу создать такую обстановку, чтобы работники «Союзпечати» любого ранга почувствовали свою ответственность перед читателем. Ссылки на задержку номера якобы по вине редакции или типографии следует квалифицировать как стремление переложить свои промахи на плечи других — о каждом таком случае просим известить редакцию с указанием фамилии должностного лица. Масштабный контроль снизу, активная наступательная позиция подписчика, отстаивающего свои права, — вот в чем мы видим выход из тупиковой ситуации, искусственно, или по служебной безответственности, или в силу каких-то объективных причин — мнимых или действительных, — созданных в системе предпринимательской связи.

По просьбе подписчиков редакция провела проверку жалоб, полученных к моменту написания этих заметок. Как заверила редакцию зам. начальника Свердловского областного производственно-технического управления связи (ОПТУС) тов. Жидких И. У., по всем им приняты меры.

В дальнейшем все жалобы на задержку или недоставку «Уральского следопыта» следует направлять непосредственно по адресу: 620110, Свердловск, Луначарского, 134 «б», ОПТУС.

Станислав МЕШАВКИН,
главный редактор журнала.

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНЫ

Рассказы о Енисейске

Вениамин ЗИКУНОВ

Рис. Владимира Ганзина

...Очень люблю старые города,
где почти каждый дом — портрет.
Дома — свидетели стольких со-
бытий, время и люди, их насе-
лявшие, наложили на них свой
неизгладимый отпечаток...

В. АЛФЕЕВСКИЙ,
заслуженный художник РСФСР

В СИНИХ СУМЕРКАХ

После угловатой и холодной, как пронизывающий осенний ветер, сегодняшней архитектуры, после стандартных, как солдатские сапоги, красноярских «свежих» микрорайонов я с радостью уезжаю в тихий Енисейск, будто в гости к доброй и умной бабушке.

Я беру билет на последний рейс самолета, потому что прилетает он в город в синих сумерках, когда все замирает на свете и из вечерней синевы, колышась, выплывают зыбкие тени прошлого...

От аэропорта я еду в рейсовом автобусе и схожу за три остановки от гостиницы. По центру Енисейска вечерами ходить можно только пешком, иначе не почувствуешь былинность и загадочность его, не услышишь визга стрел инородцев, глухие выстрелы легких сторожевых пушек, не увидишь, как уплывают по великому Енисею дощаники в неведомые земли.

В синих сумерках старая береза на берегу реки мне кажется согбенным силуэтом протопоп Аввакума. Он стоит в белом одеянии и, воздев длинные нервные руки к темному небу, шлет проклятия далеко за тридевять земель, за туманы и гибельные болота, за Уральский камень в царские палаты. Нестовый протопоп, великий писатель Древней Руси, первый политический ссыльный Енисейска... С него начиналась история ссылок в городе, с него начиналась слава Енисейска как города-бунтаря и вольнодумца.

Я прохожу мимо Спасского собора. Он плывет в синих сумерках отрешенно и непонятно, он живет своей особой жизнью, словно загадочная человеческая душа, и в тени вечера купола собора как бы продолжают землю, чтобы она, многострадальная, слилась в единое целое с небом...

Я отдыхаю у кирпичных стен собора и смотрю на него, как на чудо, и смотреть на него никогда мне не надоеет, потому что принадлежит он в равной степени прошлому, сегодняшнему и вечности.

В деревянных домах под старинной узорной вязью тишина: закрыты ставни, и только резкий свет пробивается сквозь щели. Он разрезает синий сумрак, словно стальные лезвия бритвы, и боязно проходить мимо закрытых ставен: вдруг обрежешься...

На скамейке, у покосившихся заезжих ворот сидит женщина. Она стара, как город. Мне показалось, что это моя бабушка и к ней я приехал в Енисейск из шумного и неуклюжего Красноярска.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, сынок. Устал небось? Отдохни с дороги...

Я присел рядом со старушкой, и мы долго и мудро молчали. Я был рад, что в Енисейске ждала меня такая добрая и молчаливая бабушка. Мне не хотелось уходить от покосившихся ворот, не хотелось вставать с деревянной скамейки, но коммунальная гостиница закрывается рано.

— До свидания, бабушка,— сказал я, поднимаясь.

— А что так... Посидел бы еще... Куда спешить? Вишь, как хорошо на свете. Несуетно...

— Я приеду еще,— ответил я бабушке,— и привезу тебе гостинцев...

— Какие гостинцы мне, старой? Посидел вот рядом—это ли не гостинец? Спешат куда-то люди, спешат и не приглядываются к миру... Так и будут до могилы бегать. Не присядут, не обдумаются...

Я иду к гостинице, где невдалеке на енисейском берегу стоит в белом одеянии протопоп Аввакум, и явственно доносит ветер до меня его голос:

— За истинную веру и смерть принять счастье!

БАННЫЙ ДЕНЬ

В субботние вечера в Енисейске топят бани. Старый город пропитывается распаренным духом березовых листьев. Воду для бань берут с Енисея или с речки Мельничной. Так ведется исстари: речная вода мягкая, или, как говорят енисейцы, «мылка», тело от такой воды становится шелковистым и нежным. От воды тянет прохладой, и сильные молодые женщины носят ее на коромыслах легко и непринужденно, как будто в ведрах у них не вода, а голубые туманы...

Мужчины не вмешиваются в банные дела: они колют дрова и укладывают их в поленицы. Чурки посмолистей, поядрены отбрасывают в сторону. Это для бани, чтобы была она жарче, чтобы хворь и простуду выгонял из тела смоляной пар...

Я люблю в субботние вечера бродить по окраинам города. Здесь все так, как было сто или двести лет назад. Ребятишки держатся от изб подальше: у них последняя очередь в баню, когда помогут взрослые и спадет жар.

Старики и старухи в ожидании бани сидят, словно столетние беркуты, на скамейках у ворот. Для них суббота — праздник. Они тихо вспоминают молодость и не жалеют об ушедшем навсегда времени. Да и

есть ли понятие времени для Енисейска? Уйдут старики, и так же будут топиться по субботам бани и подниматься голубые дымы в зоревое небо, а их места на деревянных лавочках займут другие, те, которые сейчас без усталости носят воду и колют дрова...

КОЛОКОЛЬНЫЙ ГУЛ

Проснулся и не знаю, в каком веке живу...

За окном стоят тополя, потяжелевшие от утреннего инея. Лучи раннего солнца осветили деревья и они налились огнем, словно кто-то раскалил их в кузнечном горне...

Из-под наслупленных козырьков крыш упали на ветки грязные от чердачной копоти воробьи. Искры вспыхнули на тополях и замельтешили, заиграли в холодном воздухе.

Воробьи, серьезные и нахохленные, вели переключку:

— Жив-жив, жив-жив...

Ближний от окна воробей с любопытством посмотрел на меня через стекло и что-то, наверное, сказал своим сородичам. Воробьи зачирикали и улетели...

А там, дальше за раскаленными тополями, прямо в голубом небе плыли золотые маковки собора. Вот-вот запоют колокола. Я жду их гула с тревогой, потому что не знаю, какой за окном век, и не знаю, что положено делать при колокольном звоне...

И вот задумчивый, дрожащий, непонятный гул ударил в стекла — они звенели тонко, как струны балалайки.

Я соскочил с койки, с волнением подбежал к окну — не спешат ли люди на колокольный звон к собору? Но на улице спокойно. Напротив, в ограде дома, сидит на цепи огромная овчарка и с тоской смотрит в небо.

Из-за золотых маковок Спасского собора «вынырнул» большой и красивый самолет. Он шел на посадку, заполнив небо над старым городом густым и сытым колокольным гулом...

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНИ

О чем думали кони на лобанях наличников?

Мимо них на тройках пронеслись подвыпившие енисейские купцы и золотопромышленники, мимо них по грязному Красноярскому тракту везли из России в расхлябаннных телегах политических ссыльных и дремали на облучках равнодушные жандармы. А кони, вырезанные из кедровой доски безвестным енисейским мастером, косили кровавыми зрачками на

дорогу и слушали с тоской, как звенят под дугой неторопливые дорожные колокольцы...

Мимо них увозили в сорок первом на запыленных полуторках отчаянных енисейских мужиков на войну и ревели в голос бабы на завалинке от горя.

А потом, в сорок пятом, веселый гармонист Прохор, поблескивая медалью «За отвагу», играл на сибирской хромке, и радостно слушали музыку деревянные кони и гривы их поднимались веером от гордости за земляков-победителей.

Три окна было в доме. Шесть лошадей стояло на наличниках, на вечной привязи. Были кони не пугливы, доверчивы. Только ночами, когда никто не видел, улетали они с наличников в лунные луга и кормились под звездами густыми росными травами. Иногда они замирали на пригорке и, вытянув упругие шеи, ржали в ночное небо, сверкая, как молниями, белыми и крепкими зубами. А перед тем как улететь в город, гонялись кони друг за другом по росной траве, сбивая в кровь ноги. Гул от копыт, особенно перед утренним дождем, разносился далеко окрест и терялся за дальней излучкой Енисея. На рассвете замирали кони над окном и молча смотрели на дорогу. И жили они долго — больше века...

Недавно я решил посмотреть на коней, поздороваться с ними и похлопать их ладонью по сияющим от солнца гривам.

Дом от времени осел, врос в землю и я легко бы дотянулся к доверчивым лошадиным мордам...

Прошел по улице в растерянности три раза: нет старого дома, где на наличниках отдыхали после ночных гонок, словно усталые птицы, деревянные кони.

— Вы что ищете, дяденька? — спросил меня пробегающий мимо мальчуган.

— Деревянных коней. Они где-то здесь жили.

— Их топорами порубили, — грустно ответил мальчик. — На их месте магазин построили...

Не спорю, нужное дело магазин. Без него нельзя улице.

«А лошадей-то наверняка спасли. Переселили с наличников в другое место...» — подумал я.

Зашел в музей. Здесь и только здесь место деревянным лошадям, в его запасниках. Настанет время, и выпустят лошадей люди в ночное поле, чтобы гулко звенели копыта и гривы нетерпеливо бились от ветра.

...Но не тут-то было. Работники музея ничего не знали о лошадях. Значит, прав мальчик, убили их топором, убили навсегда. Никто не подумал спасти их для ветра и для памяти.

— Топором порубили, — с болью я вспомнил слова грустного мальчика.

Нет, не топором, мой добрый мальчик, а равнодушием. Оно страшнее, оно вознесено сегодня безжалостно над хрупкими, как легкий драгоценный хрусталь, деревянными памятниками древнего города. Деревянные кони, мой мальчик, теперь никогда не вернутся на улицу твоего детства...

ЦВЕТЫ У ОБЕЛИСКА

В центре Енисейска стоит памятник погибшим воинам-землякам.

У подножия памятника букет подснежников. Рядом под тополем на скамейке сидит старушка: ма-

ленькая, сморщенная, в надвинутом почти на самые глаза черном платке. Это она принесла к памятнику весенние цветы.

Присел рядом на скамейку. Разговорились.

— Мой-то очень любил подснежники. Ушел, как в воду канул. Одну только весточку получила с фронта. Страшную весточку — похоронку. Трое ребят осталось. Все выросли, выучились...

Я не стал расспрашивать старушку о прожитой жизни, о горе, о страданиях. Зачем беречь раны? Спросил только:

— А вы любили друг друга?

Старушка посмотрела на меня выцветшими, как полуденное небо, глазами:

— Это сейчас такими словами разбрасываются налево и направо. Раньше мы их не произносили, — ответила она. — Уважительно ко мне Петр относился... И я в нем души не чаяла. Вот цветов ему принесла...

Старушка замолчала, из внезапно повлажневших глаз ее покатились по щекам слезы...

Я оставил старушку рядом с памятником, наедине с воспоминаниями...

Побывал я у памятника вечером, на заре. От закатного света он стал алым и сияние от него стояло над Енисейским яром, пробивалось сквозь листья тополей, заполняло город. Это был свет людской памяти и боли... и еще любви молчаливой, неубитой и вечной...

УЛИЦА ДОБРАЯ

Вся в золоте листья улица Добрая. Звенит листва под ногами. Иду не спеша по улице и настроение у меня доброе, и добрая умная бабушка сидит на лавочке у дома, она смотрит на меня добрыми глазами и улыбается:

— Ты чей будешь, сынок, и кого ищешь? — спросила она.

Нездешний я и никого не ищу, а просто брожу по городу. Да вот встретил на пути улицу Добрую.

— У нас не только улица, но и люди добрые, — сказала бабушка. — Вот я одна живу, старик помер, сыновья на войне погибли, но добрые люди каждый день приходят ко мне, помогают по хозяйству...

Иду дальше.

Навстречу девушка с охапкой осенних цветных листьев.

— Возьми, дяденька. Это не листья, а пряники. Я их сама напекла в печке и раздаю прохожим.

Я взял горсть листьев и поблагодарил девочку...

На воротах дома красная звездочка. Пожилой хозяин в ограде прорубает малину. Увидев меня, он бросил работу, подошел к калитке:

— Давай покурим, — обратился он ко мне, как будто мы с ним знакомы много лет.

Я полез в карман за сигаретами.

— Не надо, у меня слаще, — сказал он с улыбкой.

Стоим, курим, говорим о погоде, об осени...

— Воевали? — спрашиваю я.

— Пол-Европы прошел...

— Расскажите что-нибудь о войне.

— Не надо, брат... Зачем? Будь она проклята...

Лучше я тебе дам яблок.

Хозяин пошел к дому и скрылся в сенцах. Когда

он поднимался на крылечко, нога у него не гнулась и скрипела. На протезе...

Он принес чашку некрупных желтых яблок и высыпал мне в кепку.

— Угошайся...

— Спасибо.

— Не за что.

Мы расстались с ним добрыми друзьями.

Я шел по улице Доброй, небольшой улице, и очень мне хотелось, чтобы она никогда не кончалась, чтобы она шла через всю Россию, все материки и страны и чтобы жили на бесконечной улице Доброй красивые и добрые люди, как бабушка на лавке, как девочка с листьями-пряниками, как старый солдат, который одарил меня желтыми спелыми яблоками.

ВДОВЫИ ЦВЕТЫ

Герани... В Сибири это были самые распространенные цветы.

В летнее время, когда погода «закреплялась» и не грозили земле заморозки, выносили хозяйки герани на улицу. По солнцепекам заставляли горшками завалинки и приступки крылечек и вечерами обильно поливали цветы из леек. Герани за эти благодатные дни набирались дождя, солнца и ветра на осень и долгую зиму. Летом герани цвели бурно и густо, казалось, от алых костров вот-вот вспыхнут деревянные избы, и пойдет гулять гераневый огонь по своей округе.

Любили женщины герани за цветочное буйство, за неприхотливость, за восторженные листья, которые напоминают своими очертаниями человеческие сердца, и делили эти цветы с женщинами и холост, и голод, и горе военных лет. Недаром называют эти цветы в народе «вдовьями».

Цвели «вдовьи цветы» в жгучие морозы, прижавши алые бутоны к заиндевелою окну, и смотрели они на дорогу, вместе с хозяйками ждали дорогих и близких. Бывало, от холода пожелтеют, пожухнут края листьев, но стоит только заглянуть в окно весеннему солнцу — оживают герани, и листья жадно впитывают тепло. Как и вдовы — отзывчивы эти цветы на ласку.

Сейчас все реже и реже видишь герани. Из окон квартир выглядывают какие-то экзотические растения с вьющимися странными стеблями и своей нездешней красотой они больше напоминают бумажные поделки...

И только по окраинам сел и городов, в покосившихся без мужских рук избушках по-прежнему буйно

цветут герани — всегда веселые, всегда бесхитростные, добрые...

Но нигде я не видел столько гераней, как в домах на окраинах Енисейска. В каждом окне — «вдовьи цветы».

Недавно сидели мы в избе солдатской вдовы Александры Максимовны Станковской. А на окнах избы полыхал пожар гераней.

— Почитай, в каждом доме горе, — говорила Александра Максимовна. — Аграфена Байкова осталась с четверьмя. Один одного меньше. Воспитала детей Стюра Першина, Христинья Присухина, Надежда Станковская. Всех перечислять — длинный список будет... Многих зовут ребята к себе жить, но кто согласится. Здесь в Енисейске горе мыкали, здесь и помирать будем. Бывало, выйдем на берег Енисея, песни попоем, слезами умоемся... и опять работать. Вот только и радость была — герани. Все невзгоды они делили с нами...

Я ушел от добрых старых женщин засветло. Герани били алым светом из окон и рыдал за моей спиной ветер привычно и беззвучно.

ДО ЗВЕЗД НЕ ДОКРИЧАТЬСЯ

Маршрутный автобус идет по Рабоче-Крестьянской улице.

По ходу автобуса, на левой стороне, старый дом врос в землю и дал еще вдобавок опасный крен, словно шхуна, выброшенная на мель. Но в доме живут — за стеклами окон полыхают герани...

— Сколько, думаешь, лет этому дому? — спрашивает меня попутчик, мой старый друг Павел Антонов. — Лет восемьдесят будет?

Я смотрю на дом и не знаю, что ответить. Дом еще крепок с виду и кажется срублен не из лиственницы, а из чугуна: ни плесени нет по стенам, ни гнили, только закрайки ската крыши подернуты легким налетом зеленоватого мха.

— Да нет, наверное, больше... Лет сто, а то все сто пятьдесят, — предполагаю я.

В наш разговор вмешалась старушка с хозяйственной сумкой на коленях.

— Я, сынки, лет семьдесят знаю этот дом, — сказала она. — С детства его помню. А он все такой же, не меняется. Слово замороженный. Вот только накренился сильнее. Наверное, он с основания Енисейска стоит... Кто знает?

Да, действительно, кто знает? Знают только бревна этой древней избы, конек над крышей, ловко вырубленный старым мастером из осинової доски, да, может быть, новые звезды. Но дерево молчит, а звезды далеко и до них не докричатся...

ДВОРИКИ ДЕТСТВА

После долгой зимы и глубокого снега ожили дворики старых домов Енисейска. Еще по углам, за поленницами дров, в затаенных затайках сохранился снег, но он почернел, осел и идет от него прохладный запах, как от первых грибов после дождя.

Я заглянул в такой дворик на прибрежной улице. Дом осел от старости, и сколько ему лет — трудно сказать. Венцы от лиственницы потрескались, сморщились, и отливает дерево янтарным блеском, как окаменевшие кости мамонта. На северном скате кры-

ши сверкают сосульки. Вот одна упала и со звоном разбилась. По приметам — на счастье...

Старушки в теплых шالях, наверное, боясь, как бы не засгудиться от сырости, сидят на скамейке у крыльца. Они отогреваются весенним солнцем, о чем-то говорят между собой и слушают звон капели...

Молодой рыжий кот ошалело носится по дворику: пытается поймать солнечный зайчик, что отражается от стекла приоткрытой форточки. Глаза у кота горят, как угли. Створка форточки дрожит от легкого ветра, и зайчик свободно бегаёт по дворику: то появится на поленнице, то промчится по черной от времени стене сарая. Вот он замешкался на тротуаре, и кот прямо с крыльца прыгнул на него, прижал лапами к деревянной плахе, но зайчик выскользнул, спрятался в дровянике. Кот сконфузился и ушел в сенцы...

У крыльца мальчишка в синей курточке возится с велосипедом.

— Ты, Васька, шибко не торопись, — предупредила одна из старушек. — На улице грязь. Куда поедешь?

— А я только попробовать, — отвечает мальчишка и долго-долго смотрит вдаль, за Енисей, за черную кромку тайги. Он о чем-то думает...

Я знаю, о чем он думает, я ведь тоже был когда-то мальчишкой. Меня тогда по весне до надрыва в сердце тревожила загадка горизонта. Мне очень хотелось дойти до его края. Наверное, поэтому я по сегодняшний день такой непоседа. Все ищу и ищу что-то за горизонтом, мельтешу по белу свету, но так и не знаю, что там за лесом и есть ли вообще у горизонта край и начало...

У меня когда-то тоже был свой дворик, не здесь в Енисейске, а в степном алтайском селе. В моем дворике у плетня стояли тополя и копны соломы и не было дощатых, дымящихся по весне настилов. Дерево у нас берегли и даже печи топили кизьяками.

Сейчас на месте моего дворика стоит пятиэтажное здание: стандартное и безликое. Я не признаю его. Дом поставили, не спросив у меня разрешения. Я бы не позволил строить бетонную коробку на месте дворика детства. Хотя, впрочем, дворик до могилы сберегу в сердце...

Я уверен, мальчишка в синей куртке тоже сохранит навсегда в сердце свой дворик с дымящимся тротуаром, с поленницей дров в углу, с высоким крыльцом, со звоном капели... Лесорубом ли будет, министром ли — безразлично! Сохранит. С этого дворика начинается его путь за горизонт...

СЦЕНАРИЙ
ТРЕХСЕРИЙНОГО
ФИЛЬМА

В МУРАВЕЙНИКЕ

— Эти мне ваши разговоры...— пробурчал Бромберг и уселся.

Поразительно, но он уже совершенно успокоился. Бодренький крепенький старичок. Пожалуй, даже веселый.

— Давайте попробуем говорить спокойно,— предложил Экселенц.

— Попробуем, попробуем! — бодро отозвался Бромберг. — А что это за молодые люди подпирают стены у дверей? Вы обзавелись телохранителями?

Экселенц сказал:

— Это Максим Каммерер и Григорий Каммерер. Сотрудники КОМКОНа. А это — доктор Айзек Бромберг, историк науки.

Оба Каммерера кивнули, а Бромберг немедленно объявил:

— Я так и знал. Разумеется, вы побоялись, что один на один со мной не справитесь, Сикорский... Садитесь, садитесь, молодые люди, устраивайтесь поудобнее.

— Сядьте, Максим,— сказал Экселенц.

Максим сел в знакомое кресло для посетителей, а Гриша остался стоять у двери.

— Так я жду ваших объяснений, Сикорский,— произнес Бромберг. — Что означает эта засада?

— Я вижу, вы сильно перепугались.

— Вздор! — мгновенно воспламенился Бромберг. — Чуть какая! Слава богу, я не из пугливых...

— Но вы так ужасно завопили и повалили так много мебели...

— Ну, знаете ли, если у вас над ухом в абсолютно пустом здании, ночью...

— Абсолютно незачем ходить в абсолютно пустые здания по ночам...

— Во-первых, это абсолютно не ваше дело, Сикорский, когда и куда я хожу! А во-вторых, когда еще вы мне прикажете ходить? Днем меня не пускают. Третий день в Музее идут какие-то подозрительные ремонты, какие-то таинственные смены экспозиций... Музей закрыт! Для кого? Для меня! Члена ученого совета этого Музея! Я сразу понял, чьи уши торчат из-за кулис! И теперь я спрашиваю: зачем это вам понадобилось, Сикорский? Какой срам! Закрытие Музея!

Дурацкие ночные засады! Кто, черт побери, выключил здесь все электричество?..

Голос его сорвался, и он мучительно заперхал, стуча себя обоими кулаками по груди.

— Я получу когда-нибудь ответы на свои вопросы? — яростно просипел он сквозь перханье.

Экселенц тоже осатанел.

— Я хотел бы знать, Бромберг,— сдавленным голосом произнес он, — зачем вам понадобились детонаторы.

— Ах, вы хотели бы это знать! А я хотел бы знать, каким образом вы оказались в Музее ночью, Сикорский! Как вы проникли в этот Музей, а? Отвечайте!

— Это не относится к делу, Бромберг!

— Вы — взломщик, Сикорский! — объявил Бромберг. — Вы докатились до взлома!

— Это вы докатились до взлома, Бромберг! — взревел Экселенц. — Вы! Вам было совершенно ясно и недвусмысленно сказано: доступ в Музей прекращен!

— Я член совета Музея! Вот мой ключ! Мне полагается ключ от служебного входа, и я воспользовался им, чтобы прийти сюда...

— Посреди глухой ночи и вопреки прямому запрету дирекции Музея?

— Посреди глухой ночи, но все-таки с ключом! А где ваш ключ, Сикорский? Или у вас магнитная отмычка? Покажите мне, пожалуйста, ваш ключ, Сикорский!

— У меня нет ключа! Он мне не нужен! Я нахожусь здесь по ДОЛГУ, а не потому, что мне попала вожжа под хвост! Старый вы, истеричный дурак!

И тут их, видимо, обоих схватило. Они замолчали. Перестали сверлить друг друга огненными взорами, разом полезли в карманы, извлекли свои капсулы, один выкатил на ладонь два белых шарика, другой — три. Потом шарики были отправлены под язык, а Бромберг, отдуваясь, вытащил старомодный носовой платок и принялся оттирать лицо и шею.

— Айзек,— сказал Экселенц и причмокнул, — что вы будете делать, когда я умру?

— Спяшу качучу,— сказал Бромберг мрачно. — Не говорите глупостей.

— Айзек,— сказал Экселенц,— зачем вам

Окончание. Начало в № 4.

все-таки понадобились детонаторы?.. Подождите, не начинайте все с начала. Дело в том, что именно в эту ночь за ними должен был прийти совсем другой человек. Если это просто невероятное совпадение, то так и скажите, и мы расстанемся. У меня голова разболелась...

— А кто это должен был за ними прийти? — подозрительно спросил Бромберг.

— Лев Абалкин, — сказал Экселенц утомленно.

— Кто это такой?

— Вы не знаете Льва Абалкина?

— В первый раз слышу.

— Верю, — сказал Экселенц.

— Еще бы! — сказал Бромберг высокомерно.

— Вам я верю, — сказал Экселенц. — Но я не верю в совпадения... Слушайте, Айзек, неужели это так трудно — просто, без кривляний рассказать, почему вы именно сегодня пришли за детонаторами...

— Мне не нравится слово «кривлянья».

— Я беру его назад, — сказал Экселенц.

Бромберг снова принялся утираться.

— Пожалуйста, — объявил он. — Вы прекрасно знаете, Рудольф, что в отличие от вас я ненавижу все и всяческие секреты. Это вы сами поставили меня в положение, когда я вынужден кривляться и ломать комедию. А между тем все очень просто. Сегодня утром ко мне явился некто... Вам обязательно нужно имя?

— Нет.

— Некий молодой человек. О чем мы с ним говорили — несущественно, я полагаю. Разговор носил достаточно личный характер. Но во время разговора я заметил у него вот здесь... — Бромберг ткнул пальцем в сгиб локтя правой руки, — довольно странное родимое пятно. Я даже вообразил сначала, что это татуировка... Вы знаете, Рудольф, татуировки — это мое хобби... Но молодой человек сказал: нет, это родимое пятно. Больше всего оно было похоже на букву «Ж» в кириллице или, скажем, на японский иероглиф «сандзю». Вам это ничего не напоминает, Рудольф?

— Напоминает, — сказал Экселенц.

— Вот как? Вы что — сразу сообразили? — спросил Бромберг с завистью.

— Да, — сказал Экселенц.

— М-м-м... А вот я — не сразу. Молодой человек уже давно ушел, а я все сидел и вспоминал, где я мог видеть такой значок... В точности такой, понимаете? В конце концов вспомнил. Надо было проверить, а под рукой — ни одной репродукции. Я бросаюсь в Музей — Музей закрыт...

— Максим, — сказал Экселенц, — будьте добры, дайте нам сюда эту штуку, которая под шалью. Только осторожно, пожалуйста.

Максим повиновался: Он поставил тяжелый брусок перед Экселенцем, Экселенц придвинул

его поближе к себе и попытался приподнять крышку, но пальцы у него скользили, и крышка не поднималась.

— Дайте-ка мне, — нетерпеливо сказал Бромберг.

Он оттолкнул Экселенца, взялся за крышку обеими руками, поднял ее и положил в сторону.

Внутри открылся ряд из тринадцати аккуратных круглых гнезд (сантиметров по семи в диаметре). В одиннадцати из них помещались круглые серые блямбы, украшенные коричневатыми, слегка расплывшимися иероглифами. Два гнезда были пусты, и видно было, что дно их выстлано белесоватым ворсом, похожим на плесень, и ворсинки эти заметно шевелились, словно живые.

Расплывшаяся стилизованная буква «Ж» была на третьем слева «детонаторе», и Экселенц, подвесив над ним свой длинный указательный палец, произнес:

— Он?

— Да, да! — нетерпеливо отозвался Бромберг, отпихивая его руку. — Не мешайте! Вы ничего не понимаете...

Он вцепился ногтями в края «детонатора» и осторожно принял как бы вывинчивать его из гнезда, приговаривая:

— Здесь совсем не в этом дело... Неужели вы воображаете, будто я был способен перепутать... Чуть какая...

Он вытянул «детонатор» из гнезда и стал медленно поднимать его над футляром все выше и выше. За серым толстеньким диском тянулись белесоватые нити, утончались, лопались одна за другой, и когда лопнула последняя, Бромберг перевернул «детонатор» нижней поверхностью вверх, и там, среди шевелящихся полупрозрачных ворсинок, стал виден тот же значок, только черный, маленький и очень отчетливый, словно его вычеканили в сером материале.

— Да! — сказал Бромберг торжествующе. — В точности такой. Я так и знал, что не могу ошибиться.

— В чем именно? — спросил Экселенц.

— Размер, детали, пропорции... Вы понимаете, родимое пятно у него не просто похоже на этот значок — оно в точности такое же!.. — Бромберг пристально посмотрел на Экселенца. — Слушайте, Рудольф, услуга за услугу. Вы что — вы их всех поместили?

— Нет, конечно.

— Значит, у них это было с самого начала? — спросил Бромберг, постукивая себя пальцем по сгибу руки.

— Нет. Они появились позже... Скажите, Айзек, а о чем вы с ним все-таки разговаривали?

— О чем я с ним разговаривал... — повторил Бромберг, осторожно ввинчивая «детонатор» на место. — Вообще-то это вас совершенно не касается, Сикорский... Он пришел ко мне, лично ко мне как к крупнейшему знатоку запрещенной

науки. Он искал родителей, которые при таинственных обстоятельствах сгинули у него сорок лет назад во время какого-то засекреченного эксперимента. Если бы он пришел к вам, Сикорский, вы бы, разумеется, не сказали бы ему ни слова, хотя вы-то наверняка знаете, что случилось с этими людьми... А я... Что ж, мне пришлось достать мою картотеку, и мы вместе просмотрели и обсудили все закрытые эксперименты того периода. Там была операция «Зеркало», проект «Сумасшедший Голем»... что там еще... история саркофага-инкубатора, история операции «Тень»...

— Он был примерно вашего роста, бледный, с длинными черными волосами,— сказал Экселенц.

— Да. Его зовут Александр Дымков.

— Его зовут Лев Абалкин,— сказал Экселенц мрачно.— Большое вам спасибо, Айзек. Значит, теперь он знает об истории с саркофагом-инкубатором...

— А почему бы ему об этом и не знать? — агрессивно вскинулся Бромберг.

— Действительно...— медленно проговорил Экселенц, поднимаясь.— Почему бы ему об этом не знать?

У себя в кабинете Экселенц прежде всего сварил две чашки кофе и принялся рассказывать. Время от времени он выбрасывал на стол перед Максимом фотографии, а иногда включал видеопроектор.

— ...Эта история началась сорок лет назад. На безымянной планетке отряд следопытов совершенно случайно обнаружил на глубине тридцати метров в базальтовой толще обширное помещение. В помещении располагалось необычайно сложное биологическое устройство, которое сначала называли саркофагом. Очень скоро выяснилось, однако, что на самом деле это грандиозный эмбриональный сейф совершенно фантастической конструкции. Тогда его стали называть инкубатором. Инкубатор содержал тринадцать оплодотворенных яйцеклеток вида хомо сапиенс. Возраст этого саркофага-инкубатора был определен немедленно: пятьдесят пять тысяч лет. Пятьдесят пять тысяч лет назад какая-то сверхцивилизация, обогнавшая нас на тысячи веков, зачем-то заложила эту эмбриологическую мину с неизвестными и абсолютно непонятными целями... чтобы нам веселее было жить... Мы знаем только об одной сверхцивилизации в нашей Галактике, хотя в глаза ее никогда не видели: это известные тебе Странники. Ты веришь в Странников?

— Разумеется,— сказал Максим.— Только при чем здесь — «веришь»? Они наверняка существовали и, может быть, существуют и сейчас...

— Так вот, пятьдесят пять тысяч лет назад

они оставили этот самый саркофаг. Мы нашли его случайно, а значит, скорее всего, не вовремя. Видимо, следопыты, сами того не желая, включили какой-то механизм: через двое суток яйцеклетки начали делиться.

...Собрался Мировой Совет. Было высказано множество остроумнейших гипотез. Я встал за ту из них, которая не была самой остроумной и даже самой правдоподобной, я встал за ту, которая требовала от всех нас максимальной ответственности. Я представил себе самое опасное, что можно ожидать. Странники заложили в эти яйцеклетки некую генетическую программу. Приходит время, и мы натываемся на саркофаг-инкубатор. Включается механизм деления. На свет появляются тринадцать человек, которые ничем не отличаются от нас с тобой. Но в нужный момент включается программа! И они начинают делать то, ради чего организована вся эта затея. Что именно — мы не знаем. С какой целью — не знаем и даже, наверное, представить себе не можем...

...Я потребовал у Мирового Совета. Первое. Все работы, хоть как-то связанные с этой историей, должны быть засекречены. Сведения о них не подлежат разглашению ни при каких обстоятельствах. Основание: хорошо всем известный закон о тайне личности. Второе. Ни один из «подкидышей» не должен знать обстоятельство своего появления на свет. Основание: тот же закон. Третье. «Подкидыши» должны быть сразу же после рождения разъединены, и в дальнейшем должны быть приняты меры, чтобы они не встречались друг с другом и ничего друг о друге не знали. Четвертое. В дальнейшем они должны получить внеземные специальности. Сами обстоятельства их жизни естественным образом должны затруднять им посещения Земли даже на короткие сроки... Я преследовал только одну цель: когда включится программа, всем этим «подкидышам» должно быть как можно труднее. Пусть он не понимает, что с ним происходит. Пусть у него не будет соратников, с которыми он мог бы посоветоваться и объединиться. Пусть он будет при этом далеко от Земли. И пусть ему будет нелегко попасть на Землю. Мне повезло. На мою сторону встали не только те, кто разделял мои опасения,— таких было меньшинство, но и те, кто опасались за психику «подкидышей». Они считали, что осознание такого необычного своего происхождения способно нанести целовеку психическую травму... Как показал дальнейший опыт, они были тоже правы. Как раз в то время, когда мы с тобой крутились на Саракше, дураки-психологи в порядке эксперимента рассказали одному из «подкидышей» всю правду о его происхождении. Сначала все было хорошо, а на сто тридцатый день он погиб у себя на Горгоне. Скорее всего, покончил с собой. Видимо, это не просто — сознавать, что ты, землянин до

мозга костей, никогда ничего не любивший кроме Земли, несешь в себе, может быть, какую-то страшную угрозу для человечества...

...Первые десять лет все было хорошо. К этим мальчишкам и девчонкам были прикреплены самые лучшие врачи и самые лучшие педагоги. Ребятишки росли самые обыкновенные. В чем-то они были получше, а в чем-то похуже других детей. Потом у них стали появляться эти значки. На сгибе локтя. Припухлость, синяк, а через неделю — родимое пятно странной формы. Я сначала не обратил на это внимания. Потом умные люди принесли и показали мне фотоснимок «детонаторов»...

...Это сейчас мы называем их «детонаторами», а тогда это называлось «элемент жизнеобеспечения пятнадцать дробь а». В недрах саркофага-инкубатора было найдено много удивительных и непонятных вещей, в том числе и этот ящик с тринадцатью гнездами. Тринадцать замысловатых иероглифов. Тринадцать сгибов детских локтей. По значку на локоть. Причем совпадение абсолютное. Вот тогда и было произнесено слово «детонаторы». Мы еще ничего не понимали и не знали тогда, но это выскочило в нашем сознании одновременно: тринадцать загорелых исцарапанных бомб лазают по деревьям и плещутся в речках в разных концах земного шара, а здесь тринадцать детонаторов к ним тихо ждут своего часа...

...Это была, конечно, минута слабости. Ниоткуда не следовало, что диски со значками — это детонаторы к бомбам, возбудители скрытой программы. Просто, когда дело касалось «подкидышей», мы все уже привыкли предполагать самое худшее... Даже сама связь между «детонаторами» и «подкидышами» была поначалу только гипотезой. Потом эта гипотеза подтвердилась...

...«Детонаторами» занялись вплотную. Их обследовали, как умели. И ничего интересного не обнаружили до тех пор пока не было решено разрушить один из них. «Детонатор» номер двенадцать, значок «М»-готическое, был разрушен и не восстановился. А спустя два дня в Северных Андах попала под горный обвал группа молодых туристов. Двадцать семь юношей и девушек во главе с инструктором. Многие получили ушибы и ранения, но все остались живы. Кроме Эдны Ласко. Она была «подкидышем». На локте у нее был значок «М»-готическое. Эксперименты над «детонаторами» были сейчас же прекращены. Но через два года, как я тебе уже говорил, покончил с собой на Горгоне этот несчастный, которому открыли тайну его личности. Он погиб, а через две недели совершенно случайно было обнаружено, что соответствующий «детонатор», хранившийся, как и остальные, в Музее, исчез начисто, не оставив по себе даже пыли...

...Теперь ты понимаешь, каково мне было,

когда ты доложил, что Майя Глумова работает в Музее, да еще в том самом секторе, где хранится футляр с «детонаторами»...

Уже светало, когда Экселенц кончил рассказывать. Замолчав, он грузно поднялся, не глядя на Максима, и пошел снова заваривать кофе.

— Можешь спрашивать, — проворчал он.

«...Теперь с этой тайной на плечах мне ходить до конца жизни, — думал Максим. — Теперь я принимаю на себя еще одну ответственность, о которой не просил и в которой, ей-богу, не нуждался. Теперь я обязан знать хотя бы то, что уже понятно до меня, а желательно — еще больше. А значит, по уши увязнуть в этой тайне, отвратительной, как все тайны, и даже, наверное, еще более отвратительной... Спасибо тебе, Экселенц, что до последнего момента ты старался удержать меня на самом краю этой тайны, и будь ты неладен, что все-таки не сумел и не удержал...»

— У тебя нет вопросов? — осведомился Экселенц.

Максим спохватился.

— То есть вы полагаете, что программа заработала, и он убил Тристана Гутенфельда?

— Мне больше нечего полагать. — Экселенц аккуратно разлил кофе и уселся на место. — Тристан был его наблюдающим врачом. Регулярно раз в месяц они встречались где-то в джунглях, и Тристан проводил профилактический осмотр. Якобы в порядке рутинного контроля за психикой прогрессора, а на самом деле — для того, чтобы убедиться: Абалкин пока остается человеком. На всем Саракше один Тристан знал, что Абалкину запрещено появляться на Земле. Во всем мире один Тристан знал номер моего спецканала. Это спецканал для связи лично с ним... И вот в день, назначенный для осмотра, он гибнет. А Лев Абалкин бежит на Землю, Лев Абалкин скрывается, Лев Абалкин звонит мне по спецканалу Тристана... — Он залпом выпил свой кофе и помолчал, жуя губами. — По-моему, ты не понял самого главного, Мак. Мы теперь имеем дело не с Абалкиным, а со Странниками. Льва Абалкина больше нет. Забудь о нем. На нас идет автомат Странников! — Он снова помолчал. — Я вообще не представляю, какая сила способна была заставить Тристана назвать мой номер кому бы то ни было, а тем более — Льву Абалкину. Ведь его пытали, Тристана...

— Абалкин пытал Тристана?

Экселенц пожал плечами.

— Программа пытал Тристана, — сказал он. — Абалкина больше нет.

— И вы полагаете, что сейчас программа гонит его на поиски «детонатора»?

— Мне больше нечего предполагать.

— Но ведь он ничего не знает о «детонаторах»!.. Или это Тристан ему рассказал?

— Тристан ничего не знал о «детонаторах». И Абалкин ничего не знает. Знает программа!

— Подождите,—сказал Максим.— А как же остальные... одиннадцать, десять, сколько их там?

— Все в пределах нормы пока. Но ведь и значки появились у них не одновременно. Абалкин был самым первым. И у него у первого включилась программа. И слава богу, это дает нам хоть какой-то шанс. Мы можем сейчас следить за ним и теперь будем знать, как это с ними происходит... хоть немного сумеем подготовиться...

Максим сильно потер ладонями лицо.

— Экселенц,—сказал он.— Вы только поймите меня правильно, прошу вас. У меня нет сейчас цели смягчить, сгладить, приуменьшить... Но ведь вы не видели его. И вы не видели людей, с которыми он общался... Я все понимаю: гибель Тристана, бегство, звонок по вашему спецканалу, скрывается, выходит на Глумову с «детонаторами»... Этакая безупречная логическая цепочка. Но, Экселенц, это ведь только логика! Вы избрали гипотезу о программе, и получается вот такая логика! Возьмите другую гипотезу, и появится какая-то другая логика, которая все эти факты отлично объяснит...

— Например?

— Я не могу сейчас ничего придумать. Если вы прикажете, я придумаю. Уверен в этом. Я другое хочу сказать. Обратите внимание: встречается с Глумовой — и ни слова о Музее, только детские воспоминания и любовь. Встречается с учителем — и только обида, будто бы учитель испортил ему жизнь... Разговаривает со мной — обида, будто я украл у него приоритет... Кстати, в рамках вашей логики, зачем ему вообще было встречаться с учителем? Со мной — еще туда-сюда: хотел проверить, кто его отслеживает. А учитель здесь при чем? Теперь Щекн — дурацкая просьба об убежище... Это уже вообще ни в какие ворота не лезет!

— Лезет, Мак. Все лезет. Все так, как я и ожидал. Ты пойми: программа программой, а сознание сознанием. Он сам не понимает, что с ним происходит. Странники — не люди, и поэтому программа требует от него нечеловеческого. У него нет понятий для этого, ни слов, ни даже образов, поэтому он мечется, поэтому он совершает странные, нелепые поступки... Для этого и нужна была тайна личности, у нас есть теперь хоть какой-то запас времени. Представь себе, что он шел бы прямо к цели. Ни черта бы мы не успели его остановить, все было бы кончено еще третьего дня... А насчет Щекна ты не понял ни черта. Никакой просьбы об убежище там не было. Просто головы не люди, они почуяли, что он больше не человек, и демонстрируют нам свою лояльность... Я вижу, ты сомневаешься.

— Я видел его, Экселенц. Я видел учителя, и я видел Глумову. Он мечется. Да, он совер-

шает странные поступки. Да. Только нелепого в этих поступках ничего нет. Есть какая-то цель, которой я не понимаю. И «детонаторы» здесь ни при чем... Поймите, Экселенц, он жалок, он несчастен. Я не вижу в нем ничего опасного... Можно еще кофе?

Экселенц поднялся и пошел заваривать новую порцию.

— Сомневаешься...—сказал он, стоя к Максиму спиной.— Счастливчик. Я бы и сам сомневался, если бы мог себе это позволить. Ты меня знаешь, Мак, я старый рационалист, я понавидался всякого, и я всегда шел от разума, и разум никогда не подводил меня. Мне отвратительны все эти фантастические кунштюки, все эти таинственные программы, составленные кем-то там пятьдесят пять тысяч лет назад... которые, видите ли, включаются и выключаются по непонятному принципу! Все эти мистические внепространственные связи между живыми душами и дурацкими кругляшками, запрятанными в футляр... Меня с души воротит от всего этого!

Он принес кофе и разлил по чашкам.

— Если бы мы с тобой были обыкновенными учеными,—продолжал он,—и просто занимались бы изучением некоего явления природы, с каким наслаждением я объявил бы все это цепью идиотских случайностей! Случайно погиб Тристан — что ж, не он первый, не он последний. Подруга детства Абалкина случайно оказалась хранительницей «детонаторов». Сам он совершенно случайно набрал номер моего спецканала, хотя собирался звонить кому-то другому... Клянись тебе, самое маловероятное сцепление маловероятных совпадений казалось бы мне все-таки гораздо более правдоподобным, чем идиотское, бездарное предположение о какой-то там вельзевуловой программе, которую заложили в человеческий зародыш... Но в том-то и дело, что мы с тобой не ученые. Ученый может ошибаться, каждая его ошибка — это, в конце концов, его личное дело. А мы ошибаться не должны. Нам все простят: невежество, мистицизм, суеверную глупость... одного нам не простят — если мы недооценили опасность. Если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флюктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры... вплоть до организации производства святой воды. И если окажется, что это была всего лишь флюктуация, и если над нами будет хохотать весь Мировой Совет и все школяры впридачу — слава богу, мы сделали все, что могли...

Он с раздражением отодвинул от себя чашку.

— Не могу я пить этот кофе, и есть я не могу уже четвертый день подряд...

— Экселенц,—сказал Максим.— Ну что вы в самом деле... Ну почему обязательно черт с

«Элита-89»

J. Edgar Hoover
Director

рогами... В конце концов, что плохого мы можем сказать о Странниках? Мы же ничего про них не знаем совсем. Все-таки это сверхцивилизация... Это стало уже общим местом: сверхцивилизация может нести только добро.

— Сверхцивилизация может нести также еще и сверхдобро! А я не знаю, что это такое. И откровенно говоря, знать не хочу.

— Ну ладно,— сказал Максим.— Дело даже не в этом. Пусть даже вы правы: программа, детонаторы, черт с рогами... Ну что он нам может сделать, в конце концов? Ведь он же один!

— Мальчик,— произнес Экселенц почти нежно.— Ты думаешь над этим едва полчаса, а я ломаю голову вот уже сорок лет. И не только я, люди поумнее меня. И мы ничего не придумали, понимаешь? Не придумали ничего такого, на что можно было бы опереться. И никогда ничего не придумаем, потому что самые умные и опытные из нас— это всего-навсего люди. Не сверхлюди, а просто люди... Мы не знаем, чего они хотят. Мы не знаем, что они могут. И никогда не узнаем. Единственная надежда наша, что мы будем обязательно совершать шаги, которых они не предусмотрели. Даже они не могли предусмотреть ее. Этого никто не может. Наверняка они предполагали, что мы найдем саркофаг веков этак через пять, а мы нашли его сейчас... Может быть, через пять веков человечество вообще утратит представление о зле и никому в голову уже не придет... не пришло бы... тьфу... в голову не придет принимать меры против «подкидышей»... Правда, с другой стороны мы эти меры приняли, но, может быть, этого и не надо было делать?.. Или вот мы решили сейчас не допускать взбесившегося Абалкина к детонаторам. А может быть, именно этого они от нас и ждут?

Он положил лысый череп на ладони и заматал головой.

— Мы все устали, Мак,— проговорил он.— Как мы все устали! Мы уже больше не можем думать на эту тему. От усталости мы становимся беспечными. Большинство Комиссии верит уже в гипотезу «жук в муравейнике». Ах, как хочется верить в это! Представляешь, какие-то умные дяди из чисто научного любопытства сунули в муравейник жука и с огромным прилежанием регистрируют нюансы муравьиной психологии... А муравьи-то перепуганы, а муравьи-то суетятся, жизнь готовы отдать за родимую кучу... и невдомек им, беднягам, что жук слезет, в конце концов, с муравейника да и побредет своей дорогой, не причинивши никому никакого вреда... Представляешь, Мак? Никакого вреда! Не суетитесь, муравьи, все будет хорошо... А если это не жук в муравейнике? А если это хорек в курятнике? Ты знаешь, что это такое, Максим,— хорек в курятнике?..

И тут он взорвался. Он грохнул кулаком по

131 столу и заорал, уставясь на Максима бешеными зелеными глазами:

— Мерзавцы! Сорок лет они у меня вычеркнули из жизни! Сорок лет они делают из меня муравья! Я ни о чем другом не могу думать, я сделался трусом, я шарахаюсь от собственной тени, я не верю собственной бездарной башке... Ну что ты вытаращился на меня? Через сорок лет ты будешь такой же, а может быть, и гораздо скорее, потому что события пойдут вскачь! Они пойдут так, как мы, старичье, и не подозревали, и мы всем гуртом уйдем в отставку, потому что нам с этим не справиться. И тогда все это навалится на вас! Да только вам с этим тоже будет не справиться, потому что вы...

Он замолчал. Он уже смотрел не на Максима, а мимо него. И он медленно поднимался из-за стола. Максим обернулся.

На пороге, в проеме распахнутой двери, стоял Лев Абалкин.

— Лева! — произнес Экселенц изумленно-растроганным тоном.— Боже мой, дружище! А мы тут с ног сбились, вас разыскивая!

Лев Абалкин сделал неуловимое движение и вдруг сразу оказался возле стола.

— Вы— Рудольф Сикорский, начальник КОМКОНа,— произнес он тихим, удивительно бесцветным голосом.

— Так оно и есть,— отозвался Экселенц, радушно улыбаясь.— А почему столь официально? Садитесь, Лева.

— Я буду говорить стоя,— сказал Лев Абалкин.

— Бросьте, Лева, что за церемонии? Садитесь, прошу вас. Ведь нам предстоит долгий разговор, не правда ли?

— Нет, неправда,— сказал Абалкин. На Максима он даже не глянул.— У нас не будет долгого разговора. Я не хочу с вами разговаривать. Экселенц нахмурился.

— Как это — не хотите? — спросил он.— Вы, дорогой, на службе, вы обязаны отчетом. Мы до сих пор не знаем, что случилось с Тристаном... Как это — не хотите?

— Я один из тринадцати? — спросил Абалкин.

— Черт бы побрал этого дурака Бромберга...— проговорил Экселенц с досадой.— Да, Лева. К сожалению, это так. Вы один из тринадцати.

— Мне запрещено находиться на Земле? И всю жизнь я должен оставаться под надзором? — Да, Лева. Это так. К сожалению.

Абалкин вполне владел собой. Лицо его было совершенно неподвижно, и глаза были полузакрыты, словно он дремал стоя. Чувствовалось однако, что человек находится на последнем градусе бешенства.

— Так вот, я пришел сюда сказать,— произ-

нес он все тем же тихим бесцветным голосом,— что вы поступили со мной и всеми нами глупо и гнусно. Вы исковеркали мою жизнь, и в результате ничего не добились. Я—на Земле и больше никогда Землю не покину. Прошу вас иметь это в виду. Прошу иметь в виду также, что и надзора вашего я больше не потерплю и буду избавляться от него без всякой пощады.

— Как вы избавились от Тристана? — небрежно спросил Экселенц.

Абалкин, казалось, не слышал этой реплики.

— Вы предупреждены,— сказал он.— Я вас предупредил, и теперь пеняйте на себя. Я намерен теперь жить по-своему, и прошу больше не вмешиваться в мою жизнь.

— Хорошо. Мы не будем вмешиваться. Но скажите мне, Лев, разве вам не нравилась ваша работа?

— Теперь я сам буду выбирать себе работу.

— Очень хорошо. Великолепно. А в свободное от работы время пораскиньте, пожалуйста, мозгами. Попробуйте представить себя на нашем месте. Как бы вы поступили с «подкидышами»?

Что-то вроде усмешки промелькнуло на лице Абалкина.

— Здесь нет материала для размышлений,— сказал он.— Здесь все очевидно. Надо было с самого начала рассказать мне всю правду, сделать меня своим сознательным союзником...

— А вы бы через пару месяцев покончили с собой? Как это случилось с Томасом Нильсоном... Это ведь страшно, Лева, ощущать себя угрозой для человечества, это не всякий выдержит...

— Чепуха. Это все выдумки ваших психологов. Я—землянин. Когда я узнал, что мне запрещено жить на Земле, вот когда я чуть не спятил! Только разумным роботам запрещено быть на Земле. И вот я мотался, как сумасшедший, по всему миру, искал доказательства, что я не робот, что у меня на самом деле было детство, что я на самом деле когда-то работал с головами, что моя память—это моя память, настоящая, а не искусственная. Вы боялись свести меня с ума? Ну, так это вам почти удалось!

— А кто сказал, что вам запрещено жить на Земле?

— А что—это неправда? — осведомился Абалкин.— Может быть, мне разрешено жить на Земле?

— Теперь—не знаю... Наверное, да. Но судите сами, Лева! На всем Саракше только один Тристан Гутенфельд знал, что вам не следует возвращаться на Землю. Но сказать это вам—он не мог... Или все-таки сказал?

Абалкин молчал. Лицо его по-прежнему оставалось неподвижным, но на матово-бледных щеках проступили серые пятна. Словно следы старых лишаев.

— Ну, хорошо,— сказал, подождав, Экселенц.

Он демонстративно разглядывал свои ногти.— Пусть Тристан вам это все-таки рассказал. Не понимаю, как он мог себе это позволить, но— пусть. Тогда почему он не рассказал вам остальных? Почему не объяснил причин запрета? Ведь были же причины—и весьма существенные, что бы вы об этом ни думали...

Медленная судорога прошла по серому лицу Абалкина, оно вдруг потеряло твердость и словно бы обвисло.

— Я не хочу об этом говорить,— громко и хрипло произнес он.

— Очень жаль,— сказал Экселенц.— Нам это очень важно.

— А мне важно только одно,— сказал Абалкин.— Чтобы вы оставили меня в покое.

Лицо его сделалось, как прежде, твердым. Глаза вновь полужакрылись, он снова сделался спокоен.

Экселенц заговорил—теперь уже совсем другим тоном:

— Лева. Разумеется, мы оставим вас в покое. Но я умоляю вас: если вы вдруг почувствуете в себе что-то непривычное... непривычное ощущение какое-нибудь... какие-нибудь странные мысли... просто больным вдруг себя чувствуете... Умоляю вас, сообщите об этом. Ну, пусть не мне, Горбовскому, Комову, Бромбергу, в конце концов...

Тогда Абалкин повернулся к нему спиной и пошел к двери. Экселенц почти кричал ему вслед, протягивая руку:

— Только сразу же! Сразу! Пока вы еще землянин! Пока вы не превратились в автомат! Пусть я виноват перед вами, но Земля-то перед вами не виновата ни в чем!..

— Сообщу, сообщу,— пренебрежительно сказал Абалкин через плечо.— Лично вам сообщу.

Он вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Несколько секунд Экселенц молчал, вцепившись руками в подлокотники кресла. Он напряженно прислушивался. Потом скомандовал вполголоса:

— За ним. Ни в коем случае не упускать. Я буду в Музее.

Выйдя из здания КОМКОНа, Лев Абалкин праздной походкой проследовал по улице Красных Кленов, зашел в кабину уличного видеофона и с кем-то переговорил. Разговор длился две минуты с небольшим, после чего Абалкин, все так же неторопливо, заложив руки за спину, свернул на бульвар и устроился там на скамейке возле постаментов с барельефом Строгова.

Он очень внимательно прочитал все, что было высечено на постаменте, потом рассеянно огляделся и некоторое время сидел в позе человека, отдыхающего от тяжелой работы: раскинул руки

поверх спинки скамьи, откинул голову и вытянул на середину аллеи скрещенные ноги.

К нему собрались белки, одна прыгнула на плечо и ткнула мордочкой ему в ухо. Он громко рассмеялся, взял ее в ладони и, подобрав ноги, посадил на колено. Белка так и осталась сидеть. Кажется, он разговаривал с нею.

Солнце только что взошло, улицы были почти пусты, а на бульваре, кроме Абалкина, не было ни души.

Максим наблюдал за ним из укрытия.

«...Вряд ли он не знает, что я за ним наблюдаю,— думал Максим.— Знает, конечно. Прогрессор новой школы. Профессионал... Ладно, с ним я разберусь. Экселенц— вот кто меня беспокоит по-настоящему. Не понимаю. Он убежден, что программа работает. Что разговаривать с Абалкиным бессмысленно. И он все-таки разговаривает с ним. И он отпускает Абалкина. Вместо того чтобы взять его прямо в кабинете и отдать в распоряжение врачей и психологов, он его отпускает... Над Землей нависла угроза. Чтобы ее предотвратить, пока достаточно просто изолировать Абалкина. Это можно сделать самыми элементарными средствами. Но он отпускает Абалкина, а сам идет в Музей. Это может означать только одно: он совершенно уверен, что Абалкин в ближайшее время тоже явится в Музей. Зачем? За «детонаторами». Зачем же еще...»

«...Казалось бы, чего проще — сунуть эти «детонаторы» в списанный звездолет и загнать в подпространство до окончания времен. И — нет проблем. Нельзя. Уничтожить «детонаторы» нельзя — все эти бедняги погибнут. Неизвестно даже, можно ли их загонять на край Вселенной, не говоря уже о подпространстве...»

«...Экселенц сказал: «мы можем проследить за ним и узнать, как это с ними происходит»... На будущее. Когда включится программа следующего, мы уже будем готовы... Значит, получается так. Абалкин является в Музей. А там его уже ждут. Мой Гришка и Экселенц...»

«...Экселенц его убьет. Господи помилуй! Он сидит здесь и играет с белочками, а через час Экселенц его убьет! Это же просто, как репа. Экселенц никогда не обнажает оружие, чтобы напугать или произвести впечатление, он уже готов был убить Абалкина этой ночью, и сейчас он сидит там в засаде только с одной целью: чтобы досмотреть это кино до конца, чтобы своими глазами увидеть, как все это происходит, как автомат Странников отыскивает дорогу, как он обнаруживает футляр — глазами? по запаху? шестым чувством? — как он открывает этот футляр, как выбирает свой «детонатор», что он намеревается делать с детонатором... и все. И ни секунды дольше. В эту секунду Экселенц нажмет спусковой крючок, потому что дальше riskовать

он не станет... Ну нет. Этого я не допущу. Этого не будет. Хватит».

Максим вышел из укрытия и направился прямо к Абалкину. Когда он подошел, Абалкин глянул на него искоса и отвернулся. Максим присел рядом на скамью.

— Лева,— сказал он.— Уезжайте отсюда. Сейчас же.

— По-моему, я просил оставить меня в покое,— сказал Абалкин прежним тихим и бесцветным голосом.

— Вас не оставят в покое. Дело зашло слишком далеко. Вы для них больше не Лева Абалкин. Они считают, что Левы Абалкина больше нет. Вы для нас — автомат Странников.

— А вы для меня — банда ополумевших от страха идиотов.

— Не спорю,— сказал Максим.— Но именно поэтому вам надо удирать отсюда как можно дальше и как можно быстрее. Отправляйтесь на Пандору, Лева. Поживите там несколько месяцев, докажите им, что никакой программы внутри вас нет.

— А зачем? — произнес он.— Чего это ради я должен кому-то что-то доказывать? Тем более — ополумевшим идиотам... Это, знаете ли, унижительно.

— Лева,— сказал Максим.— Представьте себе, что вы встретили компанию перепуганных детишек. Неужели вы посчитали бы унижительным покривляться перед ними и повалить дурака, чтобы их успокоить?

Абалкин впервые поглядел Максиму прямо в глаза.

— Зря стараетесь,— сказал он.— Я не позволю больше загнать меня на край Вселенной. Прекратите свою болтовню и оставьте меня в покое. Мне пора.

Он осторожно отогнав белок и поднялся. Максим тоже поднялся.

— Лева,— сказал он с отчаянием.— Вас убьют.

— Ну, это не так просто сделать,— небрежно отозвался Абалкин и пошел вдоль аллеи.

Максим пошел рядом с ним. Он все время говорил. Нес какую-то чушь...

— Вы не имеете права обижаться,— говорил он убедительно.— То есть имеете, конечно, я понимаю, они испортили вам жизнь... Но ведь и их тоже надо понять, они сорок лет живут как на иголках, они не знают, чего можно ожидать... Глупо же, глупо! Riskовать жизнью из одной только гордости... Вы сейчас жизнью рискуете, поймите вы наконец...

Абалкин только улыбался в ответ. Поведение Максима, видимо, забавляло его. Они дошли до конца аллеи и свернули на Сиреневую улицу. Вдали была уже видна площадь Звезды и громада Музея. Абалкин безусловно шел в Музей. Продолжая болтать, Максим спокойно и хлад-

нокровно размышлял: «...Людей многовато на улицах... Впрочем, ничего страшного. Просто моему другу Льву Абалкину стало дурно, с каждым может такое случиться, надо только побыстрее доставить пострадавшего к ближайшему врачу... Я доставлю его на наш ракетодром, это недалеко, он даже не успеет очухаться. Там всегда наготове два-три дежурных звездолета. Я вызову туда Глузову, мы погрузимся втроем и высадимся на зеленой Ружене в моем старом лагере. По дороге я им все объясню. Провались она в тартарары — тайна личности Льва Абалкина, уж кто-кто, а Майя Глузова имеет право знать обо всем... Так. Вон у обочины свободный глайдер. Подходит. Как раз то, что нужно...»

И в этот момент Лев Абалкин отключил его. Когда Максим очухался, он был словно на дне колодца, на него сверху вниз встревоженно глядели незнакомые лица, кто-то предлагал потесниться и дать ему больше воздуха, кто-то заботливо подсовывал к самому носу ободряющую ампулу, а рассудительный голос вещал в том смысле, что никаких оснований для тревоги нет — человеку просто стало дурно, с каждым может случиться...

Максим сел. Его поддерживали за плечи.

— Сидите, сидите, пожалуйста, вам просто стало дурно...

— Очнулся, значит, все в порядке...

— Не беспокойтесь, сейчас будет врач, ваш друг уже побежал за врачом...

Максим поднялся и принялся проталкиваться сквозь толпу сочувствующих. Ноги плохо слушались его. Он заставил себя побежать. Музей был совсем близко. Максим бежал. Все было, как в повторном сне. Он бежал из залы в залу, лавируя между стендами и витринами, как шесть часов назад, — среди статуй, похожих на бессмысленные механизмы, среди механизмов, похожих на уродливые статуи, только теперь все вокруг было залито ярким светом, и он был один, и ноги под ним подкашивались, и он повторял про себя: «Опоздал... Опоздал... Опоздал...»

Треснул выстрел. Максим споткнулся на ровном месте. «Все. Конец». Он побежал из последних сил. Треснули один за другим еще два выстрела. Максим ворвался в мастерскую Майи Глузовой и остановился на пороге.

Лев Абалкин лежал посередине мастерской на спине.

Экселенц, огромный, сгорбленный, с револьвером в отставленной руке, мелкими шажками осторожно приближался к нему.

А с другой стороны, придерживаясь за край стола обеими руками, к Абалкину приближалась Глузова.

А в дальнем углу комнаты из обломков какой-то разрушенной мебели поднимался Григорий Каммерер-младший, и лицо его было залито кровью.

Лицо Глузовой было неподвижно, глаза страшно и неестественно скошены к переносице. Шафранная лысина Экселенца была покрыта крупными каплями пота. И стояла тишина.

Лев Абалкин был еще жив. Пальцы его правой руки бессильно и упрямо скребли по полу, словно пытались дотянуться до валяющегося в сантиметре от них серого диска со значком в виде стилизованной буквы «Ж».

Максим шагнул к Абалкину и опустился возле него на корточки.

— Прочь! — предостерегающе гаркнул Экселенц.

Абалкин стеклянными глазами смотрел в потолок. Максим потрогал его за плечо. Окровавленные губы Абалкина шевельнулись, и он проговорил:

— Стояли звери... около двери...

— Лева, — позвал Максим.

— Стояли звери около двери... — повторил Абалкин настойчиво. — Стояли звери...

И тогда Майя Тойвовна Глузова закричала. И серый диск со знаком «Ж» рассыпался в прах и исчез.

Спустя годы и годы Максим Каммерер сидел в кабинете Экселенца за столом Экселенца и в кресле Экселенца. Перед ним лежала раскрытая папка, и он снова перебирал фотографии: Лев Абалкин в детстве, Лев Абалкин — курсант, Лев Абалкин — имперский офицер... Были там и фотографии Майи Глузовой, и старого учителя, и даже годована Щекна.

«...Двадцать пять лет прошло с тех пор, — думал Максим. — Четверть века. Мы так ничего и не сумели понять. Мы так и не узнали, что произошло с Тристаном Гутенфельдом. Мы так и не разгадали тайну «детонаторов». Оставшиеся десять «подкидышей» благополучно здравствуют и работают, по-прежнему ничего не зная ни друг о друге, ни о тайне своего происхождения. Несмотря на мои настойчивые требования, Мировой Совет так и не решился раскрыть их тайну и предать гласности историю Льва Абалкина... Тем более что мы так и не знаем до сих пор, что же это было: проявление загадочной и страшной программы или роковая цепь случайностей, порожденная страхом, подозрениями и тайной...»

Рис. Андрея Карапетяна

В прошлогоднем августовском номере, продолжая наши коллективные интервью с писателями-фантастами, мы предложили читателям задавать вопросы лауреату «Аэлиты»-87, ленинградской писательнице Ольге Ларионовой. Полученную почту мы передали Ольге Николаевне — и вот теперь публикуем ее ответы...

Ольга ЛАРИОНОВА:

В обществе — НОСТАЛЬГИЯ по герою...

— Братья Стругацкие и Кир Булычев, отвечая на наши письма, рассказывали о своих взглядах на развитие советской фантастики. Интересно узнать и ваше мнение...

— Мой взгляд на развитие советской фантастики? Что ж... Только не буду повторяться и говорить о ее прошлом: о нем сказано много и подробно, хотя бы в тех же ответах Булычева и Стругацких. Скажу о ее настоящем, отчасти — о будущем.

Сейчас, естественно, созрело новое поколение. Реальность фантастична: это не просто те, кто на десять-двадцать лет моложе нас, нет, это люди, сформировавшиеся в иных условиях.

Что я имею в виду? Поясню.

В формировании этого нового поколения огромную роль сыграл видеоряд, которого мы были лишены: телевидение, пропитавшее нашу жизнь, новое — иное, чем в дни нашей юности, — кино. И музыка у этого поколения своя и совершенно иная, да и сам темп жизни иной — повышенный. Ведь даже синтетика, употребляемая в пище и одежде, вызывает изменения в поведении, создает иной его тип: эти люди более раздражительны, более остро реагируют на все, поскольку изменился даже гармональный баланс человека. Сказанное относится, естественно, в равной степени и к пишущим, и к читателям. Среди этих последних уже трудно найти таких, кто читал бы писателя целиком: всего Франса, всего Стендаля или, к примеру, всего Толстого — любого из однофамильцев... У этого поколения новый культурный базис. Новые имена — в том числе из старых, но пре-

жде не доступных. Иные кумиры, иные ориентиры в творчестве. Иной взгляд на прошлое, настоящее, будущее...

Понятно, что среди представителей этого поколения в литературе есть и будут писатели и талантливые, и бесталанные, обязательное их отличие от нас — не в том, что они лучше или хуже (это-то они пусть выясняют между собою), а просто они — иные. Какого-либо четкого противостояния, проблемы «отцов» и «детей» у нас, считаю, нет.

Кстати, у нашей «новой волны» — более острая и быстрая реакция на современные социальные проблемы, это хорошо можно увидеть по нынешним сборникам, где рядом со старшим поколением представлены молодые.

— Хотелось бы узнать, что вы думаете о перспективах развития «космической оперы».

— «Космическая опера» получила и у нас право на существование, а теперь — уж как повезет ей с авторами. Именно от этого зависит ее судьба. Если будут писать те, кому она по душе, и писать будут с удовольствием и юмором, вкладывая и не жалея вот эту свою авторскую душу, то и сказки «о прекрасных принцессах, отважных рыцарях и жгучих тайнах» не затеряются рядом с самыми безукоризненно научными романами.

К слову сказать, автора одного из писем этот подзаголовок — «космическая опера» — явно ввел в заблуждение: заставил вслушиваться в каждую строчку, искать в ней музыку... Нет, к музыке этот жанр фантастики никакого отношения не име-

ет, просто таково юмористическое название, данное еще перед войной популярным в Америке произведениям о космических похождениях супергероев.

Сам же этот вопрос продиктован, как нетрудно догадаться, тем, что буквально год назад — и именно в «Уральском следопыте» — опубликована моя повесть «Чакра Кентавра». (Редакция предложила для нее параллельное — более, на ее взгляд, поэтичное — название: «Звездочка-Во-Лбу»; возражать против него в журнальной публикации я не стала — не было оснований). Многие — особенно молодые — читатели «Уральского следопыта», к сожалению, почти ничего не знают больше из того, что мною написано: слишком ощутимо дает знать о себе один из парадоксов фантастики — сложность ее издания. Вы можете многократно переиздавать (в разных издательствах) откровенно серое нефантастическое сочинение — Госкомиздат попросту не заметит его среди тысяч других книг. Фантастику же, в силу ее малочисленности у нас, легко держать под контролем: она вся на виду. И контроль этот с давних пор имеет необъяснимо жесткий характер: даже лучшие произведения современных авторов издаются лишь единожды — на долгие годы. Исключение составляют отдельные книги отдельных авторов; переиздание же классики, нашей и зарубежной, не в счет, поскольку только с помощью классики нам никогда не покончить с искусственным и оттого особенно острым дефицитом фантастики. Тем дефицитом, от которого, замечу, страдают не одни лишь авторы НФ и ее читатели, но

и общество в целом. Ведь роль фантастики в развитии воображения, чисто экономическая отдача от ее чтения общепризнана ныне и с успехом используется во всем мире. Не отрицается она и у нас. Но, как во многом ином, и тут слово у нас не подтверждается делом... Положение обидное и, главное, непонятное.

— Как была написана «Чакра Кентавра»!

— Вот-вот: подавляющее большинство писем — именно о ней...

Многие читатели журнала спрашивают об этом: каким образом она появилась на свет, не характерная для советской фантастики, да и для меня тоже? И очень много комплиментов в письмах: что написана легко, даже изящно, с определенным духом рыцарства... Об изяществе судить не берусь, это дело критики, что же касается легкости письма — доля истины в этом есть.

Действительно: пишу обычно с трудом и очень медленно, а «Чакра» была написана на одном дыхании.

Писала ее под впечатлением самостоятельных переводов Роджера Желазни и других хороших «космических опер», по принципу: а я что, не могу? Как когда-то с «Леопардом с вершины Килиманджаро» — не считала, что повесть будет напечатана. Писала легко, с таким авторским заданием — вогнать в нее все аксессуары «космической оперы»: герой-супермен, его двойник, верный друг, прекрасная принцесса (из духа противоречия сделала все-таки ее брюнеткой: обычно она непременно белокурая), консерватор-король, мерзавцы-принцы, несчастная любовь в начале, все виды оружия — от первобытных мечей до сверхсовременных десинторов, а также драконы, кентавры, призраки и магические карты... По мере написания использованное отмечала «птичкой», остальное появлялось само собой. Такое, вероятно, бывает у безудержных вралей — такое было и со мною: сама удивлялась, как здорово поддельваю под стиль, который мне казался соответствующим «космической опере» и который шокирует критиков, принимающих его за чистую монету...

— Зачем вам понадобилось явление землян на Джаспере — ужели джасперяне не могли справиться с крзгами сами? Так ли необходима была гибель Гаррэля — ведь у сказки должен быть хороший конец! Согласны ли вы, что крзги — это символ застойных времен с их бездуховностью, соглашательством, всеобщим безразличием?

— Прежде всего, у меня не было ни малейшей мысли отражать период застоя либо времена культуры — как не было, надо полагать,

у А. С. Пушкина мысли о том, чтобы дать в «Евгении Онегине» типичного представителя дворянства в период разнузданной тирании... Просто так уж мы, читатели, устроены, что невольно подгоняем произведение под свой уровень мысли — ведь и в «Гамлете» сейчас видим современные проблемы...

О землянах на Джаспере. Ну, во-первых, не правы те, кто ссылается на Асмур, заподозрившего крзгов в вероломстве, и заключает из этого, что джасперяне могли бы справиться со своей бедой без постороннего вмешательства. В повести Асмур ничего понять не успел — он же погиб в первой битве с кентаврами. А во-вторых, раз уж столько веков сами джасперяне были бессильны перед крзгами — стало быть, и впрямь нужен был кто-то со свежим, непредвзятым взглядом на положение вещей. К сожалению, не только обитатели фантастического Джаспера, но и люди совершенно реальной нашей Земли умудрялись иной раз обманываться по многу веков...

Сказке — хороший конец? Но — обязательно ли? Самая моя любимая сказка — «Русалочка»; счастливым ее финал не назовешь... Конечно, хорошо бы всех переженить — и чтоб все жили долго и счастливо; правда, гриновская формулировка «и умерли в один день» прочитывается сегодня как-то не очень жизне-радостно, такого сегодня уже не пожелаешь... Всем бы счастья — и по ровну, как в «Пикнике на обочине», но так не бывает в жизни, значит, неправомерно это и в фантастике.

Литературные произведения пишутся, чтобы оказать какое-то воздействие на читателя. Человек устроен, к сожалению, так, что трагический исход действует на него сильнее, более результативен в воспитательном плане. Мне и самой жалко своих героев, насколько я знаю — и не только мне. В одном из самых первых моих рассказов («Перебежчик») как раз говорится о неумолимой жалости автора к его героям, внутреннем сопротивлении неумолимой для них гибели... И потом, авторы тоже бывают разные: бывают веселые, бывают мрачные; я — автор трагический, уже заработала такое вот определение...

К слову сказать, мне бросилось в глаза странное воздействие «Чакры» на читателей: пишут о ее поэтичности — и сами их письма становятся поэтичными. (А в одном из них я обнаружила и стихи, посвященные Джасперу, — они напомнили мне песни Райслинга из «Зеленых холмов Земли»). И уже в главном герое видят — с этих романтических позиций — некоторую заземленность, даже вульгарность...

А ведь он — рядовой, обычно-

венный земной космолетчик, такой, каковы сейчас десятки тысяч работников воздушного транспорта, всего лишь с полвека назад олицетворявшего собою безудержно смелый (вспомните первых Героев Советского Союза, вспомните Валерия Чкалова!) прорыв в будущее...

«Чакра» писалась почти пародийно, но потом, оценивая уже написанное, я вспомнила, что в течение двадцати лет мечтала написать увлекательную авантюрную повесть. Однажды даже попыталась это сделать, но получилась «Вахта «Араμισа» — вещь, которую я считаю одной из самых неудачных... Кроме того, тоже буквально со школьной скамьи, жила во мне какая-то неудовлетворенная любовь к псевдорыцарскому роману. И пожалуй, «Чакра Кентавра» — в большей степени все-таки рыцарский роман, чем «космическая опера». А в рыцарских романах, что характерно, очень часто погибают положительные герои — во имя чести, доблести, любви, верности.

Между прочим, еще совсем недавно могло казаться, что благородные эти идеалы бесследно канули в прошлое и уж никогда больше не будут востребованы чересчур прагматичным нашим обществом. К счастью, торжество прагматизма, как бывало всегда, и на этот раз не было конечным: сегодня нам, нашему обществу вновь потребовались люди смелые, чистые, благородные, элементарно — вполне по-старомодному — порядочные. Но в приказном порядке таких людей не воссоздашь: слишком долго означенные качества выдавались за анахронизм, откровенно высмеивались и обесценивались. Теперь нужна долгая воспитательная работа — и литература, как всегда заблаговременно, уже приступила исподволь к этой работе. В том числе (и едва ли — не в первую очередь) и фантастика: чутко уловив ностальгию общества по герою, она давно уж занялась поисками образцов для подражания. Достаточно вспомнить хотя бы то, что печаталось в «Следопыте»: мир добрых мастеров С. Другаля, героическую сказку «Срубить Крест» В. Фирсова, вполне трагедийную «Голубятню на желтой поляне» В. Крапивина...

Нетрудно предсказать, что ближайшее будущее именно за такой — героической — фантастикой.

Столь же нетрудно вот этой же ностальгией по герою объяснить и всплеск интереса (особенно — у молодых: и авторов, и читателей) к той разновидности НФ, которую мы еще вчера бездумно и полупрезрительно именовали «боевиками»...

— Думаете ли вы продолжать «Чакру Кентавра»? И не кажется ли вам возможной ее экранизация!

— Об экранизации «Чакры» идет речь в целой группе писем; не прочь пометчать увидеть ее на экране и я. При этом совершенно согласна с Н. Рысевой (Набережные Челны): это должен быть мультипликационный фильм, в двух сериях. А в игровом кино — не получатся крылатые кони, не получатся крзги...

Но писать сценарий по «Чакре» не собираюсь: мало времени, не могу позволить себе повторять себя же, пусть даже и в ином жанре. Пускай уж занимаются этим (если заинтересуются) профессионалы: любое дело нужно делать умеючи, профессионально, во всяком случае — стремиться к этому.

Не буду ее — «Чакру» — и продолжать либо дописывать, как отом просит кое-кто из читателей (в одном из писем даже изложен подробный план-проспект романа в четырех частях под общим названием «Крзг»: «Чакре» предложена судьба 3-й его части...). Повесть писалась в определенном состоянии души, с определенным настроением, это была игра с самой собой... Возьмись я за нее сейчас — получилось бы, скорее всего, хуже. Тем более что продолжения и вообще-то, как правило, не удаются; я практически не припомню исключений из этого правила...

Кстати, вопреки мнению читательницы из Ейска Краснодарского края, никаких глав в публикации «Следопыта» не пропущено, журнальный вариант «Чакры» ничем не отличается от книжного. Просто: если бы я стала подробно описывать все приключения каждого из героев, повесть потеряла бы свою динамику. Поэтому о некоторых событиях упомянуто одной фразой, — автор считает, что этого вполне достаточно.

— Не собираетесь ли вы напечатать в «Уральском следопыте» что-нибудь подобное? Планируете ли выход книги?

— Стараюсь не писать произведений, подобных уже написанным, и каждую новую вещь стараюсь писать так, как еще не писала.

Выход книг планирует Госкомиздат — автору остается только радоваться, когда они выходят, и суеверно помалкивать, пока не окажется в руках сигнальный экземпляр.

А в «Уральском следопыте»... Жизнь продолжается — продолжается и моя дружба с журналом, когда-то напечатавшим ведь и «Сказку королей», а в недавнем 1987 году вручившим мне свою «Азлиту». От чего же и не допустить, что эта дружба со временем будет вновь подкреплена публикацией на страницах журнала? Впрочем, тотчас огорюсь: новых моих рукописей в портфеле «Следопыта» в данный момент нет.

— Существует ли «женская» фантастика? Принадлежат ли к ней ваши произведения?

— Решительное «нет!» Никакой женской фантастики, по-моему, нет и быть не может! Как не существует, например, женской поэзии — или управдомовской, или, скажем, поэзии академиков и отдельно — поэзии член-корроров...

Наличивается только фантастика хорошая или плохая. Если, разумеется, не углубляться в литературоведческие дебри и не разграничивать ее по жанрам или темам, которым несть числа. Вычленение же любой группы авторов из общего потока всегда искусственно и, как правило, может быть объяснено только одним — поисками привилегий, жаждой пресловутой «скидки на жанр», стремлением занизить критерии оценок. Страдает от всего этого в конечном счете не только читатель, но и сама фантастика.

— Что вам нравится в музыке, в живописи? Имеете ли музыкальное или художественное образование? Довольны ли рисунками Дмитрия Литвинова к вашей повести в «Следопыте»?

— По образованию я физик, ни музыке, ни живописи специально не обучалась. В живописи люблю ранних (самых ранних) итальянцев и Чюрлениса. В музыке — тоже самая ранняя классика: все семейство Баха, музыка бельканто; у меня коллекция классических реквиемов.

Иллюстрации в «Уральском следопыте» — лучшие из тех, что у меня были в жизни. Будучи в Венгрии на конгрессе писателей-фантастов, всякий раз, когда заходила речь о переводах «Чакры», просила сохранить иллюстрации Литвинова. Что из этого получится, не знаю: каждый издатель обычно дает заработать своим художникам...

— Как появился — и будет ли продолжен — ваш «Чюрленисовский цикл»?

— Я долго работала инженером в лаборатории с ограниченным доступом других сотрудников. А меня тянуло к общению с большим количеством людей, интересно было посмотреть на их поведение в экстремальных условиях. В один прекрасный день бросила свое инженерство и стала экскурсоводом на туристском поезде «Ленинград», где условия нередко бывали близкими к фронтовым: интересно и полезно работать любому писателю. Кстати, читательнице из Наро-Фоминска, спрашивающей совета — как выбрать сюжет из-под гнета давящих занудных обстоятельств? — отвечу: способ — один. Резко переменить судьбу. Не бояться, не сидеть и не ждать чуда — один раз в жизни можно (а

иной раз — и нужно) решиться самому на рискованный шаг...

Частые поездки в Каунас позволили мне познакомиться с картинами и музыкой Чюрлениса, которая постоянно звучит там в музее. У меня есть рассказы, написанные точно по его картинам («Соната ужа», например), иногда я вношу в какой-то рассказ один, всего один элемент какой-нибудь картины: это у меня уже как талисман — присутствие какого-либо чюрленисовского мотива, иногда даже незаметно для читателей. «Чакра» была, пожалуй, единственной из последних моих вещей, где Чюрленис не присутствовал. Но когда повесть уже находилась в редакции, я обнаружила среди набросков Чюрлениса не более не менее как... крзга — рисунок головы с птицей, которая опустила свой клюв на лоб женщины. До сих пор этот рисунок мне не попадался (я запомнила бы его!), но это был тот самый крзг, что у меня в «Чакре». Как это получилось, сказать не могу.

Продолжать «Чюрленисовский цикл» буду, в голове у меня несколько повестей и рассказов.

— Не планируете ли вы, расширяя область своих интересов, обратиться, в частности, к драматургии?

— Нет, во всяком случае — пока. Хотя в детстве, в том же пятом классе, мечтала стать драматургом и писала пьесы.

Задавая этот вопрос, учредители нового клуба любителей фантастики из райцентра Камень-Рыболов Приморского края жалуются на отсутствие добротных и при этом небольших по размеру, доступных в постановке НФ сценариев и пьес. Таких, поставить которые на сцене мог бы и не самый могучий КЛФ. Самостоятельно-то инсценировать литературное произведение не всякий может...

Думаю, что эту проблему должны бы общими усилиями решать сами клубы. Поздней осенью я была в Уфе в гостях у КЛФ «Прометей». Они сами пишут сценарии — и показали мне пьесу по «Планете», которая ничего не может дать». Кто-то из желающих может, вероятно, съездить в Уфу, познакомиться с работой их режиссера, сумевшего создать самостоятельный театр при каком-то ЖЭКе... Либо — списаться с уфимцами...

А вообще-то письмо из Приморья доставило мне, пожалуй, больше всего радости. Дело в том, что свой клуб ребята хотят назвать по моему рассказу: «Не охотья» — и первой обязанностью «фэнов» полагают именно вот эту — не охотиться. «Не охотиться» — в самом широком смысле, — поясняет Д. Бабченко, один из учредителей клуба. — Злоумышляя, желая страданий ближнему

своему — это охотиться на себя. Я это в армии наглядно увидел».

Никто из нас, конечно, не верит тем недоброжелателям, которые еще и в наши дни не перестают утверждать: фантастика — отвлекает, уводит от жизни с ее реальными проблемами... Но когда конкретное мое убеждение, что охота — это в любом случае уничтожение человеческого в самом себе, — становится и убеждением моих читателей, более того, руководством к действию, — это выше любых гонимых и любых премий. Это высшее, что может получить писатель.

— Как вы пишете?

— Как я работаю? Если в двух словах, — медленно и мучительно. Описывать свою работу не могу: слишком люблю ее, это какой-то чересчур интимный процесс, который неловко выносить на люди...

Некоторые из авторов писем признаются, что тоже пытаются (или пытались) написать что-то. Что ж, очень приятно, когда читатель, доверяя, выдает тебе свой секрет... Но советовать что-либо — трудно, даже если поставлены конкретные вопросы. Скажем, как подобрать нужные слова, ритмику фразы... Мне кажется, это не главное. Главное — представить своего героя, ощутить так реально, как будто — вот он, стоит за спиной. А нет героя с его чувствами, проблемами, мыслями — никакие приключения не спасут, никакой — самый разэтакий! — НФ антураж. Но сразу должна оговориться: это — для меня. У других авторов может быть по-другому.

Не существует и единого рецепта — как набрести на значимую идею. Такую, чтобы оживила, спаяла в целое (притом — в интересное и ценное для других) все те находки, художественные и технические, которые вы не без робкой гордости уже готовы выплеснуть в мир... Идею эту каждый ищет сам и по-своему. Ясно, кажется, лишь одно — она должна волновать и самого автора.

— **Банальный вопрос: в чем же смысл жизни? Точнее, в чем смысл существования человечества?**

— Вопрос действительно «банальный»: из нерешаемых, а если и решаемых — то по-разному даже одним и тем же человеком в разные моменты его жизни.

Сравнительно недавно, раздумывая на подобные темы, которые мучают, конечно же, каждого человека, я утешала себя иллюзией существования какого-то мирового разума, может быть — и не разума, но какой-то упорядоченной системы, слагающейся под общим воздействием всего живого и разумного из элементов мыслительных процессов. Гипотетически каждый человек, поскольку он мыслит, что-то меняет

в этой системе... хотя бы на уровне биополя, если существует единое биополе вселенной... ведь человек — генератор всех возможных полей, в том числе и еще не открытых, и сам факт существования каждого из нас как-то влияет на эту систему... Такое вот «нечто», навеянное, быть может, учением о ноосфере Вернадского.

Но в самые последние годы я от этой иллюзии отказалась, потому что поняла: она рождена элементарным человеческим страхом перед бесследным исчезновением. И смысл человеческой жизни для меня теперь в том, чтобы прожить ее по возможности каким-то наилучшим, наименее худшим образом, может быть — даже самым (прибегая к старомодным категориям рыцарских романов) благородным образом, причем именно памятуя все время о том, что все равно все это бесследно исчезнет, что нет ни бога, ни единого духа, ни наблюдающих за нами пришельцев; ты — как одинокий пассажир в пустом трамвае: никто не видит, берешь билет или нет. Это какая-то высшая ответственность. Если бы существовал выбор, перед кем отвечать — перед богом или перед собою, так перед собою — труднее. Там можешь вымолить индульгенцию, как-то обмануть — может быть, не заметит, пронесет... Перед собою — нет. В этом и отличие человека от животного: только человек может быть честен сам перед собою.

Автор этого «банального» вопроса, поклонник философской фантастики из Ужгорода, разумеется, едва ли рассчитывает всерьез, что мне известен ответ на этот вопрос, перед которым, не стесняясь или в смущении, но пасуют — таки и философы...

Что же касается возможности представить себе гибель всего человечества, маячащую с давних пор где-то на сверхдалних горизонтах... Сегодня это, по-видимому, не так уж трудно: к возможным и неизбежным природным катаклизмам самого глобального характера человек добавил призраки «доморощенных», самим им изобретенных катастроф — атомной, экологической...

— **Кто ваш любимый советский фантаст? А американский?**

— Вначале — несколько слов для десятиклассника из Тольятти: я прочитала все письма. И отвечаю — среди других — на этот вопрос все же не для того только, чтобы ответ послужил индикатором прочтения конкретного письма... Теперь по существу.

Кого выделяю в фантастике? У нас — это писатель-фантаст «Братья Стругацкие» (именно так!) и Сергей Другаль. В Америке — Роберт Янг и Роджер Желязни.

— **Расскажите подробнее о себе... Сообщите, пожалуйста, ваши анкетные данные...**

— Я не случайно оставила напоследок подобные вопросы: что больше всего не люблю — так это отвечать на анкеты! И ни за что не поверю, что кому-нибудь это занятие — в радость...

Один из читателей пишет, что не отнимет много времени — а дальше... дальше следует анкета из 58 пунктов. Отвечать на все?! Да если на полном серьезе — ни в жизнь не ответить на столько-то!..

Родилась в Ленинграде, год и месяц — у женщин их обычно не спрашивают, согласна сообщить лично авторам будущих энциклопедий, вообще же считаю, что писатель ничего не должен оставлять после себя: ни автобиографий, ни фото — только книги, и пусть они живут — как поживется...

Первая публикация — в пятом классе, стихотворение «Праздничный салют» — по поводу снятия блокады, а подписано именно так: ученица 5-а класса.

Веду ли дневник? Попробовала один раз — в 10-м классе. На немецком языке, чтобы мама не прочитала.

Спорт? Не занимаюсь, ибо считаю, что это — физкультура, доведенная до абсурда.

Впрочем, действительно — стоп! В ответах на эти частные вопросы неизбежна вкусовщина, а я не хочу, чтобы мои собственные далекие от неспорченности вкусы накладывались на чьи-либо незрелые убеждения. Личные вкусы и должны быть — личными.

Майя МАРЬИНА

Фотозаставка работы
Александра Шабурова

...Хлопнула дверь — звук гулкий и скрежещущий висит в воздухе. Начал гаснуть и растворился, расплылся, рассеялся — и тихо... тихо... И ничего не осталось. А ведь была надежда! Но что это? На полу, у двери, частичка солнечного луча. Маленькое пятнышко... Отсеченная часть оставшегося снаружи!

— Для нашего журнала, — сказали мне в редакции, — надо писать так, чтобы было понятно и интересно и этим, и тем, и даже самим-самым.

Как это выполнить, я не знаю. Тем, которые осведомлены, подробности покажутся излишними, другим, чтобы понять, подробностей может потребоваться еще больше.

Попробую вести рассказ по частям: это для одних, то для других, а в промежутках — для третьих. Первый абзац написан для самых-самых. Все, о чем пойдет речь, в нем уже есть и дальше они могут уже не читать. А для всех остальных — пожалуйста.

Это начиналось так: в один из февральских вечеров по свердловским улицам шли четыре человека. Шли дворами, переулками, через пустыри. Двое несли с собой доски. На одной из старых кривых улочек, которую только начали перестраивать, остановились перед темным двухэтажным домом, очевидно, совсем новым. Внутри еще пахло краской, в подставленный таз капало с потолка, кое-где уже успела отвалиться свежая штукатурка.

— Вот — дарю вам, владейте! — сказал один из пришедших и обвел широким жестом еще не вполне завершенное пространство.

Этот человек, высокий, очень худощавый, странно одетый, в кирзовых сапогах, сутулый, с горящими черными глазами, — свердловский художник и философ, не признанный, как и многие его собратья по искусству, ни в том, ни в другом качестве.

Здесь, в этих залах, все и началось. Хотя в действительности все началось еще раньше, когда несколько свердловских художников начали хождение по руководящим

инстанциям, которые могли бы разрешить им свою собственную выставку. Одно общее у них — они не были членами Союза художников.

Для тех, кто не знает: человека могут не принять в Союз художников, если он мало участвует в выставках этого Союза. А на такую выставку работы могут не попасть по разным причинам: и потому, что они пока еще слабы, и потому, что они уже слишком сильны; потому, что они не достаточно социальные и потому, что они остро социальные, и... одним словом, не вписываются. Могут не принять в Союз из-за того, что в нем и так слишком много народу, а он ведь не «резинный».

Итак, «нечлены Союза» попытались организовать выставку. Валерий Дьяченко и Виктор Гончаров оказались самыми удачливыми. Они, наконец, получили поддержку в горкомкомсомола и в городском отделе культуры. (Тут, конечно, свою роль сыграло время — уже наступил 1987 год, уже прошла семнадцатая молодежная выставка в Москве, раскрепощенная и смелая, напугавшая многих приверженцев «старых добрых традиций», начали зарождаться и уже признаваться неформальные объединения.) Выставку разрешили, было выделено и помещение — только что выстроенное здание Дома культуры Ленинского района. Сурикова, 31 — таков адрес этого Дома. «Сурикова, 31» — стала называться выставка. Хотя у нее было еще одно название — «Экспериментальная». Помещения на Сурикова, 31 наполнились людьми, они шли и шли. Несли картины, прикладные работы, каким-то образом доставлялись огромные полотна, в хозяйственной сумке — графика. Привезли доски — в залах шум, стук, строят конструкции для развешивания работ. Городские руководители предложили только помещение, не дали ни рубля, ни гвоздя, ни доски. К тому же указано «не портить стены!». Пенсионеры и подростки, студенты и седоватые мужи, домохозяйки и тоненькие школьницы подносили, сколачивали, устанавливали, развешивали. И все время, среди сутолоки

и шума, высокая сутулая фигура, негромкий голос, характерное покашливание... кирзовые сапоги. Да, тот самый человек, который первым из художников открыл дверь в этом здании, это и есть Валерий Дьяченко. Теперь он основное лицо, ведущее формирование выставки (объединяя усилия других) и ведущее выработку принципов выставки (совместно с Виктором Гончаровым).

Для тех, кто не знает. Основные принципы выставки, позволившие назвать ее экспериментальной, заключались в следующем: в ней могли принять участие все независимо от образования, возраста, способа работы в изобразительном искусстве. Были приглашены и фотографы, и камнерезы, и ювелиры, и художники-профессионалы, и любители, и даже члены Союза художников. Выставка создавалась без выставкома, — вот второй и очень важный принцип! Каждый приносил и выставлял то, что считал нужным. Зрителям самим предоставлялось право оценивать работы без «заботливого дяди», который бы решил за него, зрителя, что ему смотреть, а чего не следует. Это третий принцип.

Выставка стала явлением сугубо демократическим, совершенно для нас непривычным. Оказалось, что человек может быть свободным человеком. И даже художником, если захочет. И выразить то, что он думает, и то, что он чувствует. И оказывается, имеет на это право!

Выставка смонтирована. Кажется, в залы выхлестнула живая жизнь во всяческих своих проявлениях: шутство и трагедия, философские раздумья и наивное непосредственное восприятие окружающего мира, мистика и прозаическая протокольная четкость; крик и шепот, спокойный рассказ и слезы, самоирония, сарказм и восхищение прекрасным... Профессиональная уверенность и робкие попытки любителя... И все это имеет право быть (хотя может нас и радовать и огорчать, трогать или отвергать). Право-то имеет, а вот у слова «может» появляется большой знак вопроса. Выставка смонтирована, но не открывается. Заведующий отделом культуры недоволен, более того, он крайне раздражен. Ему не нравятся несколько работ. Он требует их снять: «Это все зритель не поймет или, не дай бог, поймет неправильно!» Но участники выставки решают — не снимать ни одной работы! На выставку приглашены ведущие художники города, искусствоведы. Они не находят представленные на выставку работы «опасными». Городские власти вынуждены отступить. Выставка открыта, все работы сохранены. Зачем такие подробности? А чтобы читатель не подумал, что, как только наступило время, бюрократическая машина сразу дала задний ход, сама себя разобрала на части и стала в сторонке, чтобы не мешать. Хоть читатель так и не сможет подумать — он, наверное, даже еще и не видел такого, чтобы эта машина сколько-нибудь заметно уступила, так — если только маневры...

А вот здесь люди добились. Правда, ненадолго.

И для тех, кто знает. Я думаю о том, почему здесь было оказано такое мощное, такое упорное сопротивление бюрократической системе. Не потому ли, что в отношении этих людей особенно сильно проявилась негуманность нашего общества. Негуманность как результат отчуждения человека от результатов своего труда, как результат бюрократизации государства. Получив профессиональное образование, но не имея мастерских, не имея возможности выставить свои работы, не имея возможности обеспечить себя материально за счет своего художественного творчества, подвергаясь профессиональной дискриминации, эти люди вытеснялись на обочину общества, втапливались из него, становясь отщепенцами. Но чем сильнее сжимают пружину, как известно, тем мощнее в ней силы для сопротивления.

Выставка вызвала в городе потрясение, шок, радость, испуг... И непонимание тоже. Чего-то подобного ждали, а вот пришло — не узнали. Тем не менее было ощущение важности чего-то неясного, непонятого... Новые имена, невиданные ранее «вживую» направления, все это руганное-переруганное, результат «буржуазного разложения», а оказалось — все свои, все наши проблемы и даже язык этих странных работ оказался многим зрителям доступен и понятен.

Поток зрителей, небывалый для художественных выставок в Свердловске, — можно сравнить разве что с экспозицией из Эрмитажа. А газеты? Такого внимания прессы

удоставались только самые значительные явления культурной жизни города. Телевидение снимает двухсерийную передачу... И тем не менее общий тон «культурной общности» снисходительно-поучающий. И уровень, оказывается, не совсем тот, и вторично, и... И вообще, до высокого искусства как до...

Вот она, пришла демократическая форма самопроявления людей, а воспринимается она в старой традиционной системе, меряется старыми мерками и опять подтаскивается «под уровень».

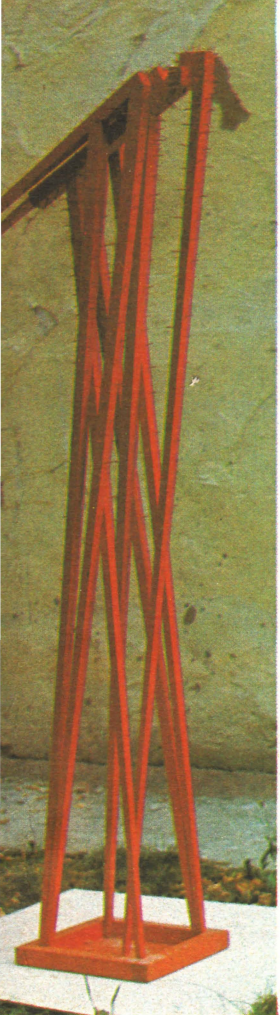
Для тех, кто со мной согласится: художественный уровень — это определенная степень соответствия традиционным, принятым в данном обществе, нормам и способам выражения. Что этому не соответствует, тому «достаточном художественном уровне» отказывается, но история неоднократно доказывала ошибочность такого толкования.

Что же касается «суриковской» выставки, то, возникшая как реализованная возможность самовыражения многих и разных, она явила совершенно не знакомую нам форму, которую можно назвать «художественным субстратом». Очень подвижной, независимой, не заключенной ни в какие рамки художественной средой, дающей максимум возможностей для поисковой художественной деятельности. Дающей максимум пищи для обогащения как традиционной, так и нетрадиционной художественной культуры. Обеспечивающей необходимую питательную среду для роста и формирования свободной художественной индивидуальности. Есть только один критерий, по которому могло бы оцениваться это явление, — степень свободы, но он-то и пугает наших критиков до сих пор.

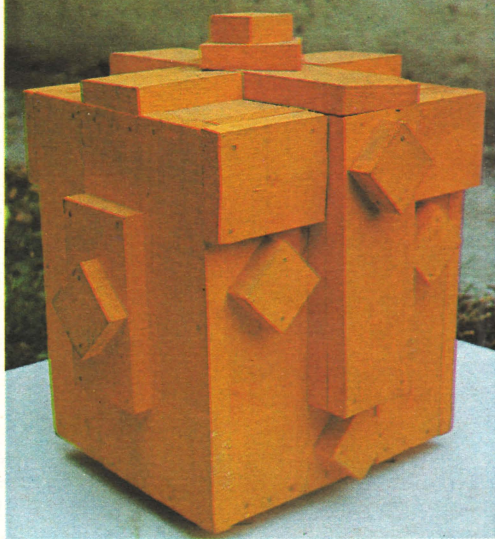
На выставке возникает прямой контакт зрителей с авторами работ, идут обсуждения, выступают поэты-авангардисты, представители клуба авторской песни. Проводится анкетирование: 85 процентов зрителей хотели бы прийти на выставку еще раз, 25 процентов посетили ее более двух раз (для нашего зрителя — невероятно!). А что нравится больше? Это работы молодых И. Шурова, Н. Козина, В. Трифонова — гротеск, социальный сарказм, трагические интонации. Это и работы зрелых художников: рано умершего В. Гаврилова и уже знакомого нам В. Дьяченко. Почти одинаково высоко оценивают зрители сюрреалистические композиции В. Гаврилова и скрупулезно выполненный фотореалистический автопортрет В. Дьяченко. Традиционный «спокойный» пейзаж почти не привлекает внимание, «нефигуративные», абстрактные работы тоже не пользуются популярностью. Непонятное ругают. И все же почти все авторы, а их здесь около 200, нашли своего, хотя бы одного зрителя. Оказалось, что многие желают купить работы. Несколько «тетрадей заказов» заполнено от корки до корки.

Для тех, кто следит за ходом рассуждений: отстранение художников (о которых идет речь) от общественно полезной деятельности происходит не из-за отсутствия в обществе потребности в результатах их труда. Первый же выход на зрителя показал, что нужны и выставки и работы этих художников.

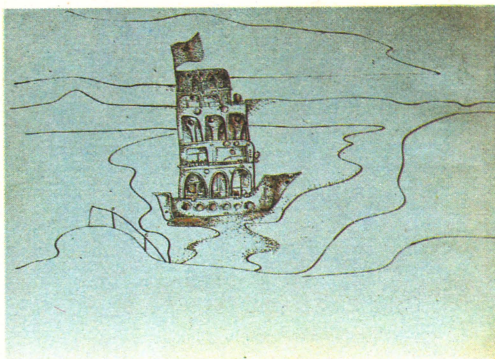
Но... торжествовать было рано. Получив приличный доход от проданных входных билетов, в отделе культуры решили, что нянчиться с «этими неуправляемыми» нечего. Возникшее из участников выставки объединение было вынуждено покинуть районный Дом культуры и осталось без крыши над головой. Определенная объединению организация-учредитель (Музей изобразительных искусств) знать не хочет своего подопечного, а между тем возникли новые художественные группы, некоторые — из участников первой «суриковской». Теперь люди объединяются на основе тех или иных общих интересов — творческих, материальных, мировоззренческих; организуют свои выставки, проводят аукционы. Некоторые из них напоминают «Сурикова, 31», но той страстности, той «всеобъемлемости», того демократического пафоса уже в них нет. Они другие. Одно за другим новые объединения получают помещения. А как же «суриковцы»? Тут все зависит от того, как захочет чиновник. А чиновник не захотел. К тому же внутри

КОМАР САМОТЛОР. Н. З. Федорев, 1943 г. р.

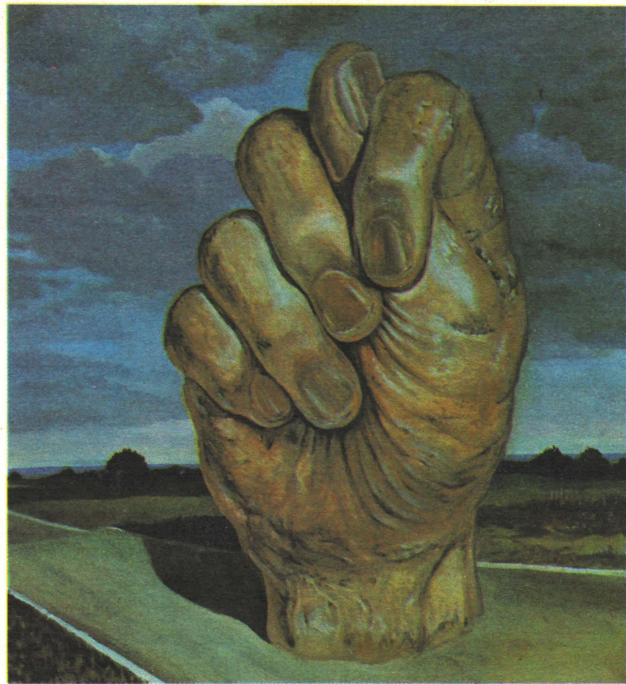
БОЛВАН. Н. З. Федорев, 1943 г. р.

КОРАБЛИК. Н. А. Огарева, 1937 г. р.

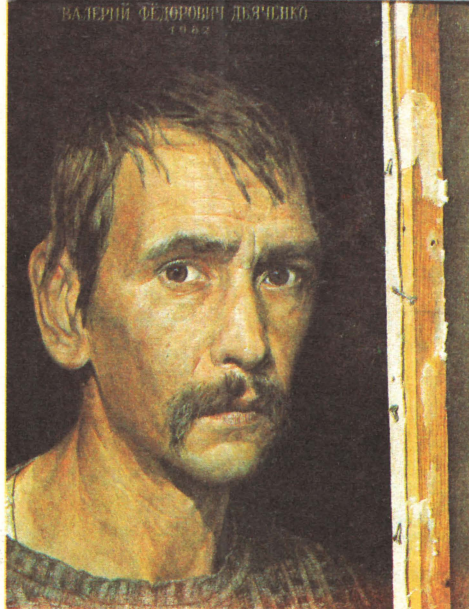
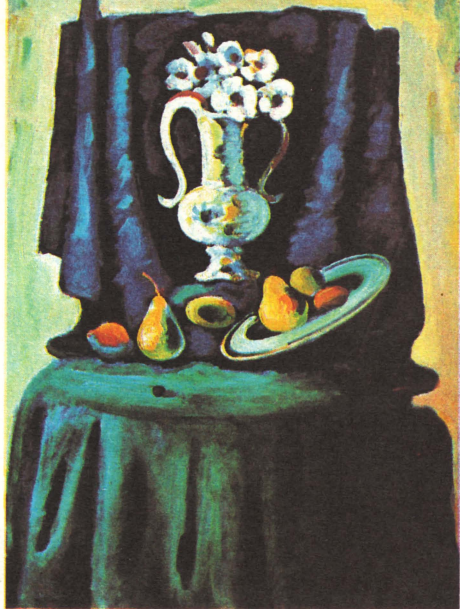
«ЗДРАВСТВУЙ, ТОВАРИЩ!» Н. Б. Козин, 1963 г. р.

«ИЗ ЗЕРНА ИРОНИИ ВЫРАСТУТ БЕГОННИИ...»
Л. П. Баранов, 1955 г. р.

ШИВА № 6. В. Ф. Гаврилов [1948—1982]

НАТЮРМОРТ С БЕЛОЙ ВАЗОЙ.
А. И. Новиков, 1936 г. р.

АВТОПОРТРЕТ. В. Ф. Дьяченко, 1939 г. р.

ДЕВУШКА. И. О. Шуров, 1952 г. р.

ИЗОЛЯТОР. А. Г. Бусыгин, 1950 г. р.

ЛУННАЯ НОЧЬ. А. Ю. Романчук, 1968 г. р.

ПТИЦЫ ЛЕТАТ НА ЮГ.
М. А. Таршис, 1953 г. р.

«СУРИКОВА, 31...» (фрагмент),
В. А. Трифонов, 1949 г. р.

самого объединения пошли трещины, началась борьба за влияние в коллективе, за власть. Создавая демократическое «содружество», люди, выросшие в авторитарной системе, не смогли быть последовательными. В: Дьяченко, начавший оказывать давление на товарищей, решением общего собрания от руководства был отстранен. Объединение возглавили новые люди. И творческая и выставочная деятельность теперь ушли на задний план, уступив место выполнению заказов на художественно-оформительские работы. Взамен живого творческого общения на собраниях — бесконечные разговоры о финансовых вопросах, декларативные призывы к «повышению художественного уровня»...

Давление извне и разрушительные процессы изнутри... На второй выставке объединения «Сурикова, 31», которая состоялась всего через год после триумфальной первой, демократические принципы терпят жестокое, почти смертельное поражение.

На этот раз — какая честь! — выставку позволено провести в залах Музея изобразительных искусств. Однако — никаких чтобы выступлений, никакой такой «не классической» музыки, никаких поэтов и, упаси боже! авангардных, никаких спонтанных обсуждений со зрителями. Таково условие дирекции. «Информации — минимум. Зрители, пришедшие в музей, не всегда могут попасть на выставку объединения. «Удущение при помощи объятий» — так назвал этот бюрократический прием один публицист. Теперь есть и приемочная комиссия, ведь выставка в государственном художественном учреждении! Комиссия требует снять несколько работ. В том числе картину Н. Федорева «Коммунист Б. Н. Ельцин». Причины? Они обозначены как «политическая интуиция». (То есть как бы там наверху кто-нибудь не осерчал!). Попытки бороться не приводят к успеху. Уже подорвано внутреннее единство. Тогда часть художников снимает свои работы в знак протеста против нарушения демократических принципов, с таким напряжением завоеванных на первой выставке. И что же? В ответ — раздражение и негодование своих же товарищей. Продолжающих бороться называют провокаторами, которые, оказывается, хотят погубить объединение! Негодующие конформисты торопятся скрыть следы протеста...

Вот и все. Перерождение произошло. Образовалась еще одна официальная или полуофициальная бюрократическая «контора», которая хорошо вписалась в традиционную систему. Вот и все разговоры о «художественности»: перед нами прошла короткая героическая и горькая история не художественного, а политического, социального явления.

«Из зерна иронии вырастут бегонии...» — так назвал молодой художник Л. Баранов свою последнюю работу, которую он показал на второй, печальной, «суриковской» выставке. И содержание ее определил тогда как необходимость перехода от отрицания к утверждению... Но уже на самой выставке, независимо от воли автора, но по воле обстоятельств, символика картины приобрела иной смысл... Нет, пока еще не вырастут, произошел короткий прорыв «фронта», но не подержанное, наступление захлебнулось. Значит, еще идет время собирать силы.

«И все же, кто эти художники? Хотя бы некоторые?» — может спросить доброжелательный читатель. «Речь идет о самопроявлении личности, а все разговоры сводятся к рассуждениям о «массе», о явлении. Кроме В. Дьяченко не разглядеть ни одного лица!»

Для тех, кому интересно, пускай эти художники представят сами, рассказав о самом важном для себя.

Н. А. Огарева. — Начала работать творчески, когда появилась внутренняя необходимость — из впечатлений, из опыта жизни...

А. Бусыгина. — Так сложилась жизнь... наступил момент, что творчество стало для меня единственным выходом, единственным для меня лекарством...

И. Шуров. — Все началось с того, что я трезво посмотрел на жизнь. И я решил, что надо или что-нибудь говорить, или... Я выбрал первое.

Л. Баранов. — Давно был готов ко всяким играм авангардистским. И сегодня можно сделать очень много. Вот тогда будет очень весело — в смысле интересно.

Н. Федорев. — Для меня работа — постоянное самообучение, преодоление материала, себя, нравственное становление. Осно-

вой в своей работе я считаю смысл, связи. А материал может быть любой: краска, глина, пустота.

М. Таршис. — Это началось с детства... Я не очень беспокоюсь о том, подействует ли моя работа на зрителя или нет. Но если она кого-то привлечет, то я бы хотел, чтобы ее воздействие было только эстетическим. Я согласен с Анной Таршис в том, что талант — это готовность к неожиданным результатам своего творчества...

С. Видунов. — После попыток поступить в художественные вузы (4 раза) решил самообразовываться, особенно после одобрения решения такими художниками, как М. Брусиловский, В. Гаврилов. Отношение мое к искусству, как к игре, может порой сложной, даже трагичной — как, например, для военных является война, а для политиков — дипломатия.

Н. Козин. — Мои рисунки — это своего рода дневники. В каждой работе целый период моей жизни.

Т. И. Коршун. — Хотела бы оставить хорошую память о себе — у тех людей, которые мне помогают выкарабкаться из тяжелой болезни. Самоутверждаю себя в своих работах заново...

А. И. Новиков. — Замыслы своих работ я ношу всю жизнь в себе. Мучаюсь ими. И они, одна за другой, появляются на свет...

Вот они, эти люди, эти художники, похожие и не похожие на других. Одни со специальным художественным образованием, другие — без. Ручаюсь, по работам вы этого не определите. Есть среди них оформители, инженеры, сторож и даже начальник отдела кадров большого предприятия. Но и это ничего не прибавит в уточнении «индивидуального лица», которое проявляется только в работе художника. В журнале мы можем дать лишь малое число «суриковских» работ, тем не менее пытаюсь показать почти все художественные идеи, представленные на выставках. И почти все мировоззренческие позиции, по крайней мере, преобладающие. Здесь и вчерашнее, как в работе А. Бусыгина, то, что уходит; и то, что задерживается... И во всех этих работах отражается драматизм борьбы с традиционным сознанием, не желающим и страшно боящимся уступить малую толику своего «устойчивого», «насиженного» пространства, сознанием, которое из-за противоречий потребностям времени давно стало дегуманным. Носителями этого сознания являются не только те, кто «указует». Нет, оно воспроизводится на всех уровнях.

...Гулко хлопнула дверь — и тихо пополз, растворяясь, звук. Но уже не пятнышко, нет, — полоса света перед дверью... А в той спящей щели, откуда напирал свет, — там колыхание листы в брызгах дождя, и пронзительное сверканье капель, и воздух... которого здесь нет!

На этом можно было бы и закончить. Тем более что возможности очерка исчерпаны. И все же — что-то не дает мне покоя. Это что-то — противоречия, которые так неприятно выпирают из текста, которые внутри него не разрешились, которые попали сюда из реальной действительности.

Во-первых, почему борьба «против» в своем развитии превращается в борьбу «за»? Вот хотя бы то, что произошло с В. Дьяченко, а следом за ним и со всем объединением?

Во-вторых, почему стремление к самопроявлению, к индивидуализации, которое сегодня так актуально, приводит к растворению личности в группе? (Даже автор очерка, выступая от своего лица, произнося «я», «мне», чувствует, что только выражает (в какой-то степени) сегодняшний уровень: общественного осознания ситуации.) Питают ли эти явления друг друга? Или взаимно исключают? Или, вообще, находятся в «разных плоскостях»? И происходит ли «захлопывание» двери под действием внешних сил, или ее «захлопывают» те же, кто и открывает?

МУЗЫКА И МЫ

МИР ВАМ, ВРАЖДУЮЩИЕ БОГИ!

*Группа «Кабинет». Фото В. Боброва
На 4-й стр. обложки Александр Пантыкин.
Фото И. Горячева, Е. Станкевича*

Андрей ПОНИЗОВКИН

История эта начинается с того, что священнику Сильвестро из маленького итальянского городка звонит по телефону... сам Бог! Да-да, Всевышний лично решает предупредить своего молодого слугу о предстоящем новом потопе. Правда, потом сам же потоп и отменяет, но прежде успевает наговорить юноше кучу колкостей, а темпераментные горожане в свою очередь — станцевать несколько заводных рок-н-роллов, всласть напиться куплетов и лирических арий в ритме блюза, обрести, наконец, как и положено в сказке, безоблачное счастье.

А вот — другая музыка, другие «страсти господни». Звучит голос древней земли, звучит, то набирая мощь, то умолкая, и прорывается сквозь толщу тысячелетий, заставляя нас, сегодняшних, вспоминать о вечном. Земля та зовется Иудеей. И вновь шагает по ней в поисках правды Иисус Назаретянин, и вновь предает его за тридцать сребренников рыжий Иуда из Кариота — учителя, которого искал всю жизнь.

Кто из них прав? На чьей стороне истина? Прояснилась ли она хоть сколько-нибудь с библейских времен?

Звучит, звучит голос древней земли, не дает душе покоя...

Два сюжета, два образа Бога. Они — из двух спектаклей свердловских театров — тюзовского «Иуды Искариота» по рассказу Леонида Андреева и рок-мюзикла «Конец света», поставленного в музкомедии на основе современной итальянской оперетты. Боги, как и спектакли, до такой степени непохожи друг на друга, до того, кажется, несовместимы, что даже ставить их в один ряд вроде бы противостоит. Ну что может быть общего между лубочным шутком, добродушно смеющимся над

людьми и собственной святостью, и страдальцем, мучеником великой идеи, рабом ее и жертвой?

И все-таки общее между этими образами есть. Оба они способны существовать лишь в музыкальной среде, созданной одним человеком — молодым уральским композитором Александром Пантыкиным. Ведь оба спектакля «озвучил» именно он, причем и философская драма, и легкокомысленный водевиль благодаря его мастерству обрели на редкость точное, соответствующее авторским замыслам музыкальное оформление. А вообще-то с театрами Саша сотрудничает недавно. Противоречивые начала же вот уже более десяти лет уживаются в его творчестве. С одной стороны, Пантыкин — автор концерта для фагота с оркестром, ряда хоровых произведений, фортепианного цикла «Лесные картинки», с другой — его называют одним из основателей рок-движения в стране, «отцом» свердловского рок-клуба...

Наверняка кому-то из читателей, особенно — музыкантам, подобное сочетание интересов покажется абсурдным, нелепым. Ведь война между «консерваторами» и «авангардистами» в искусстве, хоть и стала уже притчей во языцех, тем не менее продолжается. Последователи музыкальных богов прошлого ну никак не хотят уступать место поклонникам новых идеалов, последние порой чересчур уж беззастенчиво теснят, отвергают «старичков»...

Пантыкин принадлежит к той категории музыкантов, которые не видят ни малейшего смысла в этом конфликте, делом доказывают возможность мирного сосуществования и тех, и других. Причем он, едва ли не единственный на Урале, занимается этим талантливо и всерьез. Тем и уникально его многообразное творчество, тем и интересен он как личность.

ПРОЗРЕНИЕ В «СЛЕПОМ МУЗЫКАНТЕ». ДОСПЕХИ ПРОТИВ ХУЛИГАНА

Случилось это шестнадцать лет назад, в далеком 72-м. Музыкой восьмиклассник из 45-й свердловской школы Саша Пантыкин уже тогда увлекался основательно. Он имел за плечами музыкальную семилетку, занимался по классу фортепиано у преподавателей специализированной школы при Уральской консерватории. Великие имена, прекрасные наставники окружали одаренного мальчика, перед ним лежал прямой путь к сияющим академическим вершинам, и казалось, ничто не собьет его с этой проторенной дороги, как вдруг произошло непредвиденное. В классе появился новый ученик, Игорь Скрипкарь. Он приехал с родителями из ГДР и привез с собой огромное количество записей ведущих западных рок-групп, среди которых были последние концерты «Дип Перлл», «Лед Зеппеллин». Энергичный Игорь начал создавать школьную рок-группу, настаивая на том, что это — завтрашний день музыки и нельзя отставать от времени. И в конце концов «правильный Саша», к величайшему изумлению своих педагогов, сделался ее участником...

— Надо сказать, что поначалу те записи мне не нравились, причем активно. Группы казались вульгарными, пошлыми, плоскими... Из-за этого я даже несколько раз уходил из «Слепого музыканта» (так называли школьный коллектив.— А. П.), не мог играть подобное. Но постепенно, шаг за шагом, мое отношение к року менялось, и для меня это был довольно серьезный перелом. Я начал осознавать: окружающее нас музыкальное поле настолько обширно, разнообразно, что иногда просто нельзя сравнивать одни его проявления с другими. Есть специфика стиля, жанра, войти в которую сразу, без определенной подготовки, не так-то просто. Освоив же специфику рока, я вдруг поймал себя на том, что настроения, которые он выражает, наиболее созвучны моим собственным. Ведь мы, молодежь 70-х, не просто видели — кожей чувствовали творящиеся вокруг безобразия, ложь, лицемерие. И нам хотелось не просто петь — кричать об этом. Отсюда — такое «громкое» начало.

— Какова же была дальнейшая судьба «Слепого музыканта»?

— Мы еще не знали тогда, что будем делать в жизни. Наряду с музыкой я много занимался физикой, математикой, побеждал на разных олимпиадах и в результате поступил на физико-технический факультет УПИ. Ребята пробовали себя в других сферах. Но без музыкального творчества мы уже не могли. Почти в прежнем составе вместе с Игорем Скрипкарем и барабанщиком Иваном Савицким собирались в клубе архитектурного института, много экспериментировали, искали. Толчком к более серьезному, углубленному поиску послужил успех композиции «Я — человек» по мотивам поэмы Эдуардаса Межелайтиса, сделанной совместно со студентами-архитекторами. С ней мы поехали на фестиваль политического искусства в Ригу, где заняли первое место. Эта победа и предопределила окончательный выбор каждого. Впервые нас по-настоящему поняли и приняли — значит, был смысл идти дальше...

Во второй половине 76-го в Свердловске создается новая экспериментальная студия — «Сонанс» — при Уральском университете. Через нее проходят почти все «ищущие» свердловские музыканты того времени. Пантыкин ее главный организатор и основатель. За четыре года существования студия добивается заметных успехов: показывает интересную программу на традиционном празднике «Весна УПИ», ее тепло принимает жюри фестиваля молодежной музыки в городе Черногловка, где «Сонанс» выступает вместе с «Машинной времени», Александром Ситковецким — лидером будущего «Автографа», другими потенциальными знаменитостями.

Однако «Сонанс» отнюдь не был чистым рок-коллективом. Я помню один из его концертов. На сцене играл солидный оркестр, наряду с бас-гитарой — весьма примитивной тогда — звучали скрипки. Это был очень тонкий,

причудливый сплав рока и джаза, современной симфонической и камерной музыки, да еще при почти полном отсутствии пения, текстов — главного «оружия» большинства групп. Те, кто знал и ценил Пантыкина, наверняка решили тогда, что эстетское, академическое начало возобладало-таки в его творчестве, насущные проблемы перестали его волновать. Поэтому-то, вероятно, и произошел его разрыв с Игорем Скрипкарем, другими участниками студии. В 80-м «Сонанс» прекратил свое существование. Возникла новая группа — «Трэкс», уже без прежнего лидера.

Но очень скоро у «Трэкс» появился конкурент с еще более экстравагантным названием — «Урфин Джюс», популярность которого настолько выросла уже в самое ближайшее время, что даже «Литгазета» обратила на него внимание. Пел «Урфин» голосами Пантыкина и нового гитариста Егора Белкина. Пел песни, по тем временам, на редкость острые, ершистые и одновременно достаточно простые, понятные многим...

Все это, конечно, хорошо — перемены, известность. И можно было бы перейти к более подробному разговору о нашумевшем в свое время тезке сказочного злодея, тем более что он этого вполне достоин. Но тогда остается без ответа один важный, на мой взгляд, и естественный в данном контексте вопрос. Дело в том, что я вовсе не считаю, что всякое искусство, а тем более музыкальное, обязано быть откровенно проблематичным, политизированным. Настоящий художник все же должен творить по велению своего внутреннего голоса, а не под влиянием сиюминутных поветрий.

— Александр, куда же делся тогда твой утонченный композиторский эстетизм, почему от сложных, сулящих куда более серьезные творческие открытия жанров ты вернулся к упрощенному року? Уж не сыграли ли тут свою роль конъюнктурные соображения?

— С самого начала ни я, ни те люди, с которыми я работал, не ставили перед собой цели стать знаменитостями, получить какие-то деньги. Это в принципе было нам чуждо, да и не было их — денег... Источником и стимулом нашей деятельности была прежде всего работа головы, искреннее стремление разобраться в чем-то, выразить определенные мысли. Присутствовали они, конечно, и в музыке «Сонанса», и люди подготовленные улавливали их. Но музыка та, при всем ее новаторстве, необычности, оказалась слишком ранимой, оголенной, что ли. Конечно, это очень грубое сравнение, но иные наши выступления перед разношерстной публикой напоминали встречу физически неразвитого интеллигента с громиллой-хулиганом на улице. Нашу музыку можно было ударить, растоптать. Мне же хотелось как-то защитить свои идеи, чувства, «пронять» ими максимальное большее число людей. Если угодно, для нас рок стал своеобразными доспехами против этого хулигана, который уважает только силу. Такова, видимо, была логика момента. Впрочем, возможно, я и ошибался...

«УРФИН ДЖЮС» И СРАЖЕНИЯ ЕГО СОЛДАТ

«Я умер, все в порядке», «Не видно, приятель, выхода», «Эй, вы, там, на другой стороне холма!» — кто из вчерашних, да и нынешних студентов не помнит этих и других «джюсовских» рефренов? Магнитофонная слава песен группы очень быстро обогнала спрос на сотни и сотни пластинок официальных эстрадных звезд, дошло до того, что их начала цитировать центральная печать, одним этим оказавшая небывалую по тем временам честь провинциальному рок-коллективу. Огромная заслуга здесь принадлежит тогдашнему студенту-химику Илье Кормильцеву, главному идеологу и автору большинства текстов «Урфина» (о его творчестве мы рассказывали в № 12, 1988.— ред.). Нас же интересует здесь музыкальная сторона дела, которую обеспечивал Пантыкин. Ведь без его фантазии, находок вряд ли достигли бы ребята таких высот. Чем же привлекали молодежь именно эти мелодии и аранжировки, чем выделялись они на фоне прочей эстрадной про-

дукции тех лет? Вот как теперь объясняет это сам Саша:

— Мне кажется, секрет нашего успеха прежде всего состоял в том, что мы, в отличие от многих других тогдашних ансамблей, коллективов, играли очень необычную, нетрадиционную и в то же время хорошо воспринимаемую любым ухом музыку. Нами была найдена та межстилевая золотая середина, которая устраивала всех и одновременно несли в себе немалый интеллектуальный, социально-критический заряд, заставляла думать. Молодежи приелась бессмысленная эстрадная жвачка, ей хотелось чего-нибудь свежего. В какой-то степени «Урфин» удовлетворял этим запросам по исполнительскому уровню, уровню продюсирования альбомов и так далее; это была все же не самостоятельная, а профессиональная группа. Уже тогда мы были озабочены вещами, которые теперь неотъемлемы от такого рода деятельности — качество записей, зрелищная сторона концертов, что, конечно же, привлекало. Кроме того, мы никогда ни от кого не прятались, в противоположность тому же «Трэку», старались как можно больше выступать, общаться с людьми, изучали их реакцию на наши композиции. Собственно, мы и работали ради общения, и общение это, видимо, получалось...

Но «Урфин Джюс» общался не только со зрителями, слушателями. Постепенно вокруг группы сама собой сформировалась целая творческая лаборатория, в которую вошли не только музыканты, но и представители других профессий. Концерты ее стали своеобразным полигоном для испытания новых идей художников, фотографов и даже инженеров. Работал полигон приблизительно так. На репетицию приходил некий студент и приносил ребятам готовые костюмы. «Спасибо!» — говорили ребята, и студент, даже не назвавшись, исчезал, довольный уже тем, что его труд кому-то полезен. Роль конферансье одно время выполнял пианист и будущий философ Николай Остарков, приобретая таким образом ораторские навыки, «технари» придумывали различные зрелищные эффекты, и сцену вдруг обволакивали клубы дыма, а за аппаратурой вырастали сказочные существа... Параллельно с рождением музыки создавались слайды, снималось кино, велась даже теоретическая работа. Члены «Урфина» и их единомышленники разработали целый манифест, в котором изложили свою идейную программу. Думаю, читателям будет небезынтересно познакомиться с отрывками из нее:

«Мы считаем, что наша аудитория — это молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет, — писали «джюсовцы». — Характерным для этой возрастной категории является то, что она находится в процессе социализации, то есть активного вовлечения в жизнь общества и, как следствие этого, выбора системы ценностей и формирования нравственной и гражданской позиции... Этот процесс не всегда идет в нужном направлении... К сожалению, западная рок-музыка далеко не лучших образцов достаточно популярна в среде советской молодежи, что безусловно негативно влияет и заставляет нас вести активную работу по созданию советской молодежной музыки, как сильного средства контрпропаганды...»

«Наша музыка — это не развлечение, — сказано в другом месте. — Мы — русские люди и отдаем себе отчет в том, что живем в социалистической действительности. Пусть «Секс-пистолз» поёт о разрушении — мы будем петь о созидании, о человеке, который в борьбе со своей душой пришел к добру. А выразить эту борьбу по-настоящему могут не легкомысленные мелодии эстрады, а интенсивный, страстный, кипучий ритм рока...»

Мы — прогрессивное начало. Слушайте «УРФИН ДЖЮС!»

Не правда ли, любопытный документ?

При всей претенциозности стиля, проскальзывающего местами откровенного самолюбования написан он вполне «в духе» и «в соответствии». Казалось бы, уж в чем в чем, а в аполитичности, безыдейности обвинить их нельзя, и комсомол, учреждения культуры должны бы с распростертыми объятиями встречать «Урфина» и его бескорыстную армию, на пользу себе обращать неукротимую энергию.

Однако не тут-то было. Официальным вниманием их не баловали. И это еще очень мягко сказано...

— Мы никогда не ставили своей целью быть некоей подпольной группой, исподтишка воевать с кем-то. С самого начала мы действовали открыто, гласно, пытались найти контакт с работниками культуры, обкомом ВЛКСМ. Однако очень долго нас откровенно игнорировали, не хотели замечать. Всех просто пугало слово «рок»... Во всем Свердловские мы не смогли найти даже временной репетиционной базы — пришлось переехать в Верхнюю Пышму. А позже, когда, оставив тщетные попытки добиться официального разрешения выступать, мы начали делать это «самовольно», начались совсем странные вещи. На Егора Белкина, например, после одного из концертов пришла бумага в университет с обвинением едва ли не в антисоветской деятельности. Меня однажды уволили с работы, и так далее, и тому подобное... Причем я заметил удивительную вещь: разные чиновники воспринимали нас по-разному. В Свердловске считали антисоветчиками; в Казани — восхищались, говорили: вы — новое слово, носители прогресса... То есть никаких правил в этой игре ярлыками не было. Наше творчество полностью зависело от настроения конкретных людей, уровня их культуры, образованности.

Застой не имел единых законов.

И все же солдаты «Урфина Джюса» выстояли, остались верны своим принципам несмотря ни на что, и за одно это их уже стоит уважать. Но в этом — отнюдь не единственная заслуга храброго тезки знаменитого волшебника. По существу, начав войну с засилием голого подражательства в так называемой магнитофонной культуре, он стал одним из основоположников содержательного советского рока, оставил после себя множество последователей, учеников, среди которых, например, Юрий Шевчук из уфимского «ДДТ», братья Солюгубы из ленинградских «Странных игр». Я уже не говорю о «Наутилусе Помпилиусе», других свердловских коллективах, которые являются прямыми наследниками «Урфина». Причем богатство этого наследства, по-моему, до конца еще не оценено. Теперь часто говорят о том, что рок дает слишком мало собственно музыкальных открытий, чересчур «завязан» на социальную злободневность. У «Урфина Джюса», особенно — в альбоме «15», таких открытий достаточно. Так что, возможно, «урфинские» композиции Пантыкина впоследствии войдут не только в историю рок-движения, движения социального протеста, но и в музыкальную историю...

ВСТРЕЧА НА НОВОМ ВИТКЕ

В 1984 году «Урфин Джюс» распался. Главных причин тому, если я правильно понял, было две. Первая, думается, уже ясна читателям — отсутствие элементарной поддержки, постоянные давление «сверху». Вторая — общая беда многих групп, о которой хорошо сказал однажды Александр Градский: «Составу музыкантов сохраниться на долгое время очень непросто. Узвять противоречия между несколькими людьми гораздо сложнее, чем свои собственные». Но была у Пантыкина еще и третья причина, заставившая его на довольно длительное время отойти от активной концертной деятельности: он прекрасно понимал, что профессиональному музыканту для нормального развития технического образования явно недостаточно, и всерьез занялся учебой. Экстерном закончил музыкальное училище, поступил в консерваторию на отделение композиции. Одновременно много писал для театра, взялся за «Конец света», «озвучил» несколько спектаклей Свердловского ТЮЗа, один из которых — «Иуда Искариот» — был удостоен впоследствии первой премии на престижном столичном фестивале. Мы считали с Сашей: из его сегодняшних тридцати двадцать два года, включая школьные, затрачены на учебу, параллельно с которой шло практическое постижение секретов мастерства. Лично меня эта цифра поразила. Подумалось: сколько же жажды энергии, энергии может вместиться в одном человеке! И какую же волю, упорство нужно иметь, чтобы не растратить это все

по мелочам, всегда быть в состоянии уметь сосредоточиться на главном, сохранить свое лицо.

— Изменилось ли что-нибудь с приобретением новых знаний, опыта в твоих взглядах на работу? Нуждается ли сегодня в поправках та, «джюсовская» теоретическая программа?

— Конечно, в программе той немало юношеской запальчивости, максимализма. Но если это все отбросить, оставить суть, идею, то она осталась прежней. Как и тогда, смыслом труда моего и моих единомышленников остается борьба за новое искусство, борьба со всем косным, застоявшимся. Одну весьма существенную поправку пришлось внести в свои прежние представления о музыке. Долгая работа в самых различных жанрах — симфоническом, хоровом, джазе и так далее — привела к выводу: музыка едина, едины законы, по которым она пишется, по которым общаются с ее помощью люди. Я не выделяю теперь рок в какую-то особую ее разновидность. Есть музыка плохая и есть хорошая. А все остальные деления — чистая условность, придуманная для удобства в разговоре. Вот почему сегодня я не вижу особой разницы между «металлистом», который кроме своего «металла» ничего не слушает, и человеком, признающим только академические формы, а остальное отвергающим. Оба они одинаково ушербны, оба многого лишены.

Два года назад «творческий отпуск» Пантыкина закончился. К нему обратился Игорь Скрипкарь с просьбой помочь записать сольный альбом. Естественно, Саша не отказал своему школьному другу. А в результате в Свердловске появилась новая группа «Кабинет», вернее сказать, группа старых единомышленников под новым названием. Ведь все ее участники — в том числе гитарист Михаил Перов, саксофонист Михаил Архипов — начинали когда-то в «Сонансе». Как видим, творческие интересы музыкантов тоже имеют тенденцию к развитию по спирали. Разойдясь в какой-то момент, на новом, более зрелом витке они иногда сходятся снова. Только на этот раз встреча их состоялась в совершенно иной ситуации.

— С 85 года, и особенно со времени открытия в Свердловске рок-клуба, воздух вокруг нас переменялся. Стало возможным все: концерты, фестивали, записи. Когда-то о таком мы не могли мечтать. Впрочем, я-то в глубине души всегда знал, что рано или поздно это должно случиться. Ведь остановить столь массовое движение, охватившее не только Свердловск — всю страну, невозможно.

В новых условиях знатоки многого ждали от «Кабинета», и уже вскоре надежды они оправдали, хотя и не все. Первая запись коллектива — альбом «Вскрытие» — отличается высочайшим исполнительским уровнем, имеются в ней и просто уникальные композиторские находки. Однако кое-кто из критиков вновь находит, что слишком отстранены эти композиции от жизни, чересчур уж они усложнены, академичны, а значит, опять не найдут выхода к широкой публике. Мне так не показалось. Впрочем, лучше всего на эту тему высказался автор:

— «Кабинет» не стремится стать особенно популярным. Для этого надо играть поп-музыку. Мы же ставим перед собой совсем другие задачи. По-прежнему ищем, осваиваем новые идеи, и счастливы, если это удастся.

— Может ли наступить такое время в обозримом будущем, когда вкус массового слушателя достигнет до интереса к сложным музыкальным формам?

— Думаю, что может. Более того, отчасти оно уже наступило. Популярность таких групп, как «Аквариум», «Телевизор», — лучшее тому доказательство. Ведь тот же Борис Гребенщиков далеко не конъюнктурщик. Он намного умнее, образованнее среднего своего слушателя, он понимает его до своего уровня, и тот идет за ним. Но «Аквариум» шел к успеху непростым, долгим путем. «Кабинет» же в его нынешнем составе лишь начинает работать. «Дойти до каждого» нам, конечно, хотелось бы. Это тоже одна из наших задач. Но куда вынесет нас творческая дорога, — может показать лишь время...

Сергей
СОКОЛКИН

МАЙСКИЙ СНЕГ

И грянул гром,
и выпал снег —
грусть вперемежку с шумом капель.
Как будто кто рассыпал смех,
потом подумал

и заплакал.

Под вечер снег набрался сил,
качаясь мутными стеблями.
Но ветер, воя,
их косил,
звеня воздушными серпами.

Потом, себе устроив роздых,
над клумбой, — словно он продрог, —
волчком крутился в хлопьях звездных
и зарывался под сугроб.
И снег порхал. И так был сочен.
И так загадочен на вид,
что целый миг казалось —

ночью

он снова в небо улетит...
Хотелось — но никто не вышел —
из снега горки заливать.
Все знали:

завтра день опять.

И грязи будет

выше крыши.

* * *

А ведь совсем не обязательно
знать имя женщины любимой...
С влюбленных губ срывая зарево
той тайны, что неодолимо
рождает музыку,

подспудно

наружу рвань души полетом.
И вот срывается посуда.
И вдребезги

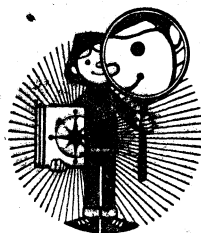
с хрустальной нотой!

С любимому забившись в небо,
за первый поцелуй состариться.
Свою судьбу

рвануть за стебель,

чтоб в искушениях не раскататься,
чтобы желаньем моментальным
все объяснять,
не разломить зубами тайны
и музыки не расплескать,
чтоб, имя на губах почуя,
взахлеб над счастьем
замолчать...

Его — как женщину чужую —
случайной встречей назвать.

НА ЛАДОНИ

Волк побеждает тигра

Наверное, любой зоолог, прочитав этот заголовок, возразит: «Такого не может быть!» Но речь в данном случае идет не о животном мире, а о... кодовых радиосигналах времен второй мировой войны.

...Гул многих десятков самолетов, поднимающихся с палуб авианосцев, наполнял воздушное пространство над огромным районом Тихого океана. А в эфире царил мертвая тишина. Это было 7 декабря 1941 года. Но вот в радионаушниках пилотов и штурманов трижды прозвучало: «Тор! Тор! Тор!» (по-японски «тигр»). То был условный сигнал для атаки Пёрл-Харбора, крупнейшей на Тихом океане базы американского военно-морского флота. На стоявшие в гавани корабли обрушились сотни бомб. На следующий день США объявили Японии войну, которая продолжалась 1365 дней.

В августе победного 45-го, ровно через три месяца после разгрома фашистской Германии, по приказу советского командования на Дальнем Востоке тоже наступило радиомолчание. Девятого числа его нарушил трижды повторенный в эфире сигнал: «Волк! Волк! Волк!». По этому кодовому радиосигналу взрвали моторы танков, поднялась в атаку пехота, в воздух авиация — штурмовики, бомбардировщики, истребители, загрохотала артиллерия. Началась Маньчжурская операция.

Стремительный удар наших частей и соединений, разрезавших и окруживших основные скопления противника, уже через десять дней заставил капитулировать Квантунскую армию — главную силу более чем миллионной военно-стратегической группировки милитаристской Японии и ее сателлитов. На всех фронтах началась массовая сдача врага в плен...

Победа советских войск в Маньчжурской операции вынудила правительство Японии (которой так и не удалось одолеть нашего американского союзника, нанеся ему решающее поражение) подписать 2 сентября 1945 года акт о безоговорочной капитуляции. «Волк» победил «Тигра».

В. АЛЕКСЕЕВ

Дважды кладоискатель

Теплым августовским вечером, готовясь ко сну, маляр кооператива «Сервис» Лидия Значонко думала о чем угодно, только не о том, что завтра она проснется если не миллионершей, то уж во всяком случае женой одного из самых состоятельных людей Зауралья.

Однако все по порядку. «Сервису» понадобилось помещение для магазина, где кооператив мог бы продавать жителям свои изделия. Исполком Шадринского горсовета передал «Сервису» полуподвал старинного особняка на углу улиц Советской и Розы Люксембург. До недавнего времени здесь было овощехранилище.

Штукатурить помещение председатель кооператива поручил Лидии Значонко. Помочь вынести мусор, выбрать землю она попросила мужа Володю.

— Ты смотри там, — напутствовала жена, — если клад найдешь, носи домой!

— Ладно, — в тон отвечал муж.

Начали уборку полуподвала. Володе помогали его родственник Вячеслав Гребин, члены кооператива Клава Сошина и Ирина Чукманова. Вчетвером они заметно углубили площадку земляного пола. И вдруг Володина лопата провалилась в пустоту...

Клад оказался поистине огромным. Вот только кое-что из описи: четверо карманных часов старинной работы, трое из них — серебряные, одни — золотые, с золотой же цепью. На карабинчике цепочки выбит номер пробы и год изготовления — 1850-й. Здесь же золотое пенсне с голубыми (солнцезащитными) стеклами, монеты, около десятка золотых и серебряных сережек с камушками, много таких же запонок, медаль от его императорского величества «За усердие», знак с короной и крестом 1773 года...

Хлопоты с кладом отложили до окончания работ, а через четыре дня Владимир Значонко вернулся домой и сказал жене:

— Так вот, я снова клад нашел!

Лиде ничего не оставалось как выразительно покрутить пальцем у виска.

— Ну честно, нашел. Вроде побольше, чем первый...

В большом узле едва поместились две громадные чайные кружки — одна наполнена французскими монетами, другая — итальянскими; блестящая колодка на платформе, украшенная пятью бриллиантами; 12 вилоч, 11 ножей, кухонный половник, два рожка ручной работы — все из серебра; рубины россыпью, бусы из различных драгоценных камней, снова монеты и т. д.

Наученные чужим опытом, когда счастливицы порой неделями маются, не зная, куда деть найденный клад, супруги решили отвезти его прямо в Москву, на Петровку, 38.

Странные посетители с не менее странными узлами в руках вызвали в названном учреждении легкий переполох. Шадринского дважды кладоискателя на бронированном автомобиле отвезли к специалистам по сокровищам, которые по всем правилам и приняли клад у Владимира Значонка.

На вопрос о стоимостиклада и размерах положенного вознаграждения они показали четыре больших листа с описью:

— Тебе очень повезло, парень. Здесь несколькими «Жигулями» пахнет. Такие сокровища нам приносят только раз, может быть, за десятилетие.

Остается добавить, что сокровища принадлежали, по всей видимости, крупному зауральскому помещику Николаю Васильевичу Протопопову и его супруге Анне Ивановне. Об этом говорят их именные печати из хрустального стекла, а также пять печатей со знаками Зодиака, где искусно отлиты фамилия и инициалы помещика и помещицы. Да и краеведам доподлинно известно, что этот особняк с подвалом принадлежал Протопоповым.

В. СТАХЕЕВ

Киты поют в рифму

Такое сообщение помещено в одном из номеров американского журнала «Нэшнл уайлдлайф». Один из ученых, ответственных за выпуск пользующегося широким спросом альбома «Песни горбатого кита», обнаружил, что киты в своих песнях используют рифмы. Научный сотрудник Международного фонда живой природы Кэтрин Пэйн полагает, что использование рифм помогает им запоминать «песни на многие темы».

Е. ИВАНОВ

Виктор ВОЗЧИКОВ

Рис. Александра Грефенштейна

РЫЦАРИ

СВЕРДЛОВСКОГО ОРДЕНА

Любо было посмотреть, какой славный боевой конь вышел... какой могучий рыцарь на нем выехал!

«Тристан и Изольда»

— В 141-й свердловской школе, которую я окончил, — рассказывает Саша Щербаков, — преподавал историю замечательный учитель Олег Валерьевич Чижевский. Он всегда приносил в класс интересную, «не по программе», литературу, делал с нами макеты античных и средневековых крепостей, метательных и стенобитных машин... А потом меня заинтересовал один простенький вопрос: как мог чувствовать себя рыцарь в полной железной амуниции?

И вот, исходя из этого невинного чувства любопытства, Саша попытался сделать свой первый доспех. Нашел в сарае железный щит, выкопал в земле ямку и «входную», методом чеканки «вытянул» себе кирасу-нагрудник и спинку рыцарского обмундирования. Потом он задумал сделать кольчугу. Ходил по хозяйственным магазинам и скупал металлические кольца для укрепления ковров на стену — по тысяче штук в коробочке, чем вызывал полные недоумения взгляды продавщиц. Кропотливейшая и почти ювелирная работа завершилась тем, что после двух месяцев «вязания» Саша примерил на себя семикилограммовый металлический «батник».

— В различных источниках говорится, что рыцари неповоротливы, неуклюжи, почти неподвижны, — говорит

Саша.— Вот я и решил не верить на слово и убедиться в этом на собственной железной «шкуре» и тем самым реабилитировать предков.

Так появился в гардеробе Щербакова полный рыцарский доспех из алюминия с кирасой, оплечьями, налокотниками, наручью, перчатками, шлемом, «брюками-сапогами». «Металлисты» лопнули бы от зависти... Но каких трудов стоили Саше эти «одежки» — знает он один. Что же до скванности движений, то в его доспехах можно танцевать брейк. Саша демонстрировал движение кисти в железной перчатке, собранной как бы из продольных чешуек: кисть движется влево-вправо, вверх-вниз, будто она на шарнирах.

Откуда что взялось?.. Любопытство к этнографии, художественный вкус — понятно: сам Саша — режиссер по профессии, а отец был художником. А умение работать с металлом уходит в уральские корни: дед Саши был кузнецом.

...Попалась Саше статья из старого журнала «Вокруг света», где рассказывалось о возрождении в Британии традиции рыцарских турниров, о ярком костюмированном представлении, где сражения за сердце прекрасной дамы носят чисто ритуальный и спортивный характер, впрочем с соблюдением всех правил игры, кодекса чести и... техники безопасности. Вторая статья в том же журнале «добила» Сашу, как выстрел из арбалета. Помимо описания современного рыцарского турнира в ней назывался и весьма туманный адрес его проведения: графство Кент, Чилхемский замок, где только одно «Общество Сургучной печати» насчитывает 5000 членов. Саша решил рискнуть, написав буквально «на деревню дедушке», и послал фотографии своего первого рыцарского турнира.

Летом позапрошлого года он вместе с друзьями в одном из алтайских сел опробовал наконец-то свои доспехи. Достали лошадей, обговорили условия «сражения» и — грянул бой. А оказавшись там волею случая ребята-ленинградцы, увидев это историческое кино, рассказали о нем дома режиссеру ленинградского телевидения. Он и пригласил Сашу Щербакова «со товарищи» на запись популярных в городе на Неве молодежных передач «Бумеранг» и «Монитор».

При огромном количестве неформалов, от «чегеваристов» до индеанистов, похоже, рыцарей у нас в стране — только один свердловский орден. Есть в Киеве театр исторического фехтования «Эпос», есть «древние греки» в Керчи — и это вроде всё... Ну, и не будем ахать по поводу рыцарей в Свердловске — железный Урал чем только не удивлял.

— ...Съемки велись в Гатчине, — рассказывает Саша, — перед царским дворцом. Нам оказали содействие каскадеры, снимавшиеся в картине «Рыцари Круглого стола», они и предоставили лошадей. Консультант этих сцен, работавший еще с Г. Козинцевым в «Короле Лире», одолжил для схваток мечи, которыми пользовались в фильме шекспировские герои. С лошадьми оказалось трудно: они боялись звона металла, шарахались от копыта над ухом. Три раза я вылетал из седла, к счастью, удачно... Когда я, скрежеща «суставами», вошел в студию, там сначала просто не могли поверить, что доспехи настоящие — за картонные приняла. Потом пощупали и развели руками. Передача вышла в конце декабря в том же году.

Но вернемся к письму в Англию, в графство Кент, в Чилхемский замок. Совершенно неожиданно Саша получил обстоятельный ответ, подписанный председателем ассоциации рыцарских турниров Великобритании Максом Даймондом, причем с книгой автора. Было в бандероли и свидетельство, что мистер Щербаков является членом турнирной федерации Великобритании. В письме было не только доброе удивление рыцарями из Советского Союза, но

и совет — написать еще в Польшу. Оказывается, подобные турниры проводятся не только в туманном Альбионе, во Франции, Италии, Швеции, ФРГ, Испании, но и у наших соседей.

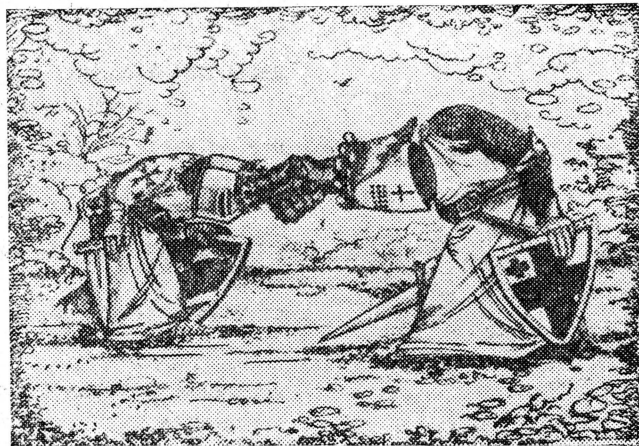
После письма в Польшу оттуда пришло приглашение на турнир. Но из-за бюрократической карусели поездка не состоялась. Кое-кому из наших отечественных чиновников все эти средневековые игрища показались более чем странными: какие там еще, к черту, рыцари?! Поездка в Польшу состоялась лишь на следующий год.

Щербакова сейчас взял под свою опеку Свердловский городской комитет комсомола, пообещав помощь и содействие в организации военно-спортивной секции, которая будет называться «Рыцарский союз». Проблем очень много. Нужна «крыша над головой», а у нас все так просто не делается. Там, где Сашу Щербакова «со товарищи» приютили, тут же потребовали от него, чтобы он занимался и хором, и кружками... Но ведь на хор и кружки специализован и так хватает! Кроме «крыши» нужна просто концентрация всего рыцарского производства: кузница, хороший зал, не просто для фехтования, а для работы с мечами — просторный спортивный зал. Нужны тренеры по фехтованию, по конной выездке. Много чего нужно...

Предполагается где-нибудь в парке выстроить «крепость», проводить там турниры, обеспечить секцию лошадей и, конечно, привлекать как можно больше подрастающих.

Вопросов и проблем больше, чем перьев на рыцарском шлеме... Даже если не брать в счет, что и в средние века обзавестись конем, латами, щитом и мечом было дорогое дело. И нынче нисколько не подешевело.

Но доведись решать все эти проблемы на каком-нибудь фантастическо-бюрократическом заседании, за идею «Рыцарского союза» голосовали бы и Дон-Кихот, и Айвенго, и Гамлет, и Тристан вместе с Изольдой. Да и наш Илья Муромец поднял бы вверх тяжелую десницу...

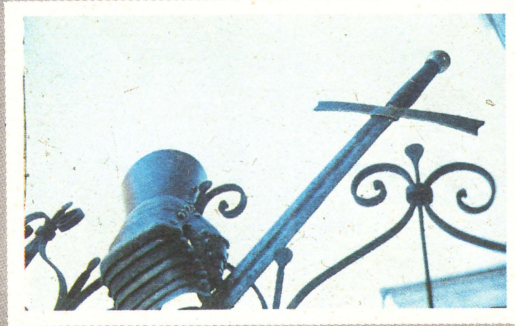

Фото Л. Баранова, цветные фото М. Ваганова

